ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Крапива Михаил Евгеньевич

РОЛЬ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ ПОСЛЕ 1991 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ, СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ)

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Харкевич Максим Владимирович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ..... 36

1.1. Нация как «воображаемое сообщество» в конструктивистской традиции теории национализма..... 36

1.2. Управление в зонах ограниченной государственности и роль внешних акторов 46

1.3. Постколониальный подход к анализу формирования национальной идентичности в условиях ограниченной государственности..... 55

1.4. Дискурсивное конструирование Балкан в контексте теорий национализма 61

ГЛАВА 2. ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ..... 72

2.1. Интеграционные инициативы Европейского союза и политика Соединённых Штатов Америки на Западных Балканах..... 77

2.2. Политика Турецкой Республики на Западных Балканах и использование инструментов «мягкой силы» 101

2.3. Политика Китайской Народной Республики на Западных Балканах 112

2.4. Политика Российской Федерации в странах Западных Балкан 122

2.5. Внутренние факторы и формы локального сопротивления внешнему воздействию..... 143

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕГО ВЛИЯНИЯ: БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА И СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ 156

3.1. Формирование национальной идентичности в Боснии и Герцеговине: институциональный контекст..... 157

3.2. Формирование национальной идентичности в Северной Македонии: политико-нормативный контекст 170

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 190

БИБЛИОГРАФИЯ..... 201

ПРИЛОЖЕНИЯ..... 236

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... 240

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность темы обусловлена тем, что в странах Западных Балкан процессы нациестроительства и выработки устойчивых моделей национальной идентичности остаются незавершёнными и продолжают выступать фактором политической динамики и региональной безопасности. Несмотря на институциональную стабилизацию, достигнутую после вооружённых конфликтов 1990-х гг., в регионе сохраняются структурные условия, воспроизводящие конфликтный потенциал: межэтническая сегментация, конкуренция исторических нарративов и символов, слабость общегражданских идентификационных оснований, а также неодинаковая легитимность государственных институтов в различных общинах. В этих условиях национальная идентичность сохраняет статус не только социально-культурной, но и политико-институциональной переменной, влияющей на устойчивость государственных систем и способность обществ к интеграции.

Дополнительное измерение актуальности связано с тем, что Западные Балканы продолжают оставаться пространством активного внешнего участия, в рамках которого решения в сфере безопасности, институционального реформирования и международной интеграции нередко сопровождаются воздействием на символические основания политического сообщества. Идентичность в таком контексте становится объектом целенаправленных практик – через образовательные и культурные программы, политику памяти, дискурсивное закрепление «желательных» и «нежелательных» нарративов, а также через систему политических стимулов и условий, выстраиваемых внешними акторами. Именно поэтому анализ влияния внерегиональных сил на процессы национальной идентификации позволяет точнее описывать механизмы политической стабилизации и дестабилизации в постконфликтных обществах.

Актуальность исследования усиливается трансформацией международной среды, в которой конкурентность внешнего присутствия в регионах с незавершённой государственностью возрастает. Западные Балканы на

современном этапе выступают как зона пересечения интересов различных внерегиональных акторов, предлагающих отличающиеся модели взаимодействия и нормативные ориентиры. Это обстоятельство влияет не только на внешнеполитические приоритеты западнобалканских государств, но и на внутренние процессы легитимации власти, на характер межэтнического диалога и на выбор идентификационных рамок, в которых общество описывает само себя.

Наконец, актуальность темы определяется и тем, что исследование национальной идентичности в странах Западных Балкан позволяет уточнить более общий вопрос, существенный для международно-политической науки: каким образом в условиях ограниченной государственности внешние акторы воздействуют не только на институты и процедуры управления, но и на основания политической общности, включая символические границы «мы» и представления о политической лояльности. Тем самым обращение к данной проблематике позволяет рассматривать Западные Балканы как эмпирически значимый материал для анализа взаимосвязи внешнего воздействия, государственности и идентичности в современной международной системе.

Степень разработанности проблемы.

Вопрос нациестроительства (формирования национальной идентичности) детально изучен и разработан в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых, таких как Е.М. Астафьева, Н.А. Барышная, О. Бауэр, П. Брасс[1], Р. Брубейкер, И. Валлерстайн, Э. Геллнер, К. Калхун, С.Г. Кара-Мурза, Р. Купер,

[1] Астафьева Е.М. Нациестроительство в гетерогенном обществе: проблема выбора пути / Е.М. Астафьева // Известия Уральского федерального университета. – 2016. – Т. 11, № 1 (149). – С. 52-66; Барышная Н.А. Нациестроительство как способ формирования межэтнических отношений / Н.А. Барышная // Власть. – 2014. – № 3. – С. 43-47; Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр / пер. с нем. М.С. Панина. – СПб.: Серп, 1909. – 600 с.; Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison / P. Brass. – New Delhi: Sage, 1991. – 358 p.; Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер / пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.; Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн / пер. с фр. под. ред. О. Никифорова и П. Хицкого. – М.: Логос, 2004. – 288 с.; Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер / пер. с англ. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.; Calhoun C. Nationalism and ethnicity / C. Calhoun // Annual Review of Law and Social Science. – 1993. – Vol. 19. – P. 211-239.

В.А. Тишков, Ф. Фукуяма[2], Э. Хобсбаум, С. Шульман[3]. Классическими работами конструктивисткой парадигмы, в которых анализируются практики нациестроительства, являются труды Б. Андерсона[4] и Г. Кона. Тема национализма как современного феномена мировой политики, напрямую связанного с практиками нациестроительства, детально изучается, в том числе в трудах специалистов из МГИМО[5].

Вопросы концептуализации идентичности, её социальной составляющей, а также политического измерения нашли свое отражение в трудах ведущих исследователей национализма: Р. Брубейкера, Ф. Купера, Б. Парекха, Э. Смита[6]. В российском научном дискурсе значительный вклад в концептуализацию идентичности и её аспектов, включая *политизацию политическими силами сферы неполитического* и *политику памяти* внесли работы В.А. Ачкасова, В.С. Малахова, О.Ю. Малиновой, И.С. Семененко[7]. Ведущий специалист по

---

[2] Фукуяма Ф. Национальное строительство: руководство для начинающих / Ф. Фукуяма // Россия в глобальной политике. – 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://polit.ru/article/2004/05/25/rukovod/ (дата обращения: 10.09.2022).

[3] Кара-Мурза С.Г. Государственная политика нациестроительства в современной России / С.Г. Кара-Мурза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 62-76; Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI век / Р. Купер. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 240 с.; Тишков В.А. Российская полиэтничность в мировом контексте / В.А. Тишков // Вестник Российской нации. – 2013. – № 5 (31). – С. 12-29; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.; Shulman S. Challenging the Civic/Ethnic and West/East Dichotomies in the Study of Nationalism / S. Shulman // Comparative Political Studies. – 2002. – Vol. 35 (5). – P. 554-585.

[4] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.; Kohn H. The idea of nationalism: A study in its origins and background / H. Kohn. – Toronto (Ontario): Collier books, 1969. – 35 p.

[5] Боришполец К.П. Национализм как актуальное явление мировой политики / К.П. Боришполец // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 12. – С. 185-189.

[6] Brubaker R. Beyond «identity» / R. Brubaker, F. Cooper // Theory and Society. – 2000. – Vol. 29 (1). – P. 1-47; Parekh B. A New Politics of Identity: Political Principles for an Interdependent World / B. Parekh. – Palgrave Macmillan, 2008. – 320 p.; Smith A. National Identity / A. Smith – London: Penguin, 1991. – 227 p.; Smith A. Myths and Memories of the Nation / A. Smith – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 149–159.

[7] Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире / В.А. Ачкасов // Вестник СПбГУ. – 2013. – Сер. 6 (4). – С. 71-77; Малахов В.С. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность / В.С. Малахов. – М.: НЛО, 2023 – 288 с.; Малинова О.Ю. Концепция «другого» в исследованиях идентичности: анализ современных дискуссий / О.Ю. Малинова // Политическая наука. – 2015. – № 4. – С. 154-169; Семененко И.С. Национальное государство и национальная идентичность: смена парадигмы / И.С. Семененко // Власть и политика: институциональные

вопросам идентичности И.С. Семененко отмечает, что важной проблемой, требующей тщательного рассмотрения, становится необходимость гармонизации таких измерений идентичности, как национально-государственная и этническая. В первом случае речь идет о «политическом измерении идентичности большого сообщества», а во втором – о попытках «политизации силами заинтересованных групп сферы неполитического»[8]. Отдельная глава коллективной монографии «Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля» посвящена феномену балканизации (автор – Т.И. Попадьева). Данная метафора зачастую используется для «дискредитации идентичности балканских народов: через стереотипизацию и клеймение обесценивается коллективная балканская идентичность так, что балканизация не мыслится в отрыве от людей, проживающих на Балканах…»[9].

Религиозному аспекту формирования идентичности посвящены работы сотрудников РАН Р.Н. Лункина и Т.И. Попадьёвой[10]. В частности, заместитель директора ИЕ РАН Р.Н. Лункин видит связь между кризисом европейской идентичности и упадком христианской демократии[11]. Нельзя не согласиться и с его тезисом, что религия стала «способом самовыражения множества идентичностей в условиях неизбежной глобализации»[12]. Т.И. Попадьева придерживается позиции, что религиозный фактор препятствует

вызовы XXI века. – М.: Политическая энциклопедия, 2012. – С. 221-250; Семененко И.С. и др. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.; Семененко И.С. Идентичности в изучении политики / И.С. Семененко // Современная политическая наука: методология. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 446-463; Семененко И.С. и др. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. – М.:ИМЭМО РАН: Весь мир, 2023. – 512 с.

[8] Там же. С. 29.

[9] Там же. С. 396-397.

[10] Лункин Р.Н. Религия и кризис европейской идентичности: политические подходы / Р.Н. Лункин // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 4. – С. 210; Лункин Р.Н. Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность / Р.Н. Лункин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. (4). – С. 59; Попадьева Т.И. Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии / Т.И. Попадьева // Обозреватель-Observer. – 2021. – № 10. – С. 54-66.

[11] Лункин Р.Н. Религия и кризис европейской идентичности..., С. 210.

[12] Лункин Р.Н. Общественно-политическая роль религии в Европе..., С. 59.

распространению гражданской идентичности. Ещё одним аспектом идентичности, затронутым в рамках работ отечественных исследователей, стал мультикультурализм и культурный плюразизм. О нём писали В.В. Бубликов, Г.Ю. Канарш, В.С. Малахов и Т.И. Попадьева[13].

Тема пост-югославского пространства активно изучается российскими учеными-международниками в НИУ ВШЭ, МГИМО, РУДН, а также в Институтах славяноведения и ИМЭМО РАН. В РУДН на регулярной основе проходят защиты кандидатских диссертаций, посвященных региону[14].

Проблематика региона Западных Балкан нашла свое отражение в трудах Е.С. Арляповой, И.И. Баринова, Е.Б. Калоевой, М.М. Лобанова, М.А. Максаковой, Е.Г. Пономаревой, Е.Г. Энтиной[15]. Национальная история и идентичность

[13] Бубликов В.В. Полиэтничность: от теоретических концепций к практике / В.В. Бубликов, Г.Г. Ермак // Вестник антропологии. – 2021. – № 3. – С. 7–16; Канарш Г.Ю. Философские теории мультикультурализма / Г.Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение – 2011. – № 2. – С. 33-41; Малахов В.С. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность / В.С. Малахов. – М.: НЛО, 2023 – 288 с.; Попадьева Т.И. Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: На Примере Боснии и Герцеговины / Т.И. Попадьева // Вестник МГИМО. – 2021. – № 4. – С. 91-106.

[14] Бистрина М.Г. Политика Европейского Союза в регионе Западных Балкан: вызовы и перспективы продвижения евроинтеграции: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04. / М.Г. Бистрина. – Москва, 2021. – 269 с.; Пеич И. Сербско-российские отношения в контексте региональной безопасности на Балканах (2000–2017 гг.): диссертация … кандидата исторических наук: 07.00.15. / И. Пеич. – Москва, 2018. – 227 с.; Шабловский, В. С. Балканское направление во внешней политике РФ (1991–2021 гг.): диссертация … кандидата исторических наук: 5.6.7. / В.С. Шабловский. – Москва, 2023. – 234 с.; Коёвич С. Политика Боснии и Герцеговины в контексте внешнеполитических проблем региона Западных Балкан (1992–2023): диссертация … кандидата исторических наук: 5.6.7. / С. Коёвич. – Москва, 2026. – 221 с.

[15] Арляпова Е.С. Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия – Балканы / Е.С. Арляпова, Е.Г. Пономарева, Д. Пророкович // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17 (2). – С. 208-222; Баринов И.И. Траектории нациестроительства в странах Восточной Европы / И.И. Баринов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – т. 59 (12). – С. 90-98; Калоева Е.Б. Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан (аналитический обзор) / Е.Б. Калоева // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 3. – С. 235-265; Лобанов М.М. Страноведческие исследования Центрально-Восточной Европы: как выйти из пике? / М.М. Лобанов, Н.В. Куликова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14 (6). – С. 237–256; Максакова М.А. Страны Западных Балкан на пути в Европейский союз: проблемы и перспективы / М.А. Максакова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 11. – С. 42-55; Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры / Е.Г. Пономарева, Е.С. Арляпова. – М.: Проспект, 2024. – 320 с.; Энтина Е.Г. Незападные Балканы / Е.Г. Энтина. – М.: ИЕ РАН: Галактика, Зебра Е, 2022. – 656 с.; Энтина Е.Г. и др. 30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния? / под ред. Е.Г. Энтиной – М.: Зебра Е, 2025. – 392 с.

государств Балканского региона, а также современная этнополитическая обстановка на пост-югославском пространстве находятся в сфере интересов российских исследователей Я.В. Вишнякова, Е.Ю. Гуськовой, Н.К. Никифорова, А.А. Пивоваренко, Н.С. Пилько, Т.И. Попадьёвой, И.В. Рудневой, Я.Н. Смирнова[16]. В сборнике статей «Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.»[17] Института славяноведения РАН рассматриваются европейские устремления Балканских стран, а также инициативы европейских стран по интеграции государств Балканского региона в исторической ретроспективе и на современном этапе путем экономической, политической и культурной интеграции. Балканская тематика нашла свое отражение и в докладе международного дискуссионного клуба «Валдай» на тему: «Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России»[18], где дан детальный обзор политики региональных и внерегиональных игроков на Балканах.

---

[16] Вишняков Я.В. Сербия на Балканах: изобретение «порохового погреба Европы» / Я.В. Вишняков, Е.Г. Пономарева // Современная Европа. – 2018. – № 7 (86) – С. 108-121; Вишняков Я.В. «Политическая античность» на постъюгославском пространстве / Я.В. Вишняков // Новая и новейшая история. – 2022. – № 4. – С. 120-134; Гуськова Е.Ю. Балканский опыт миротворчества в современных условиях / Е.Ю. Гуськова // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 3 (60). – С. 75-88; Никифоров К.В. История Балкан. На переломе эпох (1878-1914 гг.) / отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: ИСл РАН, 2017. – 503 с.; Евсеев В.В. Влияние политики Турции на страны Балканского региона / В.В. Евсеев, А.А. Пивоваренко, А.Г. Гаджиев // Геоэкономика энергетики. – 2021. – № 4. – С. 70-94; Пилько Н.С. Республика Словения – 30 лет независимости / Н.С. Пилько // Slovenica v. Республика Словения: путь к независимости. – М.: ИСл РАН, 2023. – С. 182-219; Попадьева Т. И. Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: На Примере Боснии и Герцеговины / Т.И. Попадьева // Вестник МГИМО-Университета. – 2021.– № 4. – С. 91-106; Руднева И.В. Сербский народ в Хорватии – национальное меньшинство / И.В. Руднева // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. – М.: ИСл РАН, 2014. – С. 92-105; Смирнов Я.Н. Между Востоком и Западом»: ключевые политические тренды на Балканах в 2021 году / Я.Н. Смирнов // Евразия.эксперт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasia.expert/klyuchevye-politicheskie-trendy-na-balkanakh-v-2021/ (дата обращения: 13.07.2022).

[17] Гришина Р.П. Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. / Р.П. Гришина – М.: ИСл РАН, 2014. – 634 с.

[18] Энтина Е.Г. Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России / А.А. Пивоваренко, Е.Г. Энтина // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/kuda-idut-balkany/ (дата обращения: 23.05.2023).

Балканские исследователи также уделяют внимание региону, становлению его идентичности и факторам, обусловившим данный процесс[19]. В периодическом издании этнографического института Сербской академии наук и искусств «Сербский Восток в прошлом и настоящем: археология, этнология, история и лингвистика»[20] авторы разбирают конфликтный потенциал региона, его историческое наследие и религиозный фактор объединения народов. Сербский географ М. Грчич рассмотрел в своей статье[21] вопрос, связанный с проблемами культурной идентичности на Балканах, где посредством ретроспективного анализа рассмотрел различные аспекты и амбивалентность термина Балканы через призму физико-географических, культурно-географических, геополитических и демографических аспектов, выявил взаимосвязь сложной географической структуры и проблемы культурной самоидентификации. Особую роль исследователи отводят австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины, которая, по их мнению, положила начало глубоким социально-политическим изменениям[22]. В частности, была разработана идея отдельной боснийской нации, носителями которой должен был стать класс боснийских мусульман-феодалов, созданный в результате массового обращения средневековой боснийской знати в ислам. Таким образом, политика Австро-Венгрии была направлена на поиск «идеологической точки опоры для необходимого отделения Боснии и Герцеговины от Сербии»[23].

Значительный пласт академической литературы посвящен внешнему присутствию в регионе, влиянию на Балканы и его различным аспектам. Здесь можно выделить научные публикации Дж. Доббинса, С.Л. Вудворд,

---

[19] Petrović D. Anatomija identiteta: teorijsko problematiziranje identiteta, Anatomy of identity: theoretical approach to identity / D. Petrović // Etnološka istraživanja. – 2006. – № 11. – S. 209-233.

[20] Филиповић В. Српски Исток некад и данас: археологија, етнологија, историја и лингвистика. Етно-културолошки зборник. Књига XXII / И. Тодоровић, В. Филиповић. – Сврљиг: Центар за туризам, културу и спорт, 2019. – 224 с.

[21] Грчић М. Проблеми културног идентитета Балкана / М. Грчић // Herald. – 2017. – С. 39-67.

[22] Милошевић Б.М. Српско школство као бедем идентитетском инжињерингу Бењамина Калаја у Босни и Херцеговини / Б.М. Милошевић. – Приштина – Лепосавић: Баштина, 2023. С. 315.

[23] Суботић М. Идентитет и геополитичка стварност Срба / М. Суботић. – Београд: Институт за политичке студије, 2012. С. 79.

Е.Ю. Гуськовой, И. Кабы, Б. Хржовой[24]. Ведущий российский специалист по Балканскому региону Е.Ю. Гуськова в своей книге «Балканские дороги и шальное бездорожье: Взгляд русского историка» рассматривает основные этапы российской политики на Балканах, становление и развитие русско-сербских и черногорских отношений, истоки и причины влияния России в данном регионе. Б. Хржова, занимающаяся изучением экономической политики Китая на Балканах, отмечает, что строительство автомагистралей в Северной Македонии, финансируемое китайскими компаниями, не только укрепляет экономические связи, но и влияет на восприятие национальных приоритетов и социальные установки населения. И. Каба подчеркивает, что такие международные структуры, как НАТО и ООН стремятся обеспечить стабильность через создание «безопасных зон» и другие инициативы. Однако эти усилия нередко воспринимаются как вмешательство в локальные интересы, усиливая конфликт между различными этническими группами. В Боснии и Герцеговине, например, этнические идентичности зачастую формируются через призму отношения к международным силам, которые воспринимаются либо как гаранты стабильности, либо как угроза.

Внешних фактор влияния на Балканах также предметно изучается в трудах балканских исследователей Б. Зорич, Й. Джанкич, Й. Минич, С. Наградича, Д. Танасковича, М. Тодоровой[25]. Они отмечают, что ЕС занимает центральное

[24] Гуськова Е.Ю. Балканские дороги и шальное бездорожье: Взгляд русского историка / Е.Ю. Гуськова. – Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. – 612 с.; Chrzová B. Chinese Economic Influence in the Western Balkans: Infrastructure Development in North Macedonia / B. Chrzová // Regional Economic Review. – 2019. – Vol. 15 (2). – P. 45–61; Dobbins J. Europe's role in Nation-Building: From the Balkans to the Congo / J.Dobbins, S.G. Jones, K.Crane. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. – 298 p.; Kaba I. Security Policies in the Balkans: The Role of International Actors / I. Kaba. – Sarajevo: Balkan Security Studies, 2013. – 256 p.; Woodward S.L. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War / S.L. Woodward. – Washington: Brooking Institutions Press, 1995. – 556 p.; Woodward S.L. Varieties of State-Building in the Balkans: A Case for Shifting Focus / S.L. Woodward // The Berghof Handbook II. – Opladen / Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2011. – P. 315-335.

[25] Džankic J. Citizenship in Bosnia and Herzegovina, Macedonia and Montenegro: Effects of Statehood and Identity Challenges / J. Džankic. – London: Routledge, 2016. – 256 p.; Minić J. Budućnost EU i zapadni Balkan - pogled iz Srbije / J. Minić. – Beograd: Fondacija Fridrih Ebert: Evropski pokret u Srbiji, Forum za međunarodne odnose: Grafolik, 2016. – 24 s.; Наградић С. Политике (не)пријатељства. Европа и Балкан. Истраживање политике идентитета ЕУ на Западном Балкану / С. Наградић. – Бања Лука: Балканолошки истраживачки центар, 2015. – 242 с.; Tanasković D. Neoosmanizam. Povratak Turske na Balkan [Neo-Ottomanism. Turkey's Return

место в формировании идентичностей на Западных Балканах. Исследования Й. Джанкич показывают, что ЕС не только продвигает экономические программы и поддержку интеграционных процессов, но и влияет на восприятие национальной и европейской идентичности. Такие инициативы нередко вступают в конфликт с местными традициями, усиливая напряжение между этнической и гражданской принадлежностью. Исследователь подчёркивает, что эта двойственность становится источником нестабильности и противоречий в регионе. М. Тодорова в книге «Балканские идентичности: нация и память» подчёркивает, что международные акторы нередко используют память о югославском прошлом для продвижения своих интересов. Исторические травмы и мифы о национальной идентичности становятся инструментами влияния, позволяя внешним силам укреплять свои позиции в регионе. Это особенно заметно в Боснии и Герцеговине, где наследие Дейтонских соглашений до сих пор определяет политическую и этническую структуру. Б. Зорич подчеркивает, что такие игроки, как ЕС, НАТО и Турция активно формируют идентичности через культурные и политические механизмы. Турция, например, использует историческую близость для укрепления своего влияния в регионе. Наиболее очевидно это проявляется в Северной Македонии, где культурные инициативы и экономические проекты Турции способствуют продвижению её интересов и укреплению связей с местным населением.

В рамках европейских исследований феномен европеизации как распространения европейских институтов для стимулирования внутренних трансформаций рассматривается в работах неоинституционалистов Т. Берцель, П. Грациано, К. Радаэлли, Т. Риссе[26]. Отдельное внимание в научной литературе уделено европеизации Западных Балкан, в частности, в контексте

---

to the Balkans] / D. Tanasković. – Belgrade: JP Službeni glasnik, 2010. S. 109; Todorova M. Balkan Identities: Nation and Memory / M. Todorova. – London: Hurst & Company, 2004. – 352 p.; Zorić B. Turkish Foreign Policy in the Western Balkans: Cultural and Economic Integration / B. Zorić // Journal of Balkan Studies. – 2019. – Vol. 15 (4). – P. 67–84.

[26] Börzel T.A. From Europeanisation to Diffusion: Introduction / T.A. Börzel, T. Risse // West European Politics. – 2012. – P. 1-19; Graziano P. Europeanization. New Research Agendas / P. Graziano, M. Vink. – London: Palgrave Macmillan, 2008. – 431 p.; Radaelli C. The Politics of Europeanization / K. Featherstone, C. Radaelli. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 368 p.

политики расширения ЕС, что отражено в исследованиях Т. Берцель, С.Е. Князевой, М.А. Максаковой, Е.Г. Пономаревой, И.Н. Щербака[27].

Проблеме нациестроительства и национальной самоидентификации посвящен серьезный массив научной литературы. Регион пост-югославского пространства, его культурные и географические особенности также находятся в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных авторов. При этом автор считает перспективными дальнейшие исследования данного географического пространства через оптику теории постколониализма, так как оно традиционно рассматривается преимущественно в рамках теорий национализма и этнополитических конфликтов. Регион уже анализировался через дискурсивные конструкты Э. Саида болгарским историком М. Тодоровой. Данный научный метод получил названием «балканизм». В рамках данной работы мы рассматриваем не сам «балканизм» как дискурсивную практику, а то, как он влияет на формирование национального самосознания и идентичности.

Особый научный интерес в связи с этим представляет проработка слабо изученной темы внешнего влияния на внутренние идентитарные процессы балканских государств, её анализ через призму теории постколониализма и «балканизма». Ответом на воздействие внешних акторов является локальное (внутреннее) сопротивление местных этнических сообществ.

---

[27] Börzel T.A. When Europeanization Hits Limited Statehood: The Western Balkans as a Test Case for the Tranformative Power of Europe / T.A. Börzel // Cover: Working Paper KFG. The Transformative Power of Europe. – 2011. – 18 p.; Князева С.Е. Проблема вступления в ЕС Балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского Союза / С.Е. Князева // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 2 (110). – С. 176-193; Максакова М.А. Страны Западных Балкан на пути в Европейский союз: проблемы и перспективы / М.А. Максакова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 11. – С. 42-55; Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры / Е.Г. Пономарева, Е.С. Арляпова. – М.: Проспект, 2024. – 320 с.; Щербак И.Н. Западные Балканы в стратегии Евросоюза / И.Н. Щербак // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 3. – С. 41-47.

Источники.

Эмпирическая база исследования сформирована в виде корпуса текстов для критического дискурс-анализа и включает:

1. Документы внерегиональных акторов (нормативные акты, стратегии, концепции, коммюнике, официальные выступления и тексты интервью);

2. Публичные тексты официальных лиц Боснии и Герцеговины и Северной Македонии;

3. Вспомогательные материалы – социологические опросы, статистические данные и опубликованные интервью.

В качестве дополнительного источника используются интервью из монографии «30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния?»[28] как качественный материал для анализа повседневного самоописания (не рассматриваются как самостоятельное «полевое» исследование автора). Данный подход позволяет сопоставить внешнее дискурсивное конструирование региона и локальные формы его принятия, переосмысления, адаптации и сопротивления.

Отбор текстов для критического дискурс-анализа осуществлялся по следующим критериям: 1) официальный статус источника (стратегии[29], концепции внешней политики[30], коммюнике саммитов[31], программные документы[32], тексты

[28] Энтина Е.Г. и др. 30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния? / под ред. Е.Г. Энтиной – М.: Зебра Е, 2025. – 392 с.

[29] 12 мер КНР для поощрения дружественного сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы) / Центральное правительство КНР. – 26.04.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/ldhd/2012-04/26/content_2124352.html (дата обращения: 22.06.2023); National Security Strategy // The White House. – 12.10.2022. [Electronic resource] – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (date of access: 24.12.2022); Davutoğlu A. Zero Problems in a New Era / A. Davutoğlu // Minister of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. – 21.03.2013. [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.tr/zero-problems-in-a-new-era.en.mfa (date of access: 22.06.2023).

[30] Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 22.06.2023); Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/ (дата обращения: 22.06.2023); Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 22.06.2023); Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 22.06.2023).

официальных выступлений и интервью действующих должностных лиц[33], а также нормативные акты)[34]. 2) тематическая релевантность – тексты, анализирующие Западные Балканы, отдельные государства региона, их идентичность, суверенитет, реформы, безопасность, интеграцию[35]. 3) принцип сопоставимости – для разных акторов подбирались тексты со сходным функционалом, что позволило корректно сопоставлять их нарративы через категории самопозиционирования, создания образа региона, отношения к суверенитету. 4) в корпус эмпирических данных включены тексты, отражающие пост-югославский период внешнего присутствия в регионе.

---

[31] EU-Western Balkans Summit Thessaloniki : Joint Declaration. – Thessaloniki, 23.06.2003. [Electronic resource]. – URL: https://www.greekembassy.org/Embassy/content/en/Article_office-2-folder-351-article-11755.html (date of access: 22.06.2023).

[32] Trieste Western Balkans Summit Declaration by the Italian Chair // Trieste Summit. – 12.07.2017. [Electronic resource]. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/documenti/documenti/Notizie_allegati/balcani/Trieste_Western_Balkans_Summit_Declaration_Italian_Chair.pdf (date of access: 22.02.2022); A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans / European Commission. [Electronic resource]. – 2018. – URL: https://integrimi-ne-be.punetejashtme.gov.al/wp-content/uploads/2020/04/Communication-Credible-Enlargement-Perspective-Western-Balkans_en.pdf (date of access: 22.06.2023).

[33] Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова боснийско-сербской газете «Глас Српске» // МИД России. – 28.10.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts//asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4409359 (дата обращения: 28.10.2020); Интервью заместителя Министра иностранных дел России А.В. Грушко албанской газете «Шекулы» // МИД России. – 13.03.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/publikatsii/1456021/ (дата обращения: 13.03.2019); Интервью директора Четвертого Европейского департамента МИД России Ю.В. Пилипсона информационному агентству ТАСС // МИД России. – 17.12.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1844201/ (дата обращения: 17.12.2022); Erdogan: West cannot bear Turkey’s position in Balkans // Anadolu Agency. – 08.05.2018. [Electronic resource]. – URL: https://www.aa.com.tr/en/todays-headlines/erdogan-west-cannot-bear-turkey-s-position-in-balkans/1138055 (date of access: 08.05.2023).

[34] Final Commission Staff Working Document North Macedonia / European Commission. – Report 2022. [Electronic resource]. – URL: https://enlargement.ec.europa.eu/system/files/2022-10/North%20Macedonia%20Report%202022.pdf (date of access: 22.06.2023).

[35] Progress and challenges in the Western Balkans // Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and emerging threats of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. – 29.04.2015. [Electronic resource]. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhrg94387/html/CHRG-114hhrg94387.htm (date of access: 22.06.2023); Bosnia and Herzegovina external relations briefing: Departure of Al Jazeera Balkans, the biggest Qatar investment in BiH / China-SEE Institute. – Budapest, 2025. – Vol. 7, № 4 (BH). – 9 p.

Корпус источников также включает данные аналитических центров представленных стран, официальные заявления балканских и внерегиональных политических деятелей. Особое внимание уделено статистическим источникам: «Евробарометру»[36], балканским аналитическим центрам, социологическим исследованиям и опросам[37]. Опросы общественного мнения стали важной источниковой базой для определения степени влияния разных акторов на общественное сознание представителей определенных этносов (албанцев, бошняков-мусульман, сербов, македонцев-славян) в рамках единого государственного образования.

Тщательно отобраны и проанализированы материалы средств массовой информации (российских и зарубежных периодических изданий). Особый интерес представили статьи и отрывки выступлений политиков и лиц, принимавших непосредственное участие в описываемых в хронологических рамках исследования событиях.

Объект исследования. Объектом исследования являются процессы формирования национальных идентичностей на Западных Балканах, рассматриваемые на материале Боснии и Герцеговины и Северной Македонии. Эти процессы анализируются в их динамическом взаимодействии с влиянием внерегиональных акторов, которые выступают как внешние силы, оказывающие политическое, экономическое, культурное и символическое воздействие на национальное самоопределение и идентификационные модели местного населения.

Предмет исследования. Предметом исследования является роль внерегиональных акторов – Европейского союза, Соединённых Штатов Америки, Турции, Китайской Народной Республики и Российской Федерации – в формировании и трансформации национальных идентичностей в Боснии и

[36] Eurobarometer survey: Trust in the EU varies across the Western Balkans. – 2023. [Electronic resource]. – URL: https://europeanwesternbalkans.com/2023/07/11/eurobarometer-survey-trust-in-the-eu-varies-across-the-western-balkans/ (date of access: 22.09.2023).

[37] Miltojević V. Euro-optimism or Euroscepticism: Opinions of students from Serbia, Macedonia and Bulgaria / V. Miltojević // RUDN Journal of Sociology. – 2019 – Vol. 19 (2). – P. 231.

Герцеговине и Северной Македонии. В центре внимания находятся механизмы и инструменты внешнего воздействия, стратегии и формы их реализации, а также практики адаптации и сопротивления со стороны локальных политических элит и социальных групп.

Цель исследования. Целью диссертационного исследования является выявление и анализ механизмов влияния внерегиональных акторов на процессы формирования национальных идентичностей в странах Западных Балкан в пост-югославский период. В рамках исследования предполагается осмысление того, каким образом внешние акторы воздействуют на идентификационные нарративы и символические основания политического сообщества, а также анализ форм и пределов сопротивления этим воздействиям со стороны местных элит и населения.

Задачи исследования:

1. Проанализировать основные теоретические подходы к изучению национальной идентичности в рамках теории международных отношений, включая конструктивистские теории национализма, постколониальную теорию и концепцию «балканизма», и определить их эвристический потенциал для анализа процессов идентификации в странах Западных Балкан. Рассмотреть концепцию ограниченной государственности и обосновать возможность её применения для анализа политических и идентификационных процессов в странах Западных Балкан в пост-югославский период.

2. Выявить и систематизировать основные формы и механизмы воздействия внерегиональных акторов на процессы формирования национальной идентичности в регионе Западных Балкан, включая политические, институциональные, экономические и культурно-символические инструменты.

3. Проанализировать роль ключевых внерегиональных акторов (ЕС, США, Турции, КНР и РФ) в формировании идентификационных процессов в странах Западных Балкан, с учётом специфики их стратегий и инструментов воздействия.

4. Изучить, как формируется национальная идентичность в Боснии и Герцеговине в контексте постконфликтного государственного строительства и режима внешнего управления политическими процессами.

5. Исследовать, как национальная идентичность в Северной Македонии конструируется в условиях внешнего нормативно-политического влияния и внутренних политических изменений.

6. Провести сравнительный анализ моделей и механизмов внешнего влияния на процессы формирования национальной идентичности в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии, выявив как общие черты, так и различия, обусловленные институциональным и политическим контекстом каждого кейса.

Гипотеза исследования. Процессы формирования национальных идентичностей в странах Западных Балкан после 1991 года находятся под значительным влиянием внерегиональных акторов. Их роль можно описать как через призму неоколониальных, так и неколониальных практик. Вектор влияния в рамках данного исследования разделен на западный (колониальный), представленный ЕС и США, восточный (неколониальный) – Россией и Китаем и турецкий подход, являющийся комбинацией этих двух стратегий (см. Блок-схему 1).

В условиях ограниченной государственности в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии внерегиональные акторы воздействуют на формирование национальной идентичности прежде всего через институциональные, нормативные и символические механизмы. Результат этого воздействия определяется не только интенсивностью внешнего присутствия, но и внутренней институциональной архитектурой, конфигурацией этнополитических элит и устойчивостью конкурирующих исторических нарративов. Поэтому внешнее влияние не ведёт к унификации идентичности, а порождает различные эффекты – её гибридизацию, селективную адаптацию внешних моделей или усиление этнополитического размежевания.

Исследовательский вопрос заключается в том, каким образом и через какие политические и символические механизмы внерегиональные акторы

воздействуют на процессы формирования национальных идентичностей в государствах Западных Балкан и почему сходные инструменты внешнего влияния приводят к различным конфигурациям идентичности в конкретных национальных контекстах?

Теоретико-методологическая основа исследования.

Методология исследования основывается на применении комплекса взаимодополняющих теоретических подходов, позволяющих анализировать формирование национальных идентичностей в условиях ограниченной государственности и интенсивного внешнего присутствия. В качестве интегрирующей рамки используется постколониальная теория[38], дополненная инструментарием исследований национализма, концепцией «балканизма»[39], а также теориями символического и нормативного влияния во внешней политике.

Выбор подобной исследовательской стратегии позволяет рассматривать идентичность не как фиксированную характеристику политического сообщества, а как результат динамического взаимодействия дискурсов, институтов власти и практик внешнего управления.

Особого пояснения требует вопрос о корректности применения постколониальной теоретической рамки к анализу процессов, происходящих в регионе Западных Балкан. В классическом понимании постколониальные исследования формировались вокруг опыта территорий, находившихся в формальной зависимости от метрополий и прошедших через этап деколонизации. Классический ориентализм Э. Саида рассматривает взгляд Запада (колонизатора) на Восток (колонизируемого). В случае балканских государств имела место инверсия данной оптики. Они находились под управлением Османской империи (Востока). Следовательно, в рамках данной работы рассматривается не только классический ориентализм, но и оксидентализм.

---

[38] Bhabha Homi K. The Location of Culture / Homi K. Bhabha. – New York: Routledge classics, 2004. P. 174.

[39] Todorova M. Imagining the Balkans / M. Todorova. – Oxford: Oxford University press, 2009. – 209 p.

Однако в развитии постколониальной мысли постепенно произошло смещение акцента от изучения исключительно формального колониального статуса к анализу более широкого круга феноменов – устойчивых асимметрий власти, производства иерархий знания, механизмов культурного доминирования и формирования зависимых траекторий развития. В центре внимания оказываются не столько имперские администрации, сколько способы конструирования «периферии», нуждающейся во внешнем руководстве, модернизации и нормативном наставничестве.

Именно в таком расширительном понимании постколониальная оптика оказывается продуктивной для исследования Западных Балкан. Регион на протяжении длительного исторического периода находился в пространстве соперничества империй, а в постбиполярную эпоху оказался включён в плотную сеть международного управления, финансовой и институциональной зависимости, а также нормативного трансфера. В результате формируются отношения, в рамках которых ключевые параметры политической и социальной трансформации во многом задаются извне, а локальные акторы вынуждены адаптироваться к внешне определяемым критериям легитимности.

Подобная конфигурация власти сближает ситуацию на Балканах с описываемыми в постколониальной литературе механизмами «опеки», «наставничества» и дисциплинирующей модернизации. Речь идёт о воспроизводстве иерархии, в которой одни участники международного взаимодействия обладают правом интерпретации нормальности, зрелости и демократичности, тогда как другие выступают объектами оценки и преобразования.

Не менее значимым является и дискурсивное измерение. Внешние представления о регионе как о пространстве хронической нестабильности, этнической конфликтности и дефицита политической рациональности формируют основу для оправдания постоянного международного присутствия. Тем самым создаётся символическая рамка, внутри которой вмешательство приобретает характер естественной и необходимой практики.

Использование постколониального подхода позволяет выявить, каким образом подобные описания не только отражают, но и производят социальную реальность, закрепляя зависимое положение и ограничивая спектр допустимых стратегий развития. При этом особое внимание уделяется ответным реакциям местных обществ, которые могут принимать форму адаптации, избирательного заимствования или сопротивления.

Дополнительным аргументом в пользу применимости постколониальной теоретической рамки к анализу западнобалканского материала выступает характеристика региона как пространства ограниченной государственности (area of limited statehood)[40]. В подобных политических образованиях государственные институты не обладают полной монополией на выработку и реализацию правил, а значительная часть управленческих, нормативных и даже символических функций распределяется между внешними и внутренними участниками.

В условиях, когда существенные элементы политического порядка формируются при активном участии международных организаций, донорских структур и иностранных государств, возникает ситуация, сходная с описываемыми в постколониальной литературе режимами внешнего наставничества и опеки. Локальные институты оказываются встроенными в систему асимметричных зависимостей, где критерии эффективности, легитимности и «нормальности» задаются преимущественно извне.

Такое положение не предполагает наличия формального колониального статуса, однако воспроизводит ключевую для постколониального анализа проблему – неравенство возможностей в определении направлений развития и символических оснований политического сообщества. Именно в этом смысле западнобалканские государства могут рассматриваться как участники отношений, в которых внешние акторы обладают расширенными ресурсами интерпретации и нормативного давления.

---

[40] Risse T. Governance in Areas of Limited Statehood: Introduction and Overview. In Governance Without a State? Policies and Politics in Areas of Limited Statehood / T. Risse – New York: Columbia University Press, 2011. – 312 p.

Концепция ограниченной государственности тем самым институционализирует те процессы, которые постколониальная теория фиксирует на уровне власти и знания. Она позволяет перейти от анализа дискурсивного производства «периферии» к исследованию конкретных механизмов перераспределения суверенных функций, включая международное администрирование, внешнее участие в конституционном проектировании, мониторинг реформ и управление финансовыми потоками.

В результате взаимодействие внешнего управления и локальных стратегий адаптации формирует сложные, часто противоречивые конфигурации идентичности, в которых элементы заимствования сочетаются с практиками сопротивления. Именно эта динамика становится центральным предметом эмпирической части исследования.

Таким образом, применение постколониальной теории в рамках данного исследования не означает прямого переноса моделей классического колониализма на балканский материал. Речь идёт об использовании аналитической чувствительности к асимметриям власти, к механизмам внешнего нормотворчества и к формированию гибридных идентичностей, возникающих в результате взаимодействия глобальных и локальных логик.

Важным элементом применяемой методологической рамки выступает концепция «балканизма», которая рассматривается не как самостоятельная альтернатива постколониальному подходу, а как его регионально специфическая проекция[41]. Если постколониальная теория в целом направлена на выявление механизмов производства иерархий между «центром» и «периферией», то «балканизм» демонстрирует, каким образом подобные практики реализуются применительно к Юго-Восточной Европе.

Данная концепция развивает более широкий тезис о дискурсивном конструировании «инакового», сформулированный в рамках ориенталистской традиции. Балканы в этом контексте предстают как пространство неполной

[41] Todorova M. Imagining the Balkans / M. Todorova. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 209 p.

европейскости, находящееся в промежуточном положении между «цивилизованным» центром и внешним ему миром. Подобная амбивалентность создаёт основания для постоянного внешнего педагогического и институционального вмешательства, оправдываемого необходимостью стабилизации и модернизации региона.

Тем самым «балканизм» позволяет конкретизировать постколониальную проблематику, переводя её из уровня общей теории в плоскость анализа реальных политических практик, применяемых к западнобалканским государствам. Он фиксирует не только способы описания региона внешними акторами, но и те рамки допустимого развития, которые формируются через международные институты, программы реформ и процедуры оценки соответствия нормативным стандартам.

Принципиально важно, что данный дискурс порождает и ответные стратегии локальных обществ. Стигматизирующее представление о «балканскости» может вести как к попыткам дистанцирования от навязываемого образа через ускоренную интеграцию в западные структуры, так и к его политизации в качестве ресурса сопротивления. В обоих случаях внешняя классификация становится фактором внутреннего формирования идентичности.

Теории национализма используются для анализа того, каким образом формируются и институционализируются коллективные представления о нации. Конструктивистская традиция, рассматривающая нации как воображаемые сообщества, позволяет исследовать роль образовательной политики, медийной среды и международных программ в производстве новых идентификационных рамок[42]. Этносимволистский подход, в свою очередь, помогает учитывать устойчивость исторических мифов, коллективной памяти и культурных маркеров, способных ограничивать или трансформировать внешние проекты[43].

---

[42] Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон / пер. под ред. О.А. Трайновского. – М.: Канон, 2001. – 288 с.

[43] Смит Э. Национальная идентичность / Э. Смит / пер. с англ. А.Ю. Борисова. – М.: Республика, 1994. – 240 с.

Для операционализации конкретных инструментов влияния применяется концепция «мягкой силы»[44], позволяющая выделять каналы культурного, образовательного, инфраструктурного и нормативного присутствия внешних акторов. В рамках работы она рассматривается не как альтернатива принуждению, а как часть более широких стратегий формирования предпочтений и лояльностей.

Существенную роль играет историко-социологический подход, ориентированный на анализ длительных траекторий институционального развития и памяти о предшествующих режимах господства. Он даёт возможность показать, каким образом османское, австро-венгерское, социалистическое и постбиполярное наследие образуют сложную многослойную структуру идентичности, внутри которой действуют современные акторы[45].

Наконец, исследование опирается на сравнительный анализ двух национальных кейсов – Боснии и Герцеговины и Северной Македонии. Компаративная перспектива позволяет выявить вариативность результатов внешнего воздействия и продемонстрировать зависимость идентичностных трансформаций от институциональной архитектуры, конфигурации элит и характера международного присутствия.

Методы исследования.

Ключевым методом эмпирической части исследования является критический дискурс-анализ. Он применяется к двум группам источников: официальным текстам внерегиональных акторов и ответным нарративам государств Западных Балкан. Данный метод позволяет выявить, как в языке официальных документов, публичных заявлений, стратегий, деклараций и программ конструируются регион Западных Балкан, его население, допустимые модели политического устройства и желательные формы национальной

---

[44] Най Дж. С. * Мягкая сила: Средства для успеха в мировой политике / Дж. С. Най / пер. с англ. Д.И. Смирнов. – М.: Весь Мир, 2007. – 208 с.

* Здесь и далее: в 2023 г. Джозеф Най (Joseph Samuel Nye Jr.) – член совета директоров НПО «Атлантический совет» – был внесен в поименный перечень граждан США, которым закрывается въезд в Российскую Федерацию.

[45] Лакофф Дж. Моральная политика: Как либералы и консерваторы думают / Дж. Лакофф / пер. с англ. И.Л. Вишневской. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2006. – 360 с.

идентичности. Анализируются не только содержательные позиции акторов, но и сами приемы дискурсивного производства.

В качестве единицы анализа в работе выступает отдельный текст и его репрезентативные фрагменты, содержащие устойчивые номинации, предикации и аргументационные схемы. В дискурсе внешних акторов анализируются: способы обозначения региона, суверенитета, реформ, безопасности и допустимых пределов внешнего участия. В нарративах локальных акторов – приемы самоописания, соотношение гражданской и этнической идентичности, апелляции к истории, языку, государственности и внешнему вмешательству.

В рамках обработки обширного корпуса текстов при проведении критического дискурс-анализа использовались цифровые инструменты анализа текста. Они применялись для упорядочивания эмпирических данных: предварительной структуризации корпуса источников, выделения повторяющихся лексико-семантических единиц, группировки тематических фреймов и аргументационных топосов.

Операционализация критического дискурс-анализа в данной работе строится на основе комбинации подходов Р. Водак, Т. ван Дейка и Н. Фэркло[46]. Контекстуальный уровень связывает тексты с более широкими практиками международного управления, интеграционного давления, символического доминирования и локального ответа. Дискурсивно-исторический подход Р. Водак используется для анализа дискурсивных стратегий номинации, предикации и аргументации. Номинация позволяет определить, как в дискурсе называются акторы и группы, предикация – какие качества им приписывают, аргументация – какие аргументы использованы для обоснования политических оценок. Идеологический уровень представлен анализом стратегии позитивной самопрезентации / негативной презентации других («мы/они», «центр/периферия», «стабильность/нестабильность»). Это позволяет понять, как

[46] Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. – 2nd ed. – London: Routledge, 2013. – 591 p.; van Dijk T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. – London: Sage Publications, 1998. – 384 p.; Wodak R. Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer. – 2nd ed. – London: SAGE, 2009. – 204 p.

через политический дискурс формируются представления о регионе, его проблемах и будущем. Идеологические структуры дискурса – механизмы позитивной самопрезентации и негативной презентации других – рассмотрены через скрытые схемы аргументации (топосы) Т. ван Дейка.

Постколониальная теория используется для дальнейшей интерпретации уже выявленных дискурсивных закономерностей. Это позволяет рассмотреть конструирование региона через такие категории как асимметрия власти, символическая иерархия, мимикрия, гибридность и сопротивление, а также выявить западную логику «балканизма».

Критический дискурс-анализ дополняется методами кейс-стади и сравнительного анализа. Кейс-стади позволяет проследить, как общие дискурсивные закономерности реализуются в контексте двух казусов исследования. В рамках данного исследования отобраны наиболее релевантные кейсы для выявления общих закономерностей[47]. Босния и Герцеговина представляет собой яркий пример влияния международных организаций, таких как ООН и ЕС, в условиях постконфликтного восстановления, а Северная Македония иллюстрирует влияние внешних акторов, включая Турцию и ЕС, на национальную идентичность через евроинтеграционные процессы и разрешение спора о названии страны. Эти кейсы позволяют изучить разнообразные стратегии внешнего влияния и их восприятие местным населением.

Сравнительный анализ позволяет сопоставить внешние дискурсы разных акторов. В рамках сравнительного анализа сопоставляются стратегии и инструменты, применяемые Европейским Союзом, США, Турцией, Китаем и Россией. Анализ фокусируется на том, как эти акторы используют «мягкую силу», экономическое влияние и культурные инициативы для продвижения своих интересов в регионе. Сравнение позволяет выделить, какие подходы являются наиболее успешными и как они влияют на локальные идентификационные процессы. Например, рассматриваются различия между евроинтеграционными

[47] Gerring J. Case Study Research: Principles and Practices / J. Gerring. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 265 p.

программами ЕС и инфраструктурными проектами Китая, которые имеют разные цели и способы влияния на национальные нарративы.

В исследовании также применяется исторический метод, который позволяет проследить долгосрочные процессы, предшествующие современным идентификационным конфликтам. В частности, анализируется наследие Югославии, включая этнические конфликты и социалистическую идентичность, которые оказывают значительное влияние на современные идентификационные процессы. Исторический анализ опирается на подходы Р. Козеллека[48], который акцентирует внимание на исторических структурах, формирующих политический и социальный контексты.

Базовые понятия диссертации находятся на стыке нескольких дисциплин, поэтому возникает необходимость их определения. Этническая и национальная самоидентификации являются формами самоотождествления индивида и в некоторой степени перекликаются. Однако у них имеются и существенные различия: в основу этнической самоидентификации заложен эмоциональный, чувственный аспект, в то время как национальная построена на основе рационализма. Некоторые исследователи приписывают ей надэтнический статус. Национальная идентичность в рамках данной работы понимается как многоуровневая форма коллективного самоописания, включающая этнокультурное, гражданско-политическое и символическое измерения. Этническая идентичность рассматривается как один из ее компонентов, который в условиях политизации может доминировать над гражданским уровнем.

Важным аспектом в рамках исследования является рассматриваемый рядом ученых «синдром навязанной этнической идентичности», означающий, что национально-культурная принадлежность человека против его собственной воли и желания становится слишком значимой характеристикой его бытия и сознания. Этническая идентичность начинает определять его место в обществе, комплекс прав и обязанностей, а в его самоидентификации выходит на одно из первых мест.

[48] Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / R. Koselleck. – N.Y.: Columbia University Press, 2004. – 300 p.

Научная новизна Научная новизна исследования состоит в разработке комплексного подхода к анализу процессов формирования национальных идентичностей в государствах Западных Балкан через соединение постколониальной теоретической перспективы, концепции «балканизма» и проблематики ограниченной государственности.

В работе предложено рассматривать западнобалканское пространство как зону устойчивых асимметрий власти и нормативного влияния, в рамках которых внерегиональные акторы участвуют не только в институциональном реформировании, но и в формировании рамок интерпретации политической и культурной принадлежности. Тем самым идентификационные процессы анализируются не как исключительно внутреннее явление, а как результат постоянного взаимодействия внешнего управления и локальных стратегий адаптации.

Новизна диссертации заключается в переносе постколониальной аналитической оптики на проблемы иерархии, зависимости и дискурсивного производства «периферии» на материал региона, который традиционно не рассматривался в рамках классических колониальных моделей. Использование концепции «балканизма» позволяет конкретизировать данные механизмы применительно к Юго-Восточной Европе и выявить, каким образом внешние представления о регионе становятся фактором внутреннего самоописания.

Впервые в рамках единого исследования сопоставляются стратегии различных внерегиональных акторов, отличающиеся по инструментарию и каналам влияния, которые оказывают воздействие на структуру идентификационного выбора локальных обществ. Это даёт возможность показать множественность форм внешнего присутствия и их различное восприятие в принимающих странах.

Существенным элементом новизны является и акцент на вариативности локальных ответов. В работе демонстрируется, что внешнее воздействие не является линейным: оно перерабатывается через внутренние политические

конфигурации, историческую память и интересы элит, что ведёт к возникновению гибридных и нередко противоречивых моделей идентичности.

Наконец, диссертация уточняет понимание идентичности в условиях ограниченной государственности, показывая, что перераспределение управленческих и нормативных функций между внутренними и внешними акторами становится самостоятельным фактором трансформации национального самосознания.

Теоретическая значимость работы определяется её вкладом в развитие исследований национальной идентичности и международных отношений за счёт интеграции постколониального анализа, теорий национализма и ограниченной государственности.

Диссертация демонстрирует возможность продуктивного применения постколониальной оптики к европейскому региону, тем самым расширяя географические и предметные границы данного направления. Предложенная интерпретация позволяет рассматривать отношения между западнобалканскими государствами и внешними центрами силы как форму структурного взаимодействия, в рамках которого производство норм и моделей развития связано с формированием идентификационных ориентиров.

Работа уточняет положения конструктивистских теорий нации, показывая, что воображаемые сообщества формируются не только посредством внутренних культурных и исторических процессов, но и под влиянием транснациональных институтов, международных программ реформ и дискурсивных классификаций. Тем самым классические подходы получают развитие применительно к условиям высокой внешней вовлечённости.

Важным теоретическим результатом является уточнение характера зависимости между ограниченной государственностью и расширением внешнего влияния на процессы конструирования идентичности.

Практическая значимость диссертации обусловлена тем, что её результаты и полученные выводы могут быть применены

в экспретно-аналитической и преподавательской деятельности, направленной на оценку международного участия в государствах Западных Балкан.

Во-первых, результаты работы могут найти применение при анализе политики внерегиональных акторов в регионе. Проведённая в работе типологизация стратегий внешнего участия и выявление их воздействия на идентификационные процессы позволяют более точно оценивать последствия международных инициатив в институциональной и символической сферах. Эти выводы могут быть востребованы при подготовке аналитических материалов для государственных органов, экспертных центров и международных организаций, работающих с регионом.

Во-вторых, выявленные механизмы взаимодействия внешнего воздействия и локальных стратегий адаптации представляют интерес для оценки внутренней политической динамики западнобалканских государств. Понимание роли идентификационных факторов в электоральной мобилизации, этнополитической конкуренции и протестной активности может использоваться при прогнозировании развития внутриполитической ситуации в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии.

В-третьих, результаты исследования могут быть применены при разработке программ в сфере культурного и образовательного сотрудничества. Анализ инструментов «мягкой силы» и их влияния на историческую память и символические ориентиры позволяет учитывать чувствительность идентификационной проблематики при реализации международных проектов.

Кроме того, выводы диссертации имеют значение для внешнеполитической практики государств, взаимодействующих с регионом. Установленные в работе закономерности позволяют учитывать возможные идентификационные последствия институциональных и нормативных инициатив, а также специфику локальных реакций на внешнее участие.

Наконец, материалы исследования могут использоваться в учебном процессе по направлениям «Международные отношения», «Регионоведение» и «Политология», в курсах, посвящённых проблемам национальной идентичности,

постколониальной теории и международного управления в условиях ограниченной государственности.

Хронологические рамки диссертационного исследования.

Хронологические рамки затрагивают период зарождения новых государств на Балканах (пост-югославском пространстве) и заканчиваются современностью (1991– 2026 гг.).

Региональные рамки и обоснование казусов исследования.

Современные Балканы остаются регионом традиционных интересов великих держав. Политический характер термина «Западные Балканы» (географической части больших Балкан) стал первопричиной его появления в общественно-политическом и научном дискурсе. В данной работе он используется для фиксации состава исследуемых стран. Как отмечают российские исследователи, единства мнений относительно данного понятия нет даже на Западе[49]. Формальным объединителем региона стало нахождение его стран на пороге членства в ЕС, незавершенный процесс проведения необходимых реформ. Традиционно к нему относят пять государств – Албанию, Боснию и Герцеговину, Северную Македонию, Сербию, Черногорию, а также (в западном дискурсе) «Республику Косово» (как отдельную политию). Термин носит преимущественно изоляционистский характер, что отражает неоколониальный характер политики стран Запада в отношении Балкан.

Два государства Западных Балкан – Босния и Герцеговина и Северная Македония являются наиболее репрезентативными примерами для данного исследования, так как их современная государственность (конституционная архитектура) стала результатом внешнего вмешательства, а не внутреннего консенсуса[50]. Анализ этих казусов позволяет рассмотреть весь необходимый

[49] Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры: монография / Е.Г. Пономарева, Е.С. Арляпова. – М.: Проспект, 2024. С. 7.

[50] Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности / Е.Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1 (16) – С. 64; Энтина Е.Г. Босния и Герцеговина через тридцать лет после Дейтона: есть ли перспективы национального единства? / Е.Г. Энтина // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 18.06.2025. [Электронный ресурс]. –

спектр механизмов влияния внерегиональных интересантов. Кроме того, в них задействованы разные механизмы вмешательства в процессы нациестроительства, что обусловлено институциональным наследием и характером внешнего присутствия. Таким образом, данные кейсы являются наиболее подходящими образцами для компаративного анализа.

Апробация результатов исследования

Главные результаты диссертационного исследования были апробированы в ряде публикаций в рецензируемых изданиях, входящих в перечень научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации по шифру специальности, представленной к защите (в изданиях первой и второй категории).

1. Крапива М. Мультиэтничность как средство достижения целей стран Запада в отношении западнобалканских государств. На примере Северной Македонии / М.Е. Крапива // Международная жизнь. – 2023. – № 5. – С. 110-119.

2. Крапива М.Е. Формирование боснийской нацидентичности / М.Е. Крапива // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2024. – № 4. – С. 69-81. DOI: 10.48137/2074–2975_2024_4_69

3. Крапива М.Е. Формирование европейской идентичности государств Западных Балкан в XXI веке / М.Е. Крапива // Современная Европа. – 2025. – № 1. – С. 185-192. DOI: 10.31857/S0201708325010152

Выступления на конференциях:

1. Международная научно-практическая конференция «Россия и регионы мира: контуры будущего». Институт международных отношений и социально-политических наук МГЛУ. 27-29 марта 2024 года. Доклад: «Вмешательство стран Запада в процесс формирования национальной идентичности в Боснии и Герцеговине. Актуальность Дейтонских соглашений».

Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bosniya-i-gertsegovina/ (дата обращения: 15.03.2026).

Основные положения, выносимые на защиту

1. Постколониальный подход применим к исследованию Западных Балкан, поскольку позволяет рассматривать регион как пространство устойчивого внешнего воздействия на институты, суверенитет и процессы формирования национальной идентичности. В сочетании с концепцией ограниченной государственности и концепцией «балканизма» данный подход позволяет выявить, как внешние акторы участвуют не только в политической и институциональной трансформации региона, но и в формировании рамок его символического и политического самоописания.

2. Внерегиональные акторы по-разному участвуют в борьбе за интерпретацию Западных Балкан и легитимное определение их политического будущего, используя для этого различные механизмы воздействия на идентичность. ЕС и США связывают трансформацию региона с нормативной и институциональной перестройкой. Турция опирается прежде всего на историко-культурную и религиозную близость. Россия и Китай в большей степени ограничивают монополию западного дискурса, однако делают это по-разному: Россия апеллирует к суверенитету, исторической общности и символическим ресурсам, тогда как Китай действует главным образом через экономико-инфраструктурные инструменты, дополняемые ограниченным культурным присутствием. Тем самым показано, что различия между внерегиональными акторами проявляются не только в их политических целях, но и в способах влияния на идентификационные процессы в регионе.

3. В Боснии и Герцеговине и Северной Македонии внешнее воздействие не приводит к формированию устойчивой общегражданской идентичности, а, напротив, способствует укреплению этнических и религиозных форм самоидентификации. Тем самым внешние проекты не устраняют внутренних этнополитических противоречий, а встраиваются в существующие линии размежевания и нередко усиливают их.

4. В Боснии и Герцеговине влияние внерегиональных акторов преимущественно консервирует идентитарные границы, заложенные

постдейтонским устройством, и воспроизводит этнополитическую сегментацию политического пространства. В этих условиях общегражданская идентичность остается слабой, а внешнее воздействие перерабатывается на уровне отдельных этнополитических общин, а не в рамках единого общегосударственного проекта.

5. Различие между Боснией и Герцеговиной и Северной Македонией определяется тем, как влияние внешних акторов встроено во внутреннюю политическую структуру этих государств. В Боснии и Герцеговине, где внешние акторы действуют в условиях постдейтонской сегментарной системы, их влияние усиливает уже существующее этнополитическое размежевание. В Северной Македонии, напротив, внешнее давление направлено на идентичность государства в целом и затрагивает государственное наименование, конституционную формулу, языковой вопрос и исторический нарратив, что ведет не к консервации сегментации, а к трансформации и гибридизации национальной идентичности.

Работа **структурно** разделена на три главы. Первая глава, озаглавленная «Теоретические модели формирования национальной идентичности», посвящена анализу ключевых концептуальных подходов, необходимых для понимания изучаемого явления. В разделе 1.1 рассматривается концепция «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона, которая служит основой для анализа того, как через нарративы и символы формируются национальные сообщества. Особое внимание уделяется механизму коллективного воображения и роли культурных артефактов в создании идентичностей.

Раздел 1.2 сосредоточен на управлении в зонах с ограниченной государственностью, где слабость государственных институтов делает национальную идентичность уязвимой к внешнему влиянию. Здесь анализируются теории, объясняющие, как управление в таких условиях связано с формированием идентификационных рамок.

В разделе 1.3 рассматривается формирование национальных идентичностей в условиях ограниченной государственности через призму постколониального дискурса. Особое внимание уделяется концепции «гибридных идентичностей»

Х. Бхабхы и анализу того, как внешние силы конструируют идентичности, используя исторические нарративы и культурные символы, что особенно важно для контекста Западных Балкан.

Раздел 1.4 посвящен дискурсивной практике «балканизма» в отношении Балкан, её применимости к Западным Балканам, дискуссиям вокруг неё, а также связи между «балканизмом» и теориями национализма. В ней мы описываем особенности национального строительства в условиях «балканизма». Рассмотрены позитивные и негативные тренды «балканизма» для ЗБ государств.

Вторая глава, озаглавленная «Внешний фактор в процессе формирования национальной идентичности на Западных Балканах», представляет собой эмпирический анализ стратегий и инструментов, используемых различными внерегиональными акторами. Раздел 2.1 посвящен интеграционным инициативам Европейского Союза и политике США, направленным на стабилизацию региона через институциональные реформы и культурную интеграцию. Особое внимание уделяется их воздействию на идентификационные процессы.

В разделе 2.2 анализируется «мягкая сила» Турции, проявляющаяся через культурные и образовательные инициативы, а также использование исторической близости для укрепления влияния в регионе.

Раздел 2.3 исследует экономические проекты Китая, такие как инфраструктурные инициативы, которые создают не только экономические, но и культурные каналы воздействия. В разделе 2.4 рассматриваются позиции Российской Федерации, которая акцентирует внимание на исторических и религиозных связях с населением региона.

Раздел 2.5 выделяет локальное внутреннее сопротивление, возникающее как ответ на внешние воздействия. Этот анализ позволяет понять, как местные сообщества и элиты адаптируются к внешнему влиянию или противостоят ему, создавая собственные идентификационные стратегии.

Третья глава посвящена детальному анализу примеров, иллюстрирующих влияние внерегиональных акторов на формирование национальных идентичностей. В разделе 3.1 исследуется гибридная идентичность Боснии и

Герцеговины, где международное вмешательство сыграло ключевую роль в закреплении этнического многообразия, но при этом стало причиной институциональной фрагментации.

В разделе 3.2 анализируется расколотая идентичность Северной Македонии, где влияние внешних акторов, включая ЕС и Турцию, с одной стороны, усугубило внутренние конфликты, а, с другой стороны, способствовало поиску новых форм идентичности в рамках евроинтеграционного проекта.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1.1. Нация как «воображаемое сообщество» в конструктивистской традиции теории национализма

Основные теории, рассматривающие вопросы этничности, это – примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Одним из теоретико-методологических оснований данной работы стал конструктивистский подход рассмотрения вопросов природы этничности и нации (социальный конструктивизм). По нашей оценке, концепция «воображаемых сообществ» наиболее точно вписывается в парадигму происходящих на Западных Балканах процессов (с ракурса фактора внешнего влияния), результатом которых становятся зоны, слабо контролируемые государством.

В 1983 году Бенедикт Андерсон опубликовал книгу «Воображаемые сообщества», которая представила миру его концепцию в рамках теории нации. Одним из её положений является тезис, что нации – это социально сконструированные группы граждан, которые считают себя частью более крупной группы с общими характеристиками. Данное произведение одновременно является одним из фундаментальных трудов конструктивизма как теории международных отношений, в основе которого лежит тезис, что отношения между странами обуславливаются идеологическими факторами, появившимися в ходе исторического процесса. Ученые-конструктивисты выступают против материализма, который предполагает, что международная система является анархической и, следовательно, страны с большей (материальной) властью правят другими. Нации, согласно конструктивистам, создаются как продукт человеческого сознания и деятельности (искусственные социальные структуры). Взаимодействие нации с другими нациями обусловлено нашими представлениями о ней. Наибольшее распространение данный подход получил в странах с

полиэтничной структурой населения (в том числе, в США, которые принято считать местом зарождения конструктивистского течения[51]).

Книга Б. Андерсона внесла весомый вклад в развитие вышеупомянутой теории, объяснив, почему национализм и национальные государства являются социальными конструктами. Анализ Андерсона охватывает истоки национализма с конца XVIII века. Новизна подхода теории воображаемых сообществ в том, что она дает новые определения понятиям нации и национализма. Для Андерсона вопрос заключался в том, как нация или идентичность или даже само общество были воображаемы и сконструированы. Он хотел показать, что национализм и национальная идентичность имели под собой основу в виде реальных материальных условий (приводится пример печатного капитализма, который способствовал развитию национальных языков и общению внутри них).

Андерсон рассматривает нацию как воображаемое политическое сообщество. Оно, по мнению автора, является одновременно ограниченным и суверенным. «Нация воображается ограниченной, потому что даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации.. Она воображается суверенной, ибо данное понятие родилось в эпоху, когда Просвещение и Революция разрушали легитимность установленного Богом иерархического династического государства»[52]. Таким образом, автора можно трактовать следующим образом: ни одна нация не способна охватить все мировое сообщество (ограничена) и каждая из них рассматривает себя в качестве источника собственной власти (суверенна)[53].

---

[51] Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

[52]Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 48-49.

[53]Лях К.И. Культурологическая теория национализма Бенедикта Андерсона / К.И. Лях // Вестник ГУУ. – 2014. – № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskayateoriya natsionalizma-benedikta-andersona (дата обращения: 10.06.2023).

Б. Андерсон также рассматривает нацию в виде сообщества, не зависящего от фактического неравенства и эксплуатации, которые могут в нем преобладать. Для исследователя нация – «глубокое товарищество». «В конечном счете именно это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения»[54]. Национальные сообщества, согласно теории Б. Андерсона, воображаемы, сформированы на пересечении языка, технологий и экономики без какой-либо основы в виде примордиальной (первозданной) идентичности (заранее сформированной биологической данности) или групповой принадлежности.

В качестве способа в*ображения и создания сообщества* Андерсон представил национализм. Национализм (по теории воображаемых сообществ) это идеология, не имеющая реального содержания, некий набор мифов, которые возникают или предназначены для того, чтобы заменить мертвых богов и королей. По мнению автора, его можно сопоставить с другими политическими идеологиями, а также идеологией, построенной на основе религии. При этом автор особо отмечает, что национализм следует размежевать с понятием *идеология*, поскольку он не пытается навязать некие ложные представления, убедить людей в истинности лжи, их естественной (природной) принадлежности к общности нации. Вместо этого он стремится воздействовать на сознание людей, а затем формировать их воображение, создавая нацию как возможный объект этого коллективного воображения. Поэтому национализм не идентичен идеологии, представлении о правде/лжи.

Свой анализ истоков национализма он начинает со второй главы под названием: «Культурные корни». Он утверждает, что национализм не мог быть понят как мировоззрение без трех фундаментальных изменений в определении человека своего отношения к миру: во-первых, пересмотр позиции, что «определенный письменный язык предлагает привилегированный доступ к

[54] Андерсон Б. Воображаемые сообщества…, С. 49.

онтологической истине», во-вторых, отказ от идеи, «что общество естественным образом было организовано под руководством высших центров – монархов, которые были личностями, отличными от других людей, и которые управляли некоторой формой космологического (божественного) промысла», и в-третьих, уход от «концепции временности, в которой космология и история были неотличимы, а происхождение мира и людей по существу идентично». Анализируя сложившиеся исторические формы национализма в разных регионах мира, Андерсон выделяет три идеальных типа (гражданско-республиканский (креольский), лингвистический и национализм имперского государства).

Наибольший интерес в контексте формирования национальной идентичности на Западных Балканах представляет лингвистический национализм, основанный на общности языка и истории. Новые языковые идентичности были сформированы благодаря требованиям печатного рынка. Помимо печати на местном языке, книготорговцы стремились привлечь своих клиентов, печатая произведения на стандартных или единых версиях местного языка, вместо того, чтобы адаптировать каждую книгу к каждому местному или региональному диалекту. Со временем этот процесс нивелировал различия между региональными диалектами и создал стандартные версии таких языков, как французский, английский, испанский и итальянский. Стандартизированные печатные языки, согласно теории «воображаемых сообществ», повлияли на национальное сознание тремя способами. Во-первых, они создали единые поля обмена и общения, находящиеся между латынью (литературным языком) и разговорным языком. Во-вторых, благодаря распространению печатного капитализма язык стал постоянным явлением в жизни людей, и с помощью него стало возможно построение *образа нации в исторической ретроспективе.* В-третьих, печатный капитализм создал языки институтов власти. Кроме того, большое влияние на коллективное воображение оказало распространение романов и газет.

По мнению Андерсона, новые печатные культуры, выходя за пределы местной речи, объединили и закрепили идею национального языкового сообщества. Исследователь предполагает, что в периоде печатной революции

(печатном капитализме) можно найти и *истоки национализма*. Он также подчеркивает значение *символов* для *политической идентичности* и утверждает, что печатные инструменты (печатный капитализм) сделали возможным переход от мелкомасштабных объединений к крупномасштабным обществам. Кроме того, печатный капитализм внес большой вклад в стандартизацию языков, и поэтому издатели предпочитали выбирать «стандартный» язык, доступный любой аудитории.

По теории Андерсона, латинский – язык науки и политики в Европе, начал терять свое значение из-за протестантской реформы. Схожую тенденцию можно проследить, анализируя происходящие на Западных Балканах события. Постепенно снижается роль сербского языка. Триггером (аналогом реформы) стал распад Югославии. Бывшие федеративные единицы на общегосударственном уровне используют исключительно национальные языки (яркие примеры – Северная Македония, Черногория). Таким образом, идея об уникальности национального языка стала крайне актуальна для народов, населяющих Западные Балканы. После распада Социалистической Федеративной Республики Югославии в 1991 г. проживавшие на её территории народы стали активно использовать свои национальные языки (албанский, боснийский, македонский, словенский).

О формировании новых языков в контексте построения гражданской идентичности пишут российские исследователи, отмечая среди прочего, что язык зачастую выступает в роли механизма защиты от «внутреннего «другого»[55] (боснийская языковая политика). Фонетический принцип лег в основу размежевания граждан одной страны и стал основой разграничительной языковой политики. Следовательно «формирование и развитие идентичности больших национальных групп сегодня всё меньше основывается на культурно-историческом фундаменте и всё более зависит от политических технологий. В их ряду важное место занимает конструирование новых языков»[56].

[55] Попадьева Т.И. Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины / Т.И. Попадьева // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – № 4. – С. 91.
[56] Там же.

Андерсон особо выделяет временной промежуток между 1820 и 1920 гг., когда националистические республики начали заменять монархии в Европе. Язык снова стал играть значительную роль: класс, читающий основные европейские языки, начал воспринимать себя как сообщество и быстро распространяться из-за растущей правительственной бюрократии и новой элиты (буржуазии). Однако Андерсон представляет другую причину подъема национализма. Он утверждает, что европейцы повторили способ, которым американцы создали нации – путем восстания – и называет это событие «пиратством». Из водоворота американской истории возникли такие воображаемые реальности как: национальные государства, республиканские институты, общее гражданство, народный суверенитет, национальные флаги и гимны и т.д., а также были ликвидированы их концептуальные противоположности: династические империи, монархические институты, абсолютизм, подчиненность, унаследованного дворянства, крепостничество, гетто и т.д. По аналогии новая элита бывших югославских республик активно старается избавиться от рудиментов югославского наследия и развить атрибуты собственного национального государства.

Тезис Андерсона о том, что принадлежность к нации подразумевает необходимость жертв и накладывает определенные ограничения, находит свое отражение в историческом контексте происходящих на Балканах событиях. Автор отмечает важность фактора национализма во время возникновения войн и национальных освободительных движений. *Национализм,* который стал предтечей создания балканских национальных государств в XIX веке, сыграл ключевую роль и в распаде Социалистической Федеративной Республики Югославии. Крайне опасную форму в рамках данного государства он приобрел в федеративных единицах (социалистических республиках). Основной проблемой в связи с этим является тот факт, что большая часть из них являлись мультиэтничными (мультикультурными) образованиями. Конец XX – начало XXI в. ознаменовались крайне тяжелыми для региона событиями (война в Боснии и Герцеговине 1992-1995 гг., Косовская война 1998 г., внутренний этнический конфликт в Македонии 2001 г.). Национализм (чувство сопричастности нации) крайне силен в

региональных масштабах, он формируется в новом *культурно-историческом контексте*.

Особенно важна в связи с этим роль *памяти* и *забвения*. С помощью *воспоминаний* воспроизводится национальная солидарность и идентичность. На это направлена целая индустрия истории, которая формирует конкретные воспоминания в национальных рамках. Школьники узнают свою национальную историю. Отдыхающие посещают места исторических сражений. Важна роль отводится и забвению отдельных исторических фактов. Ярким примером может стать чествование определенных персоналий в истории балканской истории и замалчивание при этом тяжелых сюжетов из истории народов. В частности, во многих западнобалканских государствах «отмечена системная политика по законодательной и символической реабилитации и героизации представителей политических движений, дискредитированных коллаборационизмом и приверженностью праворадикальным идеологиям, с заменой их статуса с военных преступников на жертв коммунистического террора»[57]. Национальные партизанские движения размежевываются с общим контекстом коллективной общеюгославской истории. Наиболее репрезентативен из всех западнобалканских республик пример Боснии и Герцеговины, где три государствообразующих народа (сербы, хорваты и мусульмане) создают собственные, зачастую конкурирующие политики памяти, независимо от того, идет ли речь о памяти о далеком Средневековье или о недавнем югославском прошлом[58]. Таким образом, наблюдается процесс инструментализации прошлого – отдельные персоналии являются героями для одних и преступниками для других, цель которого – подчеркнуть различия народов Западных Балкан, а не их родство.

Воображение национального сообщества невозможно и без территории, которая считается жизненно важным параметром для формирования нации.

[57] Малешевич А.В. Трансформация национальных идентичностей на постъюгославском пространстве в контексте процессов европеизации: диссертация ... кандидата политических наук: 5.5.2. / А.В. Малешевич. – М., 2023. С. 178.

[58] Болдин В.А. Политика памяти на Балканах: Бывшие югославские республики в поисках идентичности / В.А. Болдин // Russian Studies Hu 4. – 2022. – № 2. – С. 23-36.

Андерсон пытается объяснить, как административные единицы со временем могут стать Родиной. Одним из механизмов в этой трансформации является практика картирования. Цель состоит в том, чтобы показать, что существует определенный нарратив, который соединяет национализм с территорией посредством процесса картирования. Формулируя эту позицию применительно к данной работе, (Западные) Балканы следует рассматривать как объект воображаемой картографии.

Однако важно помнить о разрыве между реальной картографией и системой представлений. Делимитация границ в Балканском регионе является извечным спорным вопросом. Территориальные претензии, восстановление исторических границ являются вопросами постоянной деятельности всех видов субъектов на Балканах. Центральное место размежевания границ в балканской политике связано преимущественно с политическими устремлениями и особенностями национальной политики. Однако, каковы бы ни были разногласия по поводу определение границ в странах Балканского региона, они должны вписываться в общую структуру фиксированного, воображаемого представления Балкан. Немалую роль в этом процессе играет создание образа балканского региона трудами путешественников, политиков, журналистов и ученых.

Положения теории «воображаемых сообществ» полезны как методологическое пособие по выявлению закономерностей и сходств в формировании наций и национальной идентичности в постколониальных обществах. Особый интерес представляет и рассмотрение данного кейса через анализ роли колониальных государств и структур. Не менее актуальна и тема национализма, который автор считает крайне релевантным. Несмотря на распространившиеся после написания его книги процессы постнациональной глобализации и космополитизма, отдельные нации по-прежнему важны и играют ключевую роль как в формировании внутреннего (вестфальского), так и внешнего (международного) суверенитета государства.

Однако стоит отметить и слабо применимые в рамках данного исследования положения теории о «воображаемых сообществах». Б. Андерсон в своей работе

уделяет мало внимания фактору религии в строительстве наций. Упоминая религию в контексте возникновения национализма, он рассматривает её как нечто предшествующее нации, охватывающее гораздо более крупные сущности (исламская Умма, Христианский мир, Срединное государство)[59] чем нация. При подобном анализе упускается из виду роль, которую религия регулярно играет в формировании культуры, включая культурную самоидентификацию, которая может быть общей для различных наций (наряду с историей и языком). Стоит отметить, что на Балканах религия всегда играла доминирующую роль в формировании понятий нация и национализм. Две религии – ислам и православие – стали фактором национальной самоидентификации и проявления национализма. Ярким примером является Босния и Герцеговина, где религия легла в основу этнического размежевания проживающих на её территории народов. Для балканских народов изменить религиозные убеждения означало стать членом другой нации, что заложило основу нынешнего размежевания по этническому признаку и привело к кровавым межэтническим конфликтам.

Для западнобалканских наций религия – мощный объединяющий фактор наравне с их общей историей и культурой. В частности, боснийские хорваты (представители западно-католического христианства), сербы (православия) и бошняки (большинство из которых исповедуют ислам) воспринимают себя представителями этнокультурной группы благодаря общим религиозным убеждениям. Фактор религии определяет их самоидентификацию. Такое национальное самосознание в значительной степени является общим наследием распространения христианства и мусульманского присутствия в Европе, которые заложили основу причастности балканских народов к нации.

Стоит признать и тот факт, что рассуждения Б. Андерсона ограничены его методологическим подходом – историческим материализмом. Поэтому его анализ сконцентрирован преимущественно на вопросах роста и распространения наций и

[59] Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – N.Y.: Verso, 2006. – P. 10-12.

национализма, политической и социальной структуре явления. В частности, его анализ сильно редуцирован тем фактом, что он изучал только случаи Индии, управляемой Голландией, и Индокитая, управляемого Францией, и распространил свои выводы на все постколониальные общества. Однако в его теории слабо затронуты сферы религии и культуры, которые объединяют множество людей в рамках одной нации. Сильный акцент сделан на материальных условиях, которые формируют культуру, а также институтах, способствующих её воспроизводству: газетах и романах, переписи населения, картах и музеях. Представляется целесообразным, что в рамках данной работы надо также уделить внимание аспекту культуры в вопросе нациестроительства, которому посвящены работы других специалистов-конструктивистов, в частности, о роли религии в возникновении нации и национализма, где отстаивается тезис о значительном влиянии религии на формирование представлений о нации и национализме[60].

Реакцией на структурные теории модернизма и их неспособность учитывать культурные и символические элементы, которые играют столь важную роль в формировании облика наций и национализма, стал этносимволизм Э. Смита. Этносимволизм Э. Смита позволяет рассматривать национальную идентичность как непрерывное воспроизведение и переосмысление системы ценностей, символов, воспоминаний, мифов и традиций, составляющих отличительное наследие наций и идентификацию личностей с этим наследием и его культурными элементами[61]. Особая роль в рамках данного исследования будет отведена и культивированию символических элементов, таких как воспоминания, символы, ценности, традиции и мифы.

Государства Западных Балкан характеризуются межэтнической напряженностью – как эндогенной, так и экзогенной. Для них типично культивирование мифа о собственной уникальности, который может противоречить мифотворчеству сопредельных государств. Это приводит к

[60] Brubaker R. Religion and Nationalism: Four Approaches / R. Brubaker // Nations and Nationalism, 2012. – P. 2-20.
[61] Smith A. The Cultural Foundations of Nations. Hierarchy. Covenant, and Republic / A. Smith. – Oxford: Blackwell Publishing, 2008. – 272 p.

активной фазе противостояния, где этнос выступает в роли исторической категории, инструмента борьбы за национальные интересы. Ценность этносимволизма в данном случае проявляется в том, что он рассматривает этнос в качестве автохтонного понятия, но при этом признает и факт трансформации его структуры под влиянием общества.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что процессы формирования национальных идентичностей на Западных Балканах не могут быть полноценно описаны исключительно через модернистские подходы, поскольку специфическая природа ограниченной государственности, присущая региону, добавляет дополнительные измерения, включая борьбу за символическое пространство и конкуренцию между внешними и внутренними акторами.

1.2. Управление в зонах ограниченной государственности и роль внешних акторов

Западные Балканы – это регион, который после распада Югославии столкнулся с большим количеством проблем, касающихся управления и государственности: сепаратистскими движениями, неурегулированными пограничными спорами, напряженностью в межэтнических отношениях, недостаточным ресурсным потенциалом централизованного государственного управления, которые создавали (и продолжают это делать, хотя и в меньших масштабах) серьезные помехи для построения государственности – даже в таких консолидированных государствах, как Сербия и Хорватия. После балканских войн 1990-х годов государственность в преемниках Югославии находилась на низком уровне, а структуры управления были неэффективны[62]. Военные противостояния усилили раскол между этническими общинами, проживающими на территории, а внутренняя и внешняя безопасность обеспечивались третьими сторонами. Данные события, как видится, коррелируют с тезисами неоинституционалиста (социального конструктивиста) Т. Риссе.

[62] Börzel T.A. Building Good (Enough) Governance in Postconflict Societies & Areas of Limited Statehood: The European Union & the Western Balkans / T.A. Börzel, S. Grimmdoi // Dædalus. – 2018. – P. 116.

Автор теории «управление в зонах с ограниченной государственностью»[63] Т. Риссе высказывает гипотезу о сильном ограничении внутреннего суверенитета государств (несмотря на их международное признание). В результате происходит уменьшение их «вестфальского (государственного) суверенитета». По мнению исследователя, «ограниченная государственность» является неотъемлемой частью современной международной системы и главный вопрос, на который необходимо найти ответ, кто кем управляет и как предоставляются «услуги управления» в условиях слабой государственности.

Национальное государство (государство-нация) XXI века (согласно теории Т. Риссе) является скорее исключением, чем правилом. За пределами развитого мира находятся области «ограниченной государственности»: от развивающихся стран и стран с переходной экономикой до распадающихся и нефункционирующих государств в зонах конфликтов или (если рассматривать исторический ракурс) – в колониальных обществах. Области с ограниченной государственностью не способны обеспечивать централизованное принятие решений, а также не имеют монопольного права на применение силы. Несмотря на то, что их «международный суверенитет» (признание международным сообществом) по-прежнему сохраняет силу, им не хватает «внутреннего суверенитета». Автор дает следующее определение термину «ограниченная государственность»: зоны ограниченной государственности касаются тех частей страны, в которых центральные органы власти (правительства) не имеют возможности обеспечивать соблюдение правил и решений и/или в которых отсутствует законная монополия государства на насилие (в том числе носящая временный характер). Области ограниченной государственности могут быть как частью территории (например, провинции, расположенные далеко от национальной столицы), так и сферами политики (например, неспособность госаппарата инициировать и обеспечивать соблюдение законов в области экологии). Таким образом, нельзя ставить знак равенства между зонами

[63] Risse T. Governance under limited sovereignty / T. Risse. – SSRN, 2010. – 30 p. (APSA 2010 Annual Meeting Paper).

ограниченной государственности и неустойчивыми, несостоятельными или несостоявшимися государствами, так как последние полностью утратили свой внутренний суверенитет. Типологизация данных зон подразумевает, что даже в полностью консолидированных (цельных) государствах могут существовать области ограниченной государственности, в которых у государства нет полного внутреннего суверенитета (примером является Новый Орлеан после урагана «Катрина»)[64]. Ограниченная государственность не является историческим стечением обстоятельств или неким изъяном большинства стран «третьего мира» и государств с переходным типом экономики, который должен быть преодолен путем модернизации в эпоху глобализации. Автор теории убежден, что феномен ограниченной государственности не исчезнет в обозримом будущем – даже в западных и постиндустриальных обществах. В этой связи специалистам в области международных дел нужно принимать его как данность.

Т. Риссе в поисках ответа на вопрос, насколько эффективное и легитимное управление возможно в условиях ограниченной государственности и как обеспечить безопасность и другие социальные блага, исследуют проблемы управления в регионах с ограниченной государственностью. С теоретической точки зрения научная новизна подхода в том, что он ставит под сомнение саму концепцию современного развитого национального государства, где завершен (находится на финальной стадии) процесс формирования национальной идентичности.

Управление в областях с ограниченной государственностью, по мнению Т. Риссе, опирается на систематическое *участие негосударственных акторов* и «неиерархические» способы политического управления (переговорные процессы и горизонтальные переговоры, торг и различные формы конкуренции, неманипулятивные коммуникации, убеждение и обучение). Последние способы управления направлены на то, чтобы бросить вызов фиксированным интересам и

[64] Risse T. Governance in Areas of Limited Statehood: Introduction and Overview. In Governance Without a State? Policies and Politics in Areas of Limited Statehood / T. Risse. – NY: Columbia University Press. – 2011. – 312 p.

предпочтениям, чтобы участники процессов социализации были вынуждены усвоить новые правила и нормы. Однако эти способы управления не дополняют иерархическое управление хорошо функционирующего государства, а должны обеспечивать функционирующие эквиваленты развитой государственности. Кроме того, управление в районах с ограниченной государственностью является многоуровневым, связывая местный уровень с национальным, региональным и глобальным и основано на общем суверенитете. Оно напоминает колониальное управление или протекторат, где международные и транснациональные акторы предоставляют «услуги управления», начиная с безопасности и заканчивая государственной властью. Исследователь проводит аналогию со странами со слабой государственностью, где международное сообщество осуществляет совместное управление посредством предоставления коллективных благ и услуг.

По мнению автора теории, управление подразумевает различные институционализированные способы социальной координации, направленные на создание и реализацию коллективно обязательных правил или на предоставление коллективных благ. Управление состоит как из структурных, так и из процессуальных аспектов, оно охватывает управление со стороны государства («управление правительством»), управление через сети сотрудничества государственных и частных субъектов («управление с правительством»), а также установление правил негосударственными акторами.

Важность применения положений теории управления в зонах с «ограниченной государственностью» для данной работы состоит в анализе роли внешних (государственных, негосударственных и транснациональных) акторов в обеспечении функционирования управления в зонах «ограниченной государственности». Данные области представляют наибольший интерес для исследователя в контексте возможного формирования в них альтернативных (общегосударственной повестке) аспектов национальной идентичности.

Территориями с ограниченной государственностью могут одновременно управлять государственные и негосударственные акторы. Данное положение применимо и к ситуации, развивающейся в государствах Западных Балкан.

Например, активное участие в сфере управления государств региона принимает Агентство по национальному развитию США (USAID). В частности, программы USAID в Северной Македонии нацелены на решение этнических противоречий путем децентрализации власти правительства и отвечают преимущественно ключевым требованиям этнических албанцев. Ряд областей на западе страны вполне подпадают под категорию зон с ограниченной государственностью, так как центральное правительство имеет крайне ограниченный ресурс влияния на них. При этом USAID позитивно оценивает свою деятельность в стране: Агентство по международному развитию способствует установлению взаимопонимания между этническими группами и интеграции учреждений, повышая осведомленность для обеспечения стабильности и снижения этнической напряженности[65]. Помимо высшего федерального органа государственного управления США в стране также действуют многочисленные НПО, которые путем дотаций оказывают влияние на внутреннюю политику государства («Открытое общество – Македония» (филиал «Фонда Сороса»), «Национальный фонд в поддержку демократии (NED)»). Через фонд «Открытое общество» Дж. Сорос в период с 1992-2016 гг. выделил Скопье 98,7 млн долларов для реализации проектов по развитию мультикультурализма и гражданского общества[66]. По линии «Фонда Сороса» в 2017 году в проекты в Македонии вложено около 4 миллионов долларов, из которых доля средств самого ФООМ составила 3,4 млн долларов. Основной категорией НПО, пользующихся поддержкой стран Запада, являются политически активные организации, задействованные в «продвижении демократии», «европейских ценностей» и популяризации евроатлантической повестки.

Другим примером могут послужить Дейтонские мирные соглашения, которые «зафиксировали перераспределение суверенных полномочий Боснии и

---

[65] Крапива М.Е. Мультиэтничность как средство достижения целей стран Запада в отношении западнобалканских государств. На примере Северной Македонии / М.Е. Крапива // Международная жизнь. – 2023. – № 5. – С. 116.

[66] Малышев В. Как Сорос «купил» Македонию / В. Малышев // Столетие. Информационно - аналитическое издание фонда исторической перспективы. – 30.01.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/politika/kak_soros_kupil_makedoniju_109.html (дата обращения: 04.12.2024).

Герцеговины в пользу международных структур»[67]. Именно международные структуры (аппарат Высокого представителя) определяют ключевые вопросы внутриполитической повестки дня данного государства. Высокий представитель, назначаемый Руководящим комитетом по выполнению Мирного соглашения (его кандидатура затем подтверждается резолюцией СБ ООН), обладает широким спектром властных полномочий вплоть до введения законов и снятия должностных лиц.

Местные негосударственные субъекты, включая «традиционные» институты, также являются субъектами управления в районах с ограниченной государственностью. Они зачастую обладают гораздо большей легитимностью среди местного населения, чем центральное правительство (яркий пример – албанская исламская религиозная община Северной Македонии). Российский политолог Е.Г. Пономарева считает, что действия «македонских албанцев направлены на создание в стране параллельных политических структур при сохранении единой социально-экономической сферы»[68], с чем нельзя не согласиться.

Т. Риссе называет подобное управление в зонах с ограниченной государственностью «многоуровневым», так как оно подразумевает одновременное действие (комбинацию) локальных, национальных, международных и транснациональных акторов, НГО и НПО. В качестве примера действия данного механизма исследователь приводит влияние местных общин на НГО (компании и НПО) для соблюдения норм местного управления и обеспечения распределения коллективных благ в условиях слабых центральных государственных институтов, неспособных обеспечить управление. Таким образом происходит саморегуляция процесса управления благодаря его многоуровневому характеру. При этом международное сообщество и частные акторы скорее замещают своими действиями управленческие функции

[67] Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности / Е.Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1(16). – С. 64.
[68] Пономарева Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: Сценарный Подход / Е.Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 2(59). – С. 99-124.

государства, чем дополняют его (характерный пример – Босния и Герцеговина, где управление де-факто осуществляет Высокий представитель).

Зонам с ограниченной государственностью присуща анархия по модели международной системы, в которой нет ярко выраженного гегемона. Однако сотрудничество в условиях анархии возможно, так как распределение общих благ происходит без участия монополиста (государства), обладающего правом на применение силы. Связано это не в последнюю очередь с деятельностью *внешних игроков*, которые могут оказывать непосредственное влияние на «вестфальский» суверенитет страны, ограничивая монополию государства на средства насилия, а также на авторитарный метод принятия решений (яркий пример – протекторат в Боснии и Герцеговине). Подобная ситуация возникает, когда государство само не способно организовать управление, и международное сообщество имеет «законное право» вмешиваться в процесс управления. Если «вестфальский суверенитет» государства ограничен прямым вмешательством международного сообщества, то внешние игроки фактически контролируют монополию на применение насилия и тем самым обеспечивают соблюдение процедуры принятия важных для страны решений. В этом случае отсутствие внутреннего суверенитета напрямую заменяется внешними игроками, которые могут обеспечить «теневую иерархию» (в противовес государственной иерархии), необходимую для обеспечения эффективного управления со стороны негосударственных игроков.

При этом зоны ограниченной государственности не существуют в условиях анархии (отсутствие государства как класса), они появляются в рамках консолидированной государственности, которая может быть сформирована путем создания внешними акторами *функционального эквивалента* (для формирования «теневой иерархии»). Т. Риссе подчеркивает, что области ограниченной государственности не являются «неуправляемыми». Контроль в некоторых случаях осуществляется даже в весьма неблагоприятных условиях «хрупкой» или «слабой» государственности. При определенных обстоятельствах негосударственные субъекты становятся «правителями», поскольку они систематически участвуют в установлении правил или гарантами по

распределению коллективных благ. Управление без участия государства зависит от конкретных условий, стимулов и масштабов.

Кроме того, положения теории допускают и предоставление общественных благ в зонах ограниченной государственности без оказания непосредственного влияния на «вестфальский суверенитет», так как государство в них частично присутствует. Центральные государственные органы в любом случае существуют в районах с ограниченной государственностью, даже несмотря на их неспособность организовать иерархическое управление. Они находятся в переговорных отношениях с другими субъектами, тем самым либо способствуя управлению, либо препятствуя ему.

Влияние *внешних акторов* на зоны с ограниченной государственностью реализуется по модели западноориентированной «модернизации», согласно которой современное государство должно представлять собой объединение, состоящее из эффективно работающего правительства, верховенства закона, прав человека, демократии, рыночной экономики и всеобщего благосостояния. Данный подход они пытаются применить к развивающимся странам и государствам с переходной экономикой, а также к недееспособным государствам. Международное сообщество, по Т. Риссе, является катализатором государственного строительства в недееспособных государствах, конечная цель которого *институционализация* полностью консолидированного, демократического национального государства *западного типа.* Однако результатом подобных действий является появление неких «гибридных режимов», не имеющих ничего общего с современным и консолидированным национальным государством (государством-нацией). Западные ценности и нормы часто вступают в прямое противоречие с местными правилами и традициями, что приводит к проблемам с их адаптацией и принятием, а также внутреннему сопротивлению (ярким примером может послужить Босния и Герцеговина, где западная модель мирного урегулирования не привела к распространению «демократических» ценностей, а скорее привела к усилению самосознания на этническом уровне и поляризации общества по этническому принципу). «Многоуровневая» система управления в зонах

ограниченной государственности приводит к усилению напряженности и конфликтам. Нельзя не согласиться с исследователем в том, что задачей международного сообщества должно стать *содействие* в управлении, а не навязываемое извне государственное строительство. Западные институты не могут стать «универсальным рецептом» по продвижению общечеловеческих ценностей, таких как верховенство закона, права человека и т.д. Нужно действительно заниматься поиском их функциональных эквивалентов.

Примечательно, что сами представители нового институционализма отмечают ограниченность применения теории управления в зонах с ограниченной государственностью в отношении Западных Балкан. В частности, Т. Бёрцель подчеркивает, что общественная поддержка норм и ценностей ЕС и членства в ЕС в более широком смысле в западнобалканских государствах не всегда соответствует ожиданиям западных политтехнологов[69]. Европеизация сталкивается с внутренним сопротивлением, когда соблюдение Копенгагенских критериев противоречит национальным интересам (роль нацменьшинств или экстрадиция политических и военных деятелей в МТБЮ). В целом, отмечает автор, «ЕС поставил на первое место послевоенное восстановление, а также институциональное строительство и создание потенциала полностью функционирующего государства. Соответственно, политика ЕС в западнобалканском регионе была сосредоточена на финансовой и технической помощи для поддержки требований центрального правительства»[70]. Однако оказание содействия государственному строительству дает слабые результаты для решения вопросов оспариваемого суверенитета в зонах ограниченной государственности.

Тем не менее, теория управления в зонах ограниченной государственности важна в контексте рассмотрения влияния внешних акторов на внутриполитические процессы в западнобалканских государств, в особенности в

[69] Börzel T.A. When Europeanization Hits Limited Statehood: The Western Balkans as a Test Case for the Transformative Power of Europe / T.A. Börzel // Cover: Working Paper KFG. The Transformative Power of Europe. – 2011. – 18 p.
[70] Ibid. P. 11.

определении их инструментария по построению национальной идентичности балканских народов (распространении определенного видения построения национального государства, сконструированных ценностей, проектов по унификации). Видится, что ключевым аспектом может стать способность внешних игроков оказывать непосредственное влияние на «вестфальский» (внутренний) суверенитет западнобалканских государств, ограничивая монополию государства на применение насилия, а также на способность самостоятельно принимать решения. Основа влияния внешних акторов – навязывание принятия определенных норм и правил для обеспечения функционирования эквивалентной развитой государственности. Представляется релевантным рассмотреть их политику через призму колониального управления или протектората, где внешние акторы «предоставляют услуги управления» в обмен на лояльность местной политической элиты. Интересно в рамках данного исследования и положение теории, которое ставит под сомнение саму концепцию современного развитого национального государства, где завершен (находится на финальной стадии) процесс формирования национальной идентичности. Влияние внешних акторов зачастую приводит к деструкции политического пространства в рамках одного национального государства и усилению межэтнических противоречий, а также созданию альтернативных (искусственно созданных) источников национальной идентичности.

1.3. Постколониальный подход к анализу формирования национальной идентичности в условиях ограниченной государственности

Префикс «пост» (колониализм) не означает, что это система, возникшая как следствие колониализма. Более точным было бы определить постколониализм как реакцию на практику империализма и европейского колониального правления. Постколониальная теория рассматривает политические, культурные, экономические и социальные аспекты последствий колониального правления европейских стран. Теоретики данного научного направления, критикуя колониализм и его разрушительные последствия, пытаются деконструировать его

основы. Ключевыми трудами научной парадигмы являются работы Х. Бхабхы, А. Мбембе, Э. Саида и Г. Спивак. Классическим примером работы постколониальной парадигмы являются труд американского культуролога Э. Саида «Ориентализм»[71], где он критикуют западный взгляд на незападные народы. Данная концепция органически вписывается в канву событий, происходивших на Балканах. Появление термина «балканизация» (процесс распада государств и фрагментации политических субъектов) с исторической точки зрения связано с выходом в начале XX в. из состава Османской империи балканских государств. В современных реалиях его использование часто ассоциируется с негативными последствиями распада государств, империй и сепаратизмом. Как следствие, в неоколониальном дискурсе коллективной Европы (ЕС) был создан образ «балканской отсталости». ЕС создает образ «другого» /неЕвропы для региона для своей «цивилизаторской» миссии. Балканы представлены как хаотичное, варварское пространства, нуждающееся в активном влиянии Европы. Созданный Западом образ Востока, описанный в «Ориентализме», также представлен в виде иррационального и отсталого пространства. Подобные собирательные образы используются для активизации дальнейшей колониальной экспансии и доминирования с целью оправдать вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Если рассматривать регион Западных Балкан, то в самом термине «Западные Балканы» заложен глубокий символический смысл. Он означает не Европу, отставание в развитии. Стать равноценным партнером можно только вступив в ЕС и пожертвовав частью национального суверенитета.

Еще одной важной работой в рамках постколониальной парадигмы является «Местоположение культуры» Х. Бхабхы[72], где автор отстаивает тезис, что разделение и иерархическое ранжирование культур препятствует рассмотрению мира как единого целого. Схожие тенденции прослеживаются и в политике ЕС в отношении новых кандидатов-членов (на Западных Балканах), когда культурное

[71] Said E.W. Orientalism / E.W. Said. – N.Y: Pantheon Books, 1978. – 368 p.
[72] Bhabha Homi K. The Location of Culture / Homi K. Bhabha. – N.Y.: Routledge classics, 2004. – 408 p.

разнообразие сводится к унификации с принятием неолиберальных ценностей. Это приводит к лингвистическому и социологическому редукционизму (сведению культурного богатства к статичным дискурсивным категориям). В качестве инструмента борьбы с данным явлением автор называет интеллектуальную гибридность. Гибридное интеллектуальное пространство это место, где двусмысленность ставит под сомнение идеологическую обоснованность колониализма.

Терминологический аппарат постколониальной теории, задействованный в рамках данной диссертации, взят из труда американского философа и теоретика постколониализма Г. Спивак. В своей работе «Могут ли угнетенные говорить?»[73] она ввела в научный оборот ряд терминов. Главными из них являются “угнетенные” (субалтерны) и “эссенциализм” (инструмент западного империализма для закрепления господства и фиксации идентичностей «других»). Она расширила классическое понимание термина «субалтерн» А. Грамши, отметив, что угнетенные лишены всякой возможности быть услышанными. На данный момент концепт «других» задействован, например, в политике ЕС в отношении государств, не являющихся членами объединения.

В своей работе «О постколонии» камерунский философ А. Мбембе исследует вопросы власти в постколониальной Африке[74]. В частности, в книге рассматриваются способы, с помощью которых Запад демонстрирует свой уклад жизни и проецирует его на тех, кто «находится под его чарами». Мбембе понимает постколонию не просто как период после колониализма, а как систему власти и контроля, где превалирует логика колониального господства. Применительно к Балканам показательно, что логика имперского управления в политике ЕС не исчезла – Запад требует реформ от государств, но при этом не рассматривает их в качестве равноправных партнеров.

---

[73] Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Марксизм и интерпретация культуры / под ред. К. Нельсона и Л. Гроссберга; пер. с англ. Н. Г. Матвеевой. – М.: Прогресс, 2001. – С. 271–313.
[74] Мбембе А. О постколонии / А. Мбембе / пер. с англ. В. И. Петрова. – М.: Гилея, 2018. – 448 с.

Сильной стороной теории, применимой к данному исследованию, является тот факт, что она ставит под сомнение существующие нарративы неоколонизаторов, что западные ценности и взгляды являются «правильными» (часто воспринимается как аксиома). Постколониальная теория пытается изменить это и взглянуть на мир через другую призму, ориентируясь на ценности обычных людей и их культур. Согласно постколониальной теории, восприятие западным человеком незападного мира, является его собственным субъективным и ошибочным представлением. Это позволяет уравновесить позиции колонизаторов и колонизируемых (на Балканах это разделение по линии «мы» – «другие», Европа – не Европа). Путем изменения восприятия и суждений людей теория позволяет укреплять диалог между разными нациями и культурами, что актуально и в ракурсе рассматриваемых на Западных Балканах проблем. В государствах Западных Балкан широкое распространение получил этнический национализм, который препятствует диалогу между этническими общинами.

Основу проблем межэтнического взаимодействия заложила церковная политика Австро-Венгрии, разделившая пространство, компактно населенное народами, на «европейскую» (католическую) и «восточную» (православную и мусульманскую) идентичности. Колониалистская политика по подавлению православных сербов, начатая в ходе австрийской аннексии БиГ в 1908 г., находит свое отражение в неоколониализме XXI в. в действиях таких игроков как ЕС и США. После распада Югославии в 1991 г. Западные Балканы стали ареной геополитического влияния неоколониальных акторов.

Теория постколониализма находит свое отражение и в феномене национальной травмы в результате постколониального насилия. Внутренние границы энтитетов Боснии и Герцеговины являются результатом внешнего давления (демаркация границ по Дейтонскому соглашению). Здесь можно провести параллель с политикой колониальных держав, искусственно разделявших регионы колоний. Это привело к кризису идентичности, вызванному вынужденной принадлежностью людей сразу к нескольким культурным традициям. Как следствие, территория бывшей Югославии оказалась охвачена

военными конфликтами после распада федерации, результатом которых стала гибель многих тысячей людей по признаку этнической принадлежности (бошняк-мусульманин, серб или хорват).

Представляется целесообразным проводить данное исследование на стыке теорий постколониализма и ограниченной государственности, которые органично дополняют друг друга, позволяя найти ответы на проблемные вопросы в деле формирования национальных идентичностей. Формирование национальных идентичностей в условиях ограниченной государственности на Западных Балканах демонстрирует уникальную динамику, отражающую пересечение локальных традиций, исторических нарративов и внешнего влияния. Постколониальный подход помогает глубже понять, как глобальные силы взаимодействуют с локальными процессами по формированию идентичности, создавая зоны гибридности, мимикрии и сопротивления. Данный тезис подтверждают и попытки внешних акторов навязать свою модель для построения наднациональной идентичности в западнобалканских государствах, которые не учитывают интересы проживающих там народов.

Как подчеркивает Т. Риссе, зоны ограниченной государственности характеризуются слабостью институциональных структур и неспособностью государства полностью выполнять функции управления, что открывает пространство для внешнего вмешательства. Однако это не означает отсутствие управления. Оно осуществляется за счет участия международных организаций, внешних государств и местных элит, которые взаимодействуют в сложной сети отношений. На Западных Балканах примерами таких зон являются Босния и Герцеговина и Северная Македония, где слабые государственные институты фактически дополняются или замещаются внешними структурами.

Босния и Герцеговина, управляемая в соответствии с Дейтонскими соглашениями, представляет собой пример многоуровневого управления, в котором ключевую роль играют международные организации. Аппарат Высокого представителя, назначаемый Советом Безопасности ООН, фактически выполняет функции координации и контроля над политическими процессами, продвигая

дискурс мультиэтничности. Однако этот дискурс часто вступает в противоречие с локальными этническими нарративами, основанными на исторических травмах и мифах, что приводит к формированию гибридной идентичности, одновременно привязанной к международным нормам и локальным традициям.

Северная Македония предоставляет другой пример, где ограниченная государственность проявляется в спорах о национальной идентичности. Изменение государственного наименования страны для вступления в НАТО и начала переговоров о вступлении в ЕС иллюстрирует динамику мимикрии, описанную Х. Бхабхой. Этот процесс сопровождался внутренними конфликтами и протестами, так как значительная часть общества восприняла уступки как угрозу национальной идентичности. Несмотря на это, местные элиты адаптировали международные требования, представив их как стратегически важный шаг для укрепления национального суверенитета в будущем.

Постколониальная теория подчёркивает, что зоны ограниченной государственности становятся ареной гибридизации культурных и политических нарративов. Х. Бхабха в своей концепции «третьего пространства» указывает, что идентичности, формируемые под влиянием внешнего давления, не являются статичными, а представляют собой постоянный процесс пересмотра и адаптации. На Западных Балканах это особенно прослеживается в культурной и образовательной политике, где международные организации продвигают универсальные ценности, такие как права человека и демократизация, сталкиваясь с локальными сопротивляющимися нарративами.

Примером может служить образовательная реформа в автономном крае Косово и Метохия, где внешние акторы, такие как ООН и ЕС, пытаются внедрить стандартизированные образовательные программы. Однако эти усилия часто игнорируют специфические этнические и культурные особенности региона. В результате возникают гибридные формы, когда местные школы включают международные стандарты, но адаптируют их для сохранения локальных

традиций, например, преподавания на албанском языке с акцентом на национальную историю[75].

1.4. Дискурсивное конструирование Балкан в контексте теорий национализма

Рассмотрение процессов, происходящих в западнобалканских государствах, начнем с детального анализа приемов по конструированию национального самосознания. Для этого важно выявить основные тенденции и истоки национализма. Национализм будет классифицирован как инструмент распространения влияния на определенной территории. Роль и деятельность внешних акторов – через предпринимаемые ими шаги по ограничению вестфальского (внутреннего) суверенитета западнобалканских государств в угоду унификации и построению наднационального конструкта. Особое место будет отведено их попыткам распространить собственную модель ценностей и оказать влияние на процесс формирования определенной национальной или наднациональной идентичности в западнобалканских государствах. Представляется интересным рассмотреть их попытки влияния через постколониальный дискурс.

Процессы и события, происходившие на Балканах, уже рассматривались через призму постколониальной теории болгарским историком М. Тодоровой в работе «Воображая Балканы» (1997 г.)[76]. Это книга, в которой представлены исторический и культурный контекст развития Балкан, включая геополитическое положение Балкан между Западной и Восточной Европой и влияние Османской империи на регион.

Она представляет множество различных точек зрения на историю, культуру и динамику социального развития балканского региона. В частности, в ней

---

[75] Den Boer N. International statebuilding and contentious universities in Kosovo / N. Den Boer, C. van der Borgh // Journal of Intervention and Statebuilding. – 2011. – V. 5, №. 1. – P. 67-88; Björkdahl A. Global norms and local agency: frictional peacebuilding in Kosovo / A. Björkdahl, I. Gusic // Journal of International Relations and Development. – 2015. – V. 18. – P. 265-287.

[76] Todorova M. Imagining the Balkans / M. Todorova. – N.Y.: Oxford University Press, 1997 – 280 p.

представлен критический обзор западного восприятия Балкан, их истории, культуры, географии и политической структуры. До начала XX в. Балканы воспринимались западными людьми как «дикий» и «отсталый» регион. Жителей региона западные люди считали «примитивными» и «варварскими». Факт нахождения региона под контролем Османской империи усилил интерес к нему со стороны Запада. Это проявилось в колониальном подходе. Люди в регионе воспринимались как «восточные» и «отсталые», поэтому Запад старался реализовать различные «цивилизаторские» проекты по формированию образа жизни и культуры местного населения. Следствием данной политики стал рост националистических движений среди этнических общин, проживавших в регионе. Особо сильно он проявился в ходе балканских войн 1912-1913 гг., что способствовало распространению стереотипов о балканской жестокости в Европе.

Тодорова осуждает стереотипы, предубеждения и неправильные представления, которые западные люди имели о Балканах и предлагает базис для понимания реальной истории и культуры Балкан. Для этого автор рассказывает об истории Болгарии – в книге рассматриваются такие темы, как освобождение Болгарии от Османской империи, национализм XIX в., отношения Болгарии с соседями и вступление Болгарии в ЕС. Не обошел стороной автор и вопросы национализма и идентичности на Балканах, которые влияют на то, как формируются и меняются этнические идентичности на Балканах.

В научной оптике исследовательницы западный дискурс в отношении Балкан получил название «балканизм». В своей книге она критически исследует восприятие Балкан балканизмом и ориентализмом. Для этого Тодорова проводит параллели с ориентализмом Э. Саида, отмечая как сходства, так и отличительные черты. Если ориентализм представлял Восток как «экзотическое» и «чуждое» Западу явление, то «балканизм» анализирует Балканы как неотъемлемую часть Европы. При этом Балканы не принадлежат Старому Свету в полной мере. Согласно теории балканской исследовательницы, для Запада Балканы не просто «другой», а «внутренний другой» или (по словам автора) «беспокойный задний

двор»[77]. Феминизированный Восток в образе Саида в балканском дискурсе противопоставляется маскулинным образам (воины, горцы, кровная месть).

Исследовательница, применяя дискурсивное ориенталистское конструирование «чужого», вывела явление иного порядка. Данный феномен можно охарактеризовать как скрытую форму колониализма. С одной стороны, колонизатора невозможно обвинить в расизме или религиозной нетерпимости (регион населен преимущественно белокожими христианами). С другой стороны, балканским народам в сравнении с позитивным образом Запада приписывают все негативные характеристики, не относящиеся к Европе. Таким образом, балканизм обеспечил себе «безопасный» объект для внешнего проецирования негативных черт, не затрагивая напрямую расово-колониальную дихотомию Востока и Запада. С функциональной точки зрения это позволило ему заменить классический ориентализм.

Западный дискурс в отношении Балкан при этом является самовоспроизводящимся, стигматизирующим регион как вечно «отсталую, полуколониальную периферию» (мост между Западом и Востоком). Главный тезис автора заключается в том, что балканские народы приняли дискурс балканизма. Однако в его усвоении содержится главное противоречие – жители Балкан одновременно хотят быть частью общей Европы и отвергают её, чувствуя себя обделенными и непонятыми.

Западные Балканы в начале XXI в. оказались в ситуации «европейской внутренней колониальности» – не являясь колониями с формальной точки зрения, регион подвергся культурной колонизации. Связано это с попытками западных стран изолировать его от восточного влияния. Под Востоком понимается прежде всего Россия[78]. Вектор развития региона определялся извне, что можно назвать первопричиной национальных травм и мотивационных устремлений, заложивших основу национальных идеологий западнобалканских государств. Политический неологизм «Западные Балканы» изначально использовался в отношении Албании

[77] Todorova M. Imagining the Balkans…, P. 188.
[78] Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса…, С. 9.

и государств, возникших на пост-югославском пространстве (за исключением Словении). Постепенно число стран, входящих в регион, должно было сокращаться (по мере их вступления в ЕС). Привело это к тому, что многие западнобалканские политики, применяя риторику: «наш народ не отсталый (балканский), а европейский», активно проводили политический курс на «европеизацию» (отказ от национализма и национальных интересов). Это изменило и сам процесс мифотворчества: обоснование и легитимация существования нации теперь определяется тем фактом, насколько она «цивилизованна», чтобы стать частью единой Европы. Например, Северная Македония, чтобы войти в круг «цивилизованных государств» согласилась в 2018 г. на изменение государственного наименования). «Окончательно геополитический характер термина, основанный не на объединительном, а на изоляционистском принципе, сложился в 2014 г.»[79] (по итогам Конференции западнобалканских стран было принято решение о их присоединении к Берлинскому процессу). Геополитические интересы ЕС связаны и с тем, что 2014 г. стал точкой невозврата в отношениях по линии ЕС-Россия, а вовлечение стран региона в орбиту европейского влияния превратилось в одну из задач западных стран по недопущению российского влияние в регионе.

Термин носит неоднозначный в плане оценок характер и зачастую вызывает негативную реакцию у представителей балканских стран. В рамках данного исследования он применяется для ограничения географического пространства исследования, а также для анализа дискурсивной практики стран Запада в отношении балканских государств.

Балканизм М. Тодоровой органично дополняет существующие теории национализма Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Смита. Болгарская исследовательница рассматривала национализм в качестве мощной силы, которая сформировала в XIX-XX вв. политическую идентичность и нарративы балканских народов. Тодорова во многом развивает идеи Б. Андерсона, применяя их к конкретному региону – Балканам. В двух теориях имеются общие точки

[79] Там же.

соприкосновения. Например, конструктивистская основа, когда авторы исходят из того, что коллективная идентичность нации или целого региона являются продуктом работы воображения, а не являются объективными данностями. Балканизм может рассматриваться и как обратная сторона теории о «воображаемых сообществах». Если Андерсон показывает, как внутренние элиты создают образ своей нации для своих граждан, то Тодорова – как внешние элиты, используя дискурс (литературу, политику) создают образ чужого региона для собственных граждан.

М. Тодорова также развивает теорию Э. Геллнера. Модель Геллнера становится частью проблемного вопроса, который анализирует болгарская исследовательница. Успешный путь стран Западной Европы от аграрного к индустриальному обществу, обусловивший появление национализма как продукта модернизации, становится «мерой», по которой Запад оценивает остальные регионы, включая Балканы. С точки зрения западного дискурса, Балканы – это регион, который не смог правильно модернизироваться, не смог преодолеть племенные, клановые и религиозные формы идентичности, которые должны были уступить место светской национальной идентичности.

Работы М. Тодоровой отчасти отражают и идеи Э. Смита (с иного ракурса). Связь между теориями лежит через критику модернизма – со стороны истории и преемственности и со стороны дискурс-анализа. М. Тодорова анализирует, как акцент на этничности и древности может быть неверно истолкован и превращен в инструмент стигматизации при отрыве от тщательного исторического анализа. Риторика Запада похожа на идеи Смита (древность, этничность, мифы), но используется она не для улучшения процесса понимания истории, а для дискредитации современных народов и этносов. Западный дискурс «балканизма» архаизирует регион, приписывая ему вневременную, неисторическую «древность» и «дикость».

При этом подход М. Тодоровой отличается новаторством. Она показывает, как внешний фактор конструирует не только нацию, но и целое пространство, объединенное общими культурными и географическими признаками. По ее

мнению, Балканы как единый феномен были «воображены» для обслуживания интересов западноевропейского дискурса. Это позволяет рассмотреть международный контекст формирования национальной идентичности. Балканизм показывает, как внешний дискурс влияет на процессы обращения к этническим мифам, борьбу политических элит за влияние на народные массы. Автор, в частности, отмечает, что, ссылаясь на «вечную чуждость» Балкан, Запад при этом вмешивался в происходившие на полуострове события. Руководствовался он при этом собственными стратегическими интересами. Внешние акторы влияния оказывали непосредственное воздействие на атрибуты национальной идентичности (флаг, герб, гимн). В частности, новый флаг Боснии и Герцеговины учрежден в 1998 г. Высоким представителем.

Балканизм анализирует развитие национализма в динамике, выделяя две существенные тенденции: попытки отбиться от внешних (западных) ярлыков и мимикрию (усилия по соответствию им). Согласно М. Тодоровой, балканизм представляет собой внешний дискурс, влияющий на процессы реализации локальных национализмов. При этом исследователь особо отмечает, что каждый национализм балканских народов развивается в своем ритме, а не является просто копией западного прототипа. Ответом на внешнее влияние стала работа национальных идеологов западнобалканских стран по поиску новых символов и нарративов, имеющих потенциал для закрепления уникальность их народов (автохтонность и древность албанцев, битва на Косовом поле как элемент формирования национального самосознания сербов). Ответом на разделяющий дискурс балканизма стало и планомерное развитие интеграционных инициатив внутри региона. В качестве примеров можно привести различные инициативы регионального сотрудничества: Берлинский процесс, «Открытые Балканы», соглашение о «Балканском мини-шенгене». С другой стороны, проявляется мимикрия с элементами национального колорита: каждая из западнобалканских наций стремится позиционировать себя более развитой и соответствующей западным стандартам (и менее «восточной») и отмежеваться от клейма «балканкости». Вступление Северной Македонии и Черногории в НАТО

позиционировалось странами как присоединение к престижному клубу «развитых» стран, которое позволяет им быть под надежной защитой. Последствием данных явлений является дальнейшая ретрансляция западного дискурса.

Таким образом, региональный национализм характеризуется как внешней стигматизацией, так и самостигматизацией. Это приводит к эскалации внутренних расколов – разделению на сторонников активной мимикрии и тех, кто придерживается локальных (балканских) традиций. Поляризация подобного рода препятствует выработке общей концепции национального строительства.

Дискурс «балканизма» продолжает оказывать серьезное влияние на процессы национального строительства государств региона. В этой связи можно отметить как позитивные, так и негативные тренды данного подхода. Внешняя критика преимущественно сказалась на политических элитах ЗБ государств, которые являются ретрансляторами национального дискурса. Важно отметить такую тенденцию, как постепенный уход от крайнего (радикального) национализма к проевропейскому реформаторству. Желание уйти от «балканскости» к «европейскости» отчасти смягчает риторику многих национальных лидеров. Наиболее репрезентативен в данном случае кейс Северной Македонии, где официальные власти отказались от идеи «македонское государство – государство одного этноса (македонцев-славян)» и даже внесли соответствующие изменения в конституцию страны. Таким образом, балканизм способствует поиску новых форм нацидентичности, не носящих откровенно конфронтационный характер. Навязываемый Европой стандарт закладывает основы формирования концепта гражданской нации.

Балканизм при этом создает определенные трудности в деле построения устойчивой нации. Западные институты позиционируют страны региона как «проблемные» и требующие внешнего управления. Это негативно сказывается на таких аспектах формирования нации как внутренний суверенитет и чувство национальной гордости. Условия евроинтеграции зачастую воспринимаются как унизительные, так как игнорируют национальную специфику региона. Это

приводит к усилению внутреннего (локального) сопротивления. Подробнее мы рассмотрим его в Главе 2 данной диссертации.

Внутренние политические элиты часто используют риторику балканизма в собственных интересах. Например, македонские албанцы представляют свою нацию как «жертву действий македонцев-славян» и требуют все больших прав и уступок. Данный рычаг они также используют на местных выборах для мобилизации электората. Важной в этом контексте является политика памяти, которую балканизм не учитывает: каждая из сторон конфликтов в регионе (боснийская война, конфликт 2001 г. в Македонии) культивирует себя как «жертву», а признание страданий других рассматривается как предательство. Общее будущее в рамках единой нации невозможно построить без общего понимания и принятия прошлого.

Стигматизация региона как «нестабильного» также приводит к таким экономическим последствиям как отток инвестиций, что приводит к экономической отсталости, утечке рабочей силы и росту уровня безработицы. Молодое население стран начинает воспринимать свою родину как «безнадежно отсталую» и стремится эмигрировать в государства ЕС. Данные факторы способствуют росту социальной напряженности в обществе, в том числе в межэтнических отношениях.

Таким образом, можно прийти к выводу, что балканизм определяет некоторые особенности национального строительства (формирования национальной идентичности) стран региона. Как показал упомянутый выше анализ теории, формирование национальной идентичности здесь обусловлено не столько внутренними процессами, сколько постоянной реакцией на внешний дискурс (балканизм). Политические элиты стран пытаются доказать, что они – европейцы и не относятся к отсталым (балканским) народам. Данный процесс можно охарактеризовать как попытку отмежеваться от «балканскости». Вступившие в ЕС государства (Словения, Хорватия) больше не ассоциируют себя с Балканами, а позиционируют в качестве европейских государств.

Необходимо отметить ещё одну особенность формирования национального самосознания народов ЗБ – борьбу с навязанной стигматизацией. Нации тратят ресурсы не только на созидание, но и на опровержение навязанных стереотипов. Одним из таких «ярлыков» является продвигаемый балканизмом тезис о племенной вражде между балканскими нациями. Это приводит к доминированию этнического национализма над гражданским, закрепляя поляризацию общества. В сознании народов укрепляется этническое понимание нации.

В условиях балканизма активно развивается процесс культивирования этносами мифа о жертвенности. Используя данный дискурс, этнические общины стараются представить свою группу главной жертвой истории. В частности, в Боснии и Герцеговине строятся сразу три этнонации (босняцкая, сербская и хорватская), каждая из которых формируется на основе собственного нарратива о страданиях в ходе вооруженного конфликта. Итогом является отсутствие нациестроительства на общегосударственном (гражданском) уровне.

Общая историческая память также не стала общим фундаментом для формирования национальной идентичности стран региона. Она становится полем противостояния, битвы за легитимность. В споре о госнаименовании Македонии и Греции история использовалась как инструмент на поле битвы в сфере политики памяти. Кроме того, балканские нации пытаются доказать свою «цивилизованность» и «европейскость» путем поиска древних корней или связей со средневековыми государствами (античное Македонское царство, средневековое болгарское царство). Политические элиты представляют национальных героев ,писателей и художников своих стран европейцами, внесшими значительный вклад в культуру Старого Света. Это позволяет позиционировать себя частью западной культуры и отмежеваться от «балканскости».

Процесс формирования национальной идентичности зачастую сводится к выполнению формальных критериев (к примеру, членства в ЕС), определенных извне. Вопрос часто ограничивается формальной составляющей и игнорирует глубинные социальные и идентификационные противоречия, которые

усиливаются внешним протекторатом (зависимостью от зарубежного признания самой легитимности государств и населяющих их этносов).

Национальная идентичность ЗБ стран носит под влиянием «балканизма» амбивалентный характер и является «гибридной/расколотой». Человек в её рамках может воспринимать себя одновременно как балканец, европеец, македонец (черногорец и т.д.) в зависимости от контекста. Это мешает формированию целостного национального самосознания. При этом он может как полностью отказаться от своих балканских истоков (корней) и воспринимать только европейскую часть идентичности (доказав европеизм и сняв с себя балканскую стигму), либо – стать частью внутреннего (локального) сопротивления, признать свою «балканскость». Формируемая под влиянием балканизма идентичность является не только расколотой, но и многоуровневой.

В рамках данной научной работы мы исходим из того, что с течением времени предмет исследования «балканизма» в географическом плане уменьшился в объеме – с (больших) Балкан до Западных Балкан. При этом тезис автора, что «Юго-Восточная Европа или Балканы не должны позиционироваться как субрегионы субрегиона»[80] не теряет своей актуальности и в отношении государств Западных Балкан, которые имеют собственную богатую историю и культуру. Таким образом, в рамках данной работы необходим анализ постсоциалистического национализма (югославского наследия). Обусловлено это тем фактом, что попытка построения югославской идентичности (гражданского, надэтнического самоопределения) имела ограниченный спектр влияния. С распадом государства в 1991 г. каждая из появившихся на политической карте стран, столкнувшись с вызовом по реконструкции собственной национальной идентичности, определила себя в качестве национального государства титульной нации (кроме Боснии и Герцеговины). При этом идея гражданской нации (многонациональной боснийской нации) не была реализована ввиду укрепления национализмов этнических общин. Для более глубокого анализа внутреннего национализма и его истоков мы попытаемся сопоставить как внутренние факторы

[80] Todorova M. Imagining the Balkans…, P. 197.

его развития, описанные модернистскими теориями, так и внешние (через дискурс «балканизма» и геополитические проекты). Данное исследование рассматривает балканизм не просто как набор дискурсивных практик, а в качестве реального политического инструмента, оказывающего влияние как на внешние, так и на внутренние политические процессы стран региона. Внешнее воздействие обусловлено созданием отношений зависимости и неполноценности со странами региона, а внутреннее – манипуляциями политических элит страхами населения и разжиганием межэтнического национализма. Решение данного вопроса видится только путем отказа Европы (ЕС) от стигматизации (распространения негативных стереотипов) в отношении балканских стран и перехода к отношениям на основе партнерства. Внутренние деструктивные процессы преодолеваются путем критического переосмысления общей истории и через развитие гражданского общества.

Влияние внешних акторов на Западных Балканах проявляется через разнообразные механизмы. ЕС активно продвигает программы евроинтеграции, сопровождая их экономической поддержкой и культурными инициативами. Китай, напротив, использует свои инвестиционные проекты, такие как строительство дорог и энергетической инфраструктуры, для создания новых каналов влияния. Примером может служить финансирование китайскими компаниями автомагистралей в Северной Македонии, которые не только укрепляют экономические связи, но и создают новые символы модернизации, способствуя формированию нарратива о сотрудничестве с Китаем как о стратегическом партнёре[81]. Более подробно мы их рассмотрим в следующей главе.

[81] Montilla-Aguilera F.J. Analyzing Chinese Investment in the Balkan Region: A Threat to the EU / F.J. Montilla-Aguilera // Studia Europejskie/Centrum Europejskie Uniwersytetu Warszawskiego. – 2024. – №. 3. – P. 159-177.

ГЛАВА 2. ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ

Начать данную главу хотелось бы цитатой о том, что «политика признания (идентичности) открывает широкую арену для деятельности политических антрепренеров, стремящихся манипулировать коллективной идентичностью, представляя ее вполне определенным образом и апеллируя к ней для достижения собственных целей»[82]. С ней нельзя не согласиться. В рамках данного исследования предполагается, что значимым мотивом политики внешних акторов в регионе являются их собственные геополитические и институциональные интересы. Относительно вопроса политической «самостоятельности» Балкан уже давно имеется «решение-консенсус: уже более двадцати лет регион видится как «зона стратегической уязвимости», сфера приложения сил и влияния крупных держав»[83].

Используя политические, экономические и культурные инструменты, внешние силы способствуют созданию новых идентификационных рамок, которые нередко вступают в конфликт с локальными представлениями об идентичности. В то же время, локальные сообщества и элиты оказывают сопротивление этим внешним воздействиям, что ведет к конструированию гибридных форм национальных идентичностей. Эти процессы схожи с идентификационными моделями, характерными для постколониальных обществ, что делает Западные Балканы уникальной зоной столкновения глобальных и локальных идентификационных стратегий.

Критерием отбора кейсов агентов внешнего влияния стал их тип (политические институты – государства и одно надгосударственное образование), а также вектор их влияния – западный (колониальный), представленный такими

[82] Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного познания: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России и современном мире / под ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2005. – С. 14.

[83] Пономарева Е.Г. Трещины и разломы: внешнеполитические ориентиры западнобалканских столиц в условиях украинского кризиса / Е.С. Арляпова, Е.Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – № 16 (3). – С. 156.

игроками, как ЕС и США, восточный (неколониальный) – Россия и Китай, а также турецкий подход, являющийся комбинацией колониальных и неколониальных практик (обусловленный как географическим положением Турции, так и проводимым ею внешнеполитическим курсом). Отбор данных пяти кейсов является наиболее репрезентативным в контексте отражения их влияния на внутренние процессы формирования национальной повестки западнобалканских государств.

Представленность США в регионе можно охарактеризовать как военный интервенционизм и активную экспансию НАТО. Проекты по гуманитарному сотрудничеству в целом находятся «в тени» американского военного присутствия. Таким образом, данный актор выступает в роли милитариста, стремящегося усилить свою военную мощь и присутствие. Тенденция к усилению присутствия США на Балканах наметилась с момента вовлечения страны в Югославский кризис в конце XX в. и характеризуется постоянными попытками по укреплению военного присутствия. Военная сила США была продемонстрирована дважды – в 1995 г. в ходе урегулирования военного конфликта в Боснии и Герцеговине и в 1999 г. – во время бомбардировок силами НАТО Белграда. На данный момент глобальная среда безопасности на Западных Балканах радикально отличается от той, которая преобладала более двадцати лет тому назад. В отличие от ситуации 1999 года, влияние Соединенных Штатов на политику на Балканах уменьшается, в то время как участие других партнеров по НАТО и ЕС расширяется. Обосновывается это смещением в начале XX в. фокуса интересов США в другие регионы. Видение ситуации администрацией Б. Обамы в 2010 г. нашло свое отражение в заявлении замгоссекретаря США по вопросам Европы и Евразии Ф. Гордона, который отметил, что: «Перспектива безопасности на Западных Балканах претерпела значительную трансформацию за последние двадцать с лишним лет. Региональная безопасность на Западных Балканах не отделима от

европейской безопасности, а прогресс и стабильность в регионе в настоящее время зависит от тесного сотрудничества и интеграции с Европой»[84].

Отношения между ЕС и балканскими странами планомерно развивались с 1990-х годов. ЕС можно охарактеризовать как актора-медиатора, поскольку объединение с момента своего создания активно участвовало в посредничестве в урегулировании конфликтов посредством дипломатии и военных/гуманитарных интервенций. В частности, государства-члены ЕС внесли значительный вклад в бомбардировки НАТО бывшей Югославии в 1999 году, их контингент был задействован в миссиях ООН в автономном крае Косово и Метохия, Боснии и Герцеговине. В начале XXI в. миротворческая деятельность была подкреплена усилиями по продвижению полноценного членства в объединении. В 2000 году Европейский совет инициировал саммит ЕС и Балканских стран в Загребе, предложив рамки для запуска переговоров по процессу стабилизации и ассоциации при условии, что все государства-члены достигнут «европейских стандартов» демократии. С 2000 г. в дискурсе официальных политиков ЕС превалирует тезис о том, что будущее Балкан находится в рамках ЕС. С 2004 года вооруженные силы ЕС присутствует в Боснии и Герцеговина в рамках операции «Алтея», целью которой является наблюдение за выполнением Дейтонского соглашения. С 2009 года ЕС развернул самую крупную в истории Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО) гражданскую миссию в автономное крае Косово и Метохия, известную как Миссия Европейского союза по обеспечению верховенства права (ЕВЛЕКС). ЕВЛЕКС описывает свою миссию как “мониторинг, наставничество и консультирование системы правосудия Косово”. Таким образом, ЕС планомерно расширяет спектр своего влияния на регион. Новый виток активизации переговорного процесса и дальнейшего оказания влияния наступил после начала СВО – в 2022 г.

[84] Philip H. Gordon Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs: The Obama Administration's Vision for Southeastern Europe. – 17.02.2010. [Electronic resource]. – URL: http://sarajevo.usembassy.gov/washdc_20100217.html (date of access: 21.06.2024).

Еще одним важным игроком в регионе с имперскими амбициями является Турция (её можно охарактеризовать как актора-империалиста). Эволюция её подхода к региону характеризуется следующими этапами: следование в фарватере политики «атлантизма» (середина 1990-х – конец 2000-х гг.), когда страна ввиду ресурсной ограниченности не могла проводить активную и независимую внешнюю политику, период пребывания на высших государственных постах А. Давутоглу, автора основных внешнеполитических стратегий до 2016 г. («Стратегической глубины» и «Нулевых проблем с соседями»), а также современный этап, ассоциирующийся с фигурой действующего президента страны.

Концепция Ахмета Давутоглу означала возвращение Турции в качестве полноценного регионального игрока на Балканы, а также заложила современные принципы стратегического подхода страны к региону. Нынешний этап влияния Турции связан с деятельностью президента Р.Т. Эрдогана и характеризуется полным уходом от политики лояльности США и союзникам по НАТО. Западные Балканы в этом контексте являются плацдармом для продвижения Турции как регионального лидера.

Россию можно охарактеризовать как малоактивного игрока. Связано это с тем, что в конце XX в. Балканы, как и вся Юго-Восточная Европа находились на периферии ее внешнеполитического курса ввиду попыток выстроить отношения с ЕС и США. Интерес к региону стал проявляться по мере нарастания противоречий с Западом (свою роль сыграли бомбардировки НАТО Белграда в 1999 г.). Вторая половина 2000-х гг. характеризуется усилением экономического присутствия России в регионе, а также укреплением гуманитарных связей. Тем не менее, понятийно-терминологический аппарат последних концепций внешней политики РФ за 2016 и 2023 гг. не включает такие категории как «Балканы» и «Юго-Восточная Европа», что свидетельствует о сдержанном подходе к региону на данном этапе.

Китай стремится позиционировать себя как стратегического инвестора, который не вмешивается во внутренние политические дела западнобалканских

государств. Участие Китая в 136 крупных проектах в регионе составило более €32 млрд. (2009-2021) и распределено по нескольким секторам - транспортная инфраструктура, энергетика, металлургия, горнодобывающая промышленность, безопасность и цифровые технологии. Большинство обязательств согласованы на двусторонней основе и способствуют развитию инициативы «Один пояс, один путь». Базовым документом, заложившим институциональную основу для формата «16+1», стали «Двенадцать мер Китая по продвижению дружественного сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы». Они были согласованы в 2012 г. на саммите в Варшаве. Основной целью инициативы «16+1» является достижение продвинутого уровня политической координации и взаимопонимания между Пекином и 16 странами Центральной и Восточной Европы (одиннадцать европейских государств-членов плюс пять западнобалканских). Хотя инициатива включает в себя несколько направлений сотрудничества, приоритетными остаются три области: инфраструктура, высокие и «зеленые» технологии. Созданная в 2013 году, инициатива направлена на стимулирование экономического развития Китая, открытие новых коммерческих маршрутов и усиление его международного присутствия путем инвестирования в сеть транспортной инфраструктуры. Дополнительными механизмами являются Китай-ЦВЕ (страны Центральной и Восточной Европы) или структура 16+1, которая также включает в себя маршрут сухопутно-морского экспресса Китай-Европа. Оба инструмента позволяют Пекину получить доступ к европейским рынкам и ключевым портам в Северном, Черном и Адриатическом морях. Китайские кредиты являются основным инструментом внешней политики Пекина для укрепления своих позиций в регионе.

В этой главе критический дискурс-анализ применяется к официальным текстам пяти внерегиональных акторов. Они сгруппированы по институциональному принципу. В основе анализа лежат нескольких сопоставимых категорий: способ номинации региона, описание местных народов и стран, метод выделения региональных проблем, самопозиционирование внешнего актора, доминирующие фреймы, а также отношение к суверенитету и

допустимым пределам внешнего участия. На текстовом уровне фиксируются ключевые лексические маркеры, на уровне дискурсивной практики – повторяющиеся отсылки к другим текстам, а на уровне социальной практики – связь этих описаний с более широким контекстом: международным управлением, безопасностью, инвестированием и символическим нормотворчеством. Данный подход позволяет не только описать политику внерегиональных игроков, но и рассмотреть дискурсивные механизмы, посредством которых Западные Балканы конструируются как объект реформирования, защиты, партнерства, исторической близости или геополитического соперничества.

2.1. Интеграционные инициативы Европейского союза и политика Соединённых Штатов Америки на Западных Балканах

Одним из ключевых игроков в регионе, который оказывает непосредственное влияние на внутренние процессы, является ЕС. Политика Союза направлена на преобразование внутренних институтов стран Западных Балкан. Основным инструментарием трансформационной силы ЕС является перспектива членства в европейском интеграционном объединении. ЕС активно продвигает тему возможного членства, которое должно «стабилизировать» регион и оказать содействие в преодолении проблем, вызванных «слабой государственностью»[85] (при этом у коллективной Европы отсутствует опыт государственного строительства).

Вокруг роли ЕС и перспективах его влияния ведутся активные дискуссии. Важно отметить, что это многоаспектная тема. С одной стороны, проблема заключается в поиске ответа на вопросы, насколько сильна трансформационная сила ЕС и способно ли объединение влиять на сознание проживающих на Западных Балканах граждан. С другой стороны, возникает дилемма, располагают

[85] Börzel T.A. When Europeanization Hits Limited Statehood: The Western Balkans as a Test Case for the Tranformative Power of Europe / T.A. Börzel // Cover: Working Paper KFG. The Transformative Power of Europe. – 2011. [Electronic resource]. – URL:https://www.researchgate.net/publication/239806881_When_Europeanization_Hits_Limited_Statehood_The_Western_Balkans_as_a_Test_Case_for_the_Transformative_Power_of_Europe (date of access: 21.06.2024).

ли государства с зонами ограниченной государственности и «разделенными обществами» (где существует «проблема управления этнокультурным многообразием»)[86] потенциалом, чтобы пойти по пути европеизации (встраиванию в наднациональной концепт)? Видится, что решение данного вопроса возможно только при наличии оптимальной политики конструирования идентичности.

Европеизация стран региона невозможна без встраивания их в концепт европейской идентичности. Вопрос о том, что такое европейская идентичность, носит дискуссионный характер и ответ на него найти не так просто. По мнению балканских ученых, речь идет об абстрактном цивилизационном феномене[87]. Наиболее общими инструментами ее распространения являются деятельность институтов ЕС, правил, норм и практик, которые продвигают систему ценностей и обычаев, характерных для западноевропейских стран. В связи с этим представляется крайне важным отметить тот факт, что процессы европеизации и евроинтеграции тесно переплетены и рассматривать их нужно в комплексе. Европейская идентичность распространяется и становится наднациональной путем развития ЕС, так как институты Европейского Союза играют значительную роль в формировании идентичности. Поэтому основным двигателем современной европейской интеграции является ЕС – объединение, которое было создано западноевропейскими странами. В ходе своего развития они прошли долгий путь к взаимной интеграции. Ключевым моментом на данном этапе его развития является делегирование государственного суверенитета наднациональным институтам. Следовательно, построение европейской идентичности предполагает интеграцию с частичной передачей «вестфальского» (внутреннего) суверенитета. Однако только этим она не ограничивается – недостаточно просто вступить в интеграционное объединение, важной детерминантой идентичности являются

[86] Семененко И.С. и др. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля: [монография] / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН: Весь мир, 2023. С. 29.

[87] Radaković M. Međusobna determinisanost evropskog inacionalnog identiteta / M. Radaković // Međunarodna Politika. – april–jun 2010. – br. 1138. – S. 45.

общекультурные связи, основанные на признании жителями ЕС себя европейцами (вне зависимости от этнической принадлежности). При этом в плоскости культурно-психологических связей крайне важной темой остается вопрос религиозной идентичности. Особую актуальность он приобретает в контексте Западных Балкан, где крайне сильно размежевание наций по религиозным воззрениям. Специалисты данного региона предполагают, что для распространения европейской идентичности необходима стратегия, основанная на принципе наднациональности, а также трансформация всех атрибутов национального[88].

Наиболее общим определением европейской идентичности является следующее: «это самосознание граждан Евросоюза, а по своему содержанию – политическая идентичность Европейского союза»[89]. В ее основу заложены следующие ценностные ориентиры: в политической сфере – демократия и права человека; экономической – рыночная экономика и свобода предпринимательства; в области социальных отношений – принципы социальной солидарности и сплоченности, а также отсутствие вооруженных конфликтов между европейскими странами. Видится, что построение европейской идентичности невозможно без европеизации стран региона – распространения институтов ЕС, правил, норм и практик, а также системы ценностей и обычаев, характерных для западноевропейских стран.

В стратегии ЕС балканские государства, не являющиеся членами объединения, с 2003 г. получили наименование Западные Балканы (все страны пост-югославского пространства (за исключением Словении и Хорватии) + Албания). Саммит ЕС в Салониках в 2003 г. открыл перспективу вступления государствам Западных Балкан, а также закрепил использование данного термина в бюрократическом дискурсе ЕС. Сам термин достаточно спорный и вызывает многочисленные дискуссии, так как был искусственно создан с целью изменения

[88] Ibid.
[89] Cerutti F. Towards the political identity of the Europeans: An introduction // A soul for Europe. On the political and cultural identity of the Europeans / ed. by F. Cerutti, E. Rudolph. – Leuven, 2001. – Vol. 1. – P. 1-31.

имиджа целого региона, который считается «неспокойной» частью Европы. Как уже было отмечено в предыдущей главе, его существование обусловлено тем фактом, что страны, принадлежащие к данному региону, пока не имеют полноценного права на членство в Европейском Союзе. Российские ученые-международники придерживаются позиции, что «понятие изначально имело исключительно политическое и техническое значение, поскольку ни географически, ни исторически оно ничем не обусловлено»[90], а также, что его «геополитический характер» основан не на «объединительном, а на изоляционистском принципе»[91]. В соответствии с концепцией Брюсселя, Западные Балканы, которые исторически, цивилизационно и географически расположены в Европе, к ней не относятся только потому, что не являются членами Евросоюза. Стратегия ЕС в отношении данных государств сводится к следующему – «выход из числа западнобалканских государств означает европеизацию»[92].

Научный интерес представляет рассмотрение политики ЕС через постколониальный дискурс. Ряд ученых называют политику объединения по своему расширению «постколониальной»[93]. Расширение ЕС и отношение европейских стран к Балканам можно охарактеризовать как парадоксальные и противоречивые явления. Они вызывают неоднозначное восприятие в контексте положения Западных Балкан по отношению к Европе, поскольку в европейском дискурсе преобладают равновесные тенденции по включению и исключению данного региона. ЕС в данном случае выступает как постколониальный игрок в постколониальном мире. Это может свидетельствовать о наличии наследия колониализма в политике ЕС. Европеизация бывших социалистических

---

[90] Энтина Е.Г. Незападные Балканы / Е.Г. Энтина. – М.: ИЕ РАН: Галактика: Зебра Е, 2022. С. 258.
[91] Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса…, С. 9.
[92] Энтина Е.Г. Незападные Балканы…, С. 258.
[93] Heikkinen J.K. Fifty Shades of Postcolonialism: Exploring the Normative Background of the EU's Enlargement Policy Towards the Western Balkans: master's thesis / J.K. Heikkinen; University of Helsinki. – Helsinki, 2021. – 101 p.

государств открыла совершенно новую арену для брюссельских политиков с новой цивилизаторской миссией.

Западные страны конструирует образ «внутреннего Другого», согласно теории «балканизма». Балканы географически и исторически являются частью Европы, но им приписываются все негативные черты, от которых «цивилизованная» Европа хотела бы избавиться. Это позволяет объяснять все проблемы региона не ошибками европейцев, а виной «Другого».

В этом и проявляется противоречивость европейского подхода к Балканам: «Балканы для Европы всегда «другой», необъяснимый, во многом близкий Востоку»[94], но «этот «другой» является охранителем сути христианской цивилизации, создавшей Европу Модерна»[95]. На данный момент в европейском дискурсе они стали «охранителем», что превратило «перспективу евроинтеграции Западных Балкан из угрозы в необходимость или даже неизбежность»[96].

В последние годы в дискурсе европейской бюрократии особое место отводится обоснованию цивилизационного единства со странами региона, их принадлежности Европе. Председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен выдвигала тезис «об одной европейской семье» и «общей судьбе» ЕС и Западных Балкан[97]. Ряд государств ЕС объединились в группу «Друзей Западных Балкан», созданную по инициативе министра иностранных дел Австрии А. Шалленберга. Основная цель данного объединения, как декларируют создатели, «противостоять внешнему давлению и влиянию, которое идет вразрез с ценностями ЕС»[98]. Таким образом, можно сделать вывод, что в основе дискурса европейских политиков в отношении Западных Балкан лежит смягчение общей риторики и попытка

---

[94] Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса…, С. 9.
[95] Там же.
[96] Малешевич А.В. Западные Балканы в дискурсе ЕС и стран региона с позиции критики балканизма / А.В. Малешевич // Дискурс-Пи. – 2022. – № 3. – С. 92.
[97] «One family»: EU chief seeks to reassure Balkan states amid stalled membership bid // France24. – 06.10.2021. [Electronic resource]. – URL:https://www.france24.com/en/europe/20211006-one-family-eu-chief-seeks-to-reassure-balkan-states-amid-stalled-membership-bid (date of access: 19.06.2024).
[98] EU Advocates for Stronger Western Balkans Involvement in Foreign Policy // Politicstoday.org. – 14.11.2023. [Electronic resource]. – URL: https://politicstoday.org/europe-western-balkans-foreign-policy/ (date of access: 10.05.2024).

апеллировать к общему культурно-цивилизационному коду (единая «европейская семья») для оказания влияния на внешнюю политику западнобалканских государств (чтобы она соответствовала целям и ценностям ЕС).

Данная тенденция нашла свое отражение в доктринальном оформлении политики ЕС на Западных Балканах. Ключевым пунктом можно считать обновленную стратегию объединения 2018 г.: «Достойная перспектива расширения и активизация взаимодействия ЕС с Западными Балканами». В ней, в частности, отмечается что «Западные Балканы являются частью Европы, географически окружены странами-членами ЕС. Народы ЕС и региона имеют общее наследие и историю, а также будущее, которое определяется общими возможностями и проблемами... ЕС поддерживает идею о будущем региона как неотъемлемой части ЕС, начиная с саммита в Салониках в 2003 году»[99]. Конкретные шаги по взаимодействию в сфере гуманитарных связей (культурно-цивилизационный диалог) прописаны в приложении к данной стратегии, где анонсирован запуск программы «Наследие ЕС – Западные Балканы» (состоит из ряда тематических мероприятий, посвященных общему культурному наследию)[100]. Стратегия носит противоречивый характер – с одной стороны, ЕС затронул тему культурной общности всей Европы, включая западнобалканские страны, т.е. пересмотрел образ «другого» в лице данного региона. С другой стороны, перспектива членства в объединении представлена довольно расплывчато. Подтверждается, что страны могут вступить в объединение, но при этом должны выполнить достаточно жесткие условия, касающиеся их суверенитета в области внешней политики и энергетической сфере (перспектива членства де-факто остается по-прежнему на усмотрение Брюсселя). Данная стратегия была актуализирована в 2020 г. и получила название: «Укрепление

[99] A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans / European Commission. [Electronic resource]. – 2018. – URL: https://integrimi-ne-be.punetejashtme.gov.al/wp-content/uploads/2020/04/Communication-Credible-Enlargement-Perspective-Western-Balkans_en.pdf (date of access: 22.06.2023).

[100] Annex to A credible enlargement perspective for and enhanced EU enlargement with the Western Balkans / European Commission. – 2018. [Electronic resource]. – URL: https://ec.europa.eu/commisssion/sites/beta-political/files/annex-communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (date of access: 22.06.2023).

процесса вступления – достойная перспектива ЕС для Западных Балкан». В ней особо отмечается, что «перспектива полноправного членства в ЕС для Западных Балкан отвечает собственным политическим интересам, интересам безопасности и экономическим интересам Союза. Во времена растущих глобальных проблем и разногласий оно, как никогда, остается геостратегической инвестицией в стабильную, сильную и единую Европу»[101]. Как видно из данного текста, официальный Брюссель опять апеллирует к единству и неделимости Европы.

Официальный дискурс ЕС построен на основе двойственного способа номинации региона. С одной стороны, Западные Балканы позиционируются как часть Европы с общим историческим наследием и будущим[102]. С другой стороны, признание принадлежности региона к Европе на практике постоянно откладывается и ретранслируется в режим условного признания: вступление возможно только при выполнении «определенных реформ», следовании «европейским стандартам» и постоянном мониторинге прогресса[103]. Таким образом, регион как включается в символическое пространство Европы, так и исключается из него как «не готовый» к членству в ЕС[104].

Одной из ведущих дискурсивных стратегий в текстах ЕС является номинация, связывающая Западные Балканы с европейской перспективой, реформой, верховенством права и добрососедством. Топосы представлены модернизацией, цивилизационной зрелостью и ответственностью[105], что позволяет легитимировать внешнее нормотворчество ЕС. В исследовательской традиции Т. ван Дейка (идеологический уровень) это является примером

---

[101] Enhancing the accession process – A credible EU perspective for the Western Balkans / European Commission. – 2020. [Electronic resource]. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/document/download/ef0547a9-c063-4225-b1b4-93ff9027d0c0_en?filename=enlargement-methodology_en.pdf (date of access: 22.06.2023).

[102] «One family»: EU chief seeks to reassure Balkan states…

[103] EU Advocates for Stronger Western Balkans Involvement…

[104] EU support for the rule of law in the Western Balkans: despite efforts, fundamental problems persist / European court of auditors. – Special report 2022. [Electronic resource]. – URL: https://op.europa.eu/webpub/eca/special-reports/eu-support-to-the-rule-of-law-in-Western-Balkans-01-2022/en/ (date of access: 22.06.2023).

[105] EU-Western Balkans Summit Thessaloniki : Joint Declaration. – Thessaloniki, 23.06.2003. [Electronic resource]. – URL: https://www.greekembassy.org/Embassy/content/en/Article_office-2-folder-351-article-11755.html (date of access: 22.06.2023).

позитивной самопрезентации. Состоявшаяся национальная идентичность (согласно позиции Брюсселя) – идентичность государства, разделяющего европейские ценности. В постколониальной интерпретации ЕС создает «внутреннею периферию»: Балканы – часть Европы, которую надо контролировать. Они станут «своими» только после полного соответствия критериям. В частности, в Тиранской декларации говорится: «Доверие к этим обязательствам зависит от реального осуществления необходимых реформ и создания надежной истории успеха…»[106]. Резюмируя вышесказанное, дискурс ЕС формирует нацидентичность ЗБ стран через нарративы европеизации, реформ, условности и интеграции.

Видится, что миф о сильной трансформирующей силе европеизации сильно переоценен и не всегда оправдывает ожидания государств-кандидатов. Грандиозные планы по трансформации Западных Балкан посредством европеизации породили ложные надежды и представления («процветание», «грамотное управление», «верховенство закона»), которые ЕС оказался не способен реализовать. Он был основан на чрезмерной вере в преобразующую и модернизирующую силу ЕС, которая отодвигала на второй план и игнорировала негативные последствия для межэтнического диалога. Это привело к имиджевым потерям ЕС и снижению его популярности на западнобалканском треке.

Далеко «не все жители данного региона выражают оптимизм в контексте своего европейского будущего (видят себя европейцами). Согласно данным (по состоянию на май-июнь 2023 г.) Евробарометра (регулярного и наиболее влиятельного опроса общественного мнения в Европе), доверие ЕС выказывают 57% опрошенных в Боснии и Герцеговине, 54% – в Черногории, 48% – в Северной Македонии и только 32% – в Сербии»[107]. Наиболее симптоматична картина в Сербии, где на вопрос, как бы они себя чувствовали, если бы Сербия

[106] Tirana Declaration / Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. – 06.12.2022. [Electronic resource]. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/tirana-declaration-december-2022_en (date of access: 10.03.2024).

[107] Крапива М.Е. Формирование европейской идентичности государств Западных Балкан в XXI веке / М.Е. Крапива // Современная Европа. – 2025. – № 1. – С. 189.

присоединилась к Европейскому Союзу 28% респондентов ответили, что были бы счастливы, 33% – обеспокоены, а 36% – индифферентны к этому событию[108]. Российские специалисты также отмечают, что «значительную «усталость от ожидания» демонстрируют не только общественность, но и политические элиты»[109]. Репрезентативными в данном случае являются заявления балканских политиков, которые выражают определенный скепсис относительно возможного членства своих стран до 2030 г., а также отмечают, что «европейские политики сами не знают, чего хотят, поэтому и не дают конкретной даты»[110].

О неоднозначном восприятия ЕС среди молодежи пишут балканские авторы, проводящие опросы общественного мнения среди представителей данных стран: «Большинство студентов одобрили вступление/членство в ЕС. Тем не менее, студенты считают, что членство в ЕС необязательно приведет к росту уровня жизни, сохранению национальной идентичности и культуры... Таким образом, существует высокий уровень недоверия к ЕС»[111].

Работа с гражданским обществом по продвижению европейской повестки проводится в конкретных странах, в частности, в основных кейсах данного исследования. Деятельность ЕС в Боснии и Герцеговине осуществляется с 1996 года, когда ЕС открыл свое первое представительство в Сараево. В настоящее время в стране функционируют семь офисов и информационных центров ЕС. Эти офисы занимаются деятельностью, направленной на активное продвижение идеи членства ЕС в БиГ. Например, в стране с 2005 года отмечается День Европы – мероприятия проводятся под патронажем Представительства ЕС в Сараево. В них стараются задействовать представителей локальных органов власти и местного

---

[108] Eurobarometer survey: Trust in the EU varies across the Western Balkans. – 2023. [Electronic resource]. – URL: https://europeanwesternbalkans.com/2023/07/11/eurobarometer-survey-trust-in-the-eu-varies-across-the-western-balkans/ (date of access: 01.09.2023).

[109] Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса…, С. 128.

[110] Балкански лидери скептични да ће ЕУ да буде спремна на проширење до 2030. године, нови рок предалеко // RT Balkan. – 28.08.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rt.rs/srbija-i-balkan/47250-misel-eu-prosirenje-2030-balkanski-lideri-skepticni/ (дата обращения: 14.05.2024).

[111] Miltojević V. Euro-optimism or euroscepticism: Opinions of students from Serbia, Macedonia and Bulgaria / V. Miltojević // RUDN Journal of Sociology. – 2019. – Vol. 19. – N. 2. – P. 231.

гражданского общества. Празднование Дня Европы в Сараево с 2019 г. проводится в течение всего мая[112] и состоит из множества мероприятий, включающих фотовыставки, встречи с европейскими исследователями, кинофестивали, ночи музеев, велосипедные и пешие туры. Данный механизм является инструментом институтов ЕС по влиянию на гражданское общество (распространение и воплощение в жизнь идеи европейского будущего БиГ). Празднование Дня Европы в Боснии и Герцеговине, финансируемое ЕС, является отправной точкой гуманитарного присутствия Европы в стране. Как отмечают балканские исследователи, деятельность ЕС в БиГ в гуманитарной сфере развивается в трех направлениях: 1) создание в БиГ мест и пространств, ассоциирующихся с Европой 2) распространение европейских видов деятельности 3) создание европейских субъектов в БиГ. Основная задача всех трех направлений состоит в том, чтобы все местные жители (боснийцы) представляли себя будущими европейцами и действовали соответствующе[113]. Вопрос «европейских субъектов» был затронут во время празднования Дня Европы в 2019 году главой делегации ЕС в БиГ (спецпредставителем ЕС в БиГ) Ларсом-Гуннаром Вигемарком. Он заявил, что «быть европейцем означает принимать различия и быть терпимым к людям других этнических, политических, религиозных и культурных ориентаций»[114]. Европейский субъект в его понимании – индивид, толерантный к меньшинствам.

В мае 2024 г. празднование дня Европы в БиГ прошло под слоганом «Босния и Герцеговина всегда была и остается в сердце Европы» (явная аллюзия к началу переговоров о вступлении с ЕС). В ходе данного мероприятия представители посольств стран-членов Европейского Союза провели беседы с учащимися гимназий Сараево, которым предоставили возможность выразить свое мнение о проблемах и возможностях для молодых людей для самореализации в процессе

[112] EU Info Centre. «Europe day 2019 in BiH». Sarajevo. – 10 May 2019. [Electronic resource]. – URL: https://euinfo.ba/en/article/europe-day-2019-in-bih/9609. (date of access: 10.06.2024).
[113] Musliu V. Europeanization and statebuilding as everyday practices. Performing Europe in the Western Balkans / V. Musliu – N.Y.: Routledge, 2021. P. 100.
[114] Europe day 2019 in BiH…

европейской интеграции их страны[115]. Это сигнализирует о проведении целенаправленной работе по влиянию на процессы самоидентификации молодежи БиГ. Методы ЕС напоминают механизм распространения «печатного капитализма», описанный Б. Андерсоном, который сыграл важную роль в становлении национальной идентичности. Из небольшого сообщества жителей БиГ пытаются путем трансформации внутреннего сознания создать западных европейцев (по образу мышления). Данное направление европейской политики по расширению вписывается в постколониальный дискурс, когда доминирующие политические группы формируют «поле истины» и навязывают определенные ценности[116]. Согласно теории Э. Саида, это является способом сохранения власти Запада над Востоком[117], своеобразной попыткой конструирования «Другого» для реализации господства Запада.

Однако проблема заключается в том, что балканские народы (этносы) по-прежнему не готовы принять плюрализм культурных моделей, поскольку они уверены в «эксклюзивности собственной культуры»[118], а в распространении неолиберальных ценностей видят угрозу. Корень проблемы распространения общеевропейских ценностей видится в разном культурном коде[119]. Если для жителя (Западных) Балкан типична склонность к коллективизму и эгалитаризму[120] (здесь свою роль сыграло югославское наследие), то для типичного европейца (преимущественно западного) – к индивидуализму и частной собственности. Негативную роль в этом играют и неолиберальные воззрения современной Европы, противопоставленные консервативным и коллективистским традициям,

---

[115] May 2024 with Europe House // Europe House. – 14.06.2024. [Electronic resource]. – URL: https://europehouse.ba/en/may-2024-with-europe-house/ (date of access: 10.06.2024).

[116] Подшибякина Т.А. Постколониальный дискурс: теория, методология и практика применения (на примере этнополитического сепаратизма в Африке) / Т.А. Подшибякина, С. Камара // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2024. – № 3. – С. 39.

[117] Ashcroft B. Post-Colonial Studies: The Key Concepts / B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. – London: Routledge, 2013. – 368 p.

[118] Калоева Е.Б. и др. Европейская и национальная идентичность. Борьба или взаимодействие (опыт Балкан). Европеизм и национализм в странах Восточной Европы / под общ. ред. Ю.И. Игрицкого. – М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 74.

[119] Крапива М.Е. Формирование европейской идентичности государств Западных Балкан в XXI веке / М.Е. Крапива // Современная Европа. – 2025. – № 1. – С. 190.

[120] Калоева Е.Б. и др. Европейская и национальная идентичность... , С. 68.

глубоко укоренившимся в сознании балканских народов (яркий пример – идеи распространения ЛГБТ не принимаются балканскими народами).

Параллельно с этим предпринимаются шаги на политическом уровне. В октябре 2022 года Еврокомиссия рекомендовала Боснии и Герцеговине предоставить статус кандидата при условии выполнения ряда шагов. В декабре 2022 года Европейский совет предоставил Боснии и Герцеговине статус страны-кандидата. В декабре 2023 года Европейский совет принял решение начать переговоры о вступлении с Боснией и Герцеговиной, как только будет достигнута необходимая степень соблюдения критериев членства. Он также предложил Комиссии представить Совету доклад о ходе работы не позднее марта 2024 года с целью принятия решения. Финальной точкой стало решение Европейского совета от марта 2024 года начать переговоры о вступлении Боснии и Герцеговины в интеграционное объединение.

Интересные тенденции на фоне европейского влияния наблюдаются и в другом кейсе данного исследования. Девиз кампании по вступлению Северной Македонии в ЕС – «солнце – это тоже звезда» (имеется в виду солнце, изображённое на флаге страны). Однако данную кампанию нельзя оценивать как позитивное явление в жизни государства. Будучи страной-кандидатом на членство в ЕС, Северная Македония должна выполнять условия в области проведения политики в отношении национальных меньшинств (Копенгагенские критерии вступления.) Первый Копенгагенский критерий гласит, что для присоединения к ЕС, потенциальные члены должны обеспечить «стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, права человека, уважение и защиту меньшинств»[121]. Защита меньшинств (в данном случае – национальных) стала краеугольным камнем подписанного при активном посредничестве ЕС в 2001 г. Охридского рамочного соглашения. Данный договор до сих пор рассматривается как основа нормализации межэтнических отношений в стране

[121] Conditions for membership. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations (DG NEAR). [Electronic resource]. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/conditions-membership_en (date of access: 10.06.2023).

путем развития гражданского общества, основной ценностью которого является уважение этнической принадлежности всех граждан страны. Документ, в первую очередь, закрепляет равенство всех граждан перед законом и исключает дискриминацию по национальному признаку (из преамбулы Конституции удалены упоминания об «этнических группах», вместо этого введено понятие «гражданин Македонии») путем пропорциональной представленности различных национальностей в органах местного самоуправления[122]. Одним из последствий подписания Охридского рамочного соглашения стало принятие в 2018 г. Собранием (Парламентом) Республики Северной Македонии Закона об использовании языков, согласно которому официальным языком на всей территории Республики Македонии и в ее международных отношениях является македонский язык. При этом вторым официальным языком (на котором говорят не менее 20% граждан) является албанский.

Справедливая представленность всех национальных меньшинств является частью политики «обусловленности» ЕС. Однако её результаты носят достаточно противоречивый характер. Политические элиты стран региона (в данном случае – Северной Македонии), выполняющие требования ЕС, не уделяют должного внимания правам государствообразующего народа. Национальная идентичность строится лишь на основании уважение прав всех национальных меньшинств в ущерб титульной нации. Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения, что это приводит сразу к двум проблемам: проявлению албанского национализма, и одновременно – ущемлению прав македонцев-славян ввиду требования ЕС об уважении прав национальных меньшинств вплоть до де-факто предоставления им больших преференций по отношению к титульной нации[123]. Таким образом, европейская политика формирования национальной идентичности основана на поддержке албанского национализма и чаяний албанцев по построению «Великой Албании». Данная стратегия грозит серьезными последствиями, поскольку

[122] Крапива М. Мультиэтничность как средство достижения целей…, С. 116.
[123] Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан / Е.Г. Энтина. – М.: ИЕ РАН , 2016. С. 75.

«подавить албанский национализм так, как Запад сумел сербский, не удастся – у албанцев нет имперского прошлого, а значит их невозможно обвинять в попытках реставрировать былую мощь. По негласным правилам современного западного общества, они – борцы за свои права»[124].

Внутренним отражением и следствием «политики европеизации» стал проект бывшего премьер-министра страны Н. Груевского «Скопье 2014», который «представил» Европу в рамках города Скопье (архитектура стиля неоклассицизма была противопоставлена серой и модернистской социалистической архитектуре, которая должна стать отражением не Европы). Исламское наследие, не входящее в европейскую цивилизационную рамку, было отодвинуто на второй план. Данный шаг также не сыграл в пользу укрепление межэтнических отношений внутри страны. Кроме того, в 2018 г. усугубилась внешняя компонента кризиса национальной идентичности в данной стране, обусловленная действиями ЕС. Для начала переговоров с официальным Брюсселем Македонии пришлось пойти на смену государственного наименования, подписав в 2018 г. Преспанское соглашение (непопулярное как внутри страны, так и в соседней Греции).

Европейский проект по построению наднациональной идентичности не учитывает этноконфессиональные особенности региона. Он в некоторых аспектах может быть и опасен для проживающих там наций.
В частности, европеизация в её нынешнем виде несет угрозу идентичности этносов, проживающих в БиГ. ЕС настаивает на проведении конституционной реформы, в основе которой лежит идея централизации Боснии и Герцеговины (построение унитарного государства), что неизменно приведет к потере национальных интересов боснийский сербов. Кроме того, повестка Брюсселя в ее нынешнем виде губительна и для идентичности бошняков-мусульман и связано это «с ограничениями по включению ислама в европейскую цивилизационную рамку»[125]. Российские исследователи также пишут о дестабилизирующей роли

[124] Там же.
[125] Малешевич А.В. Трансформация национальных идентичностей на постъюгославском пространстве в контексте процессов европеизации : диссертация ... кандидата политических наук : 5.5.2. / А.В. Малешевич. – М., 2023. С. 204.

внешнего влияния в этой стране и в контексте возможного создания гражданской идентичности[126].

В Северной Македонии основные усилия официального Брюсселя сконцентрированы на адресной поддержке т.н. национальных меньшинств, проживающих в стране, что ведет к ущемлению прав национального большинства.

Если рассматривать общие концепты ЕС по формированию идентичности в регионе, то «западнобалканская идентичность» – это искусственно созданная конструкция, выполняющая функцию изменения образа целого региона. Она является попыткой Запада изменить «другого», навязав свою цивилизационную рамку для реализации господства через постколониальный дискурс и «балканизм». Геополитическая конструкция Западных Балкан не может существовать как регион с общей идентичностью, искусственно смоделированный с набором заданных характеристик. Основная ее проблема в том, что она актуальна только на данный момент, пока государства, входящие в регион т.н. Западных Балкан, не входят в ЕС. Произойдет ли их автоматическая европеизация с вхождением в состав объединения – вопрос открытый. Если их не удается объединить в рамках абстрактной западнобалканской идентичности (сложно представить, чтобы житель одного из государств региона идентифицировал себя как «западнобалканец»), то вряд ли удастся это сделать в рамках европейской.

Европеизация на Западных Балканах постепенно заходит в тупик. Сложные бюрократические процедуры расходятся с объективной реальностью. Замедление процесса евроинтеграции обуславливается нарративом, что регион «не готов», «не достаточно реформирован» и имеет нерешенные проблемы, в том числе с правами национальных меньшинств (архаичные, присущие региону проблемы), что является отражением дискурса «балканизма» в XXI в. Акцент с политического видения Европы смещается в сторону к бесконечному контролю за соблюдением

[126] Попадьева Т.И. Формирование гражданской идентичности как фактор преодоления этнополитической конфликтности : на примере Боснии и Герцеговины и Северной Македонии: диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. / Т.И. Попадьева – М., 2022. С. 71.

технических критериев. Правящие элиты ЗБ стран активно используют данный дискурс в собственных целях. Задействуя риторику европеизации, они часто саботируют реальные реформы, ссылаясь на их сложность для балканских сообществ.

Основная причина такого несоответствия между представлениями ЕС и развитием внутренних процессов западнобалканских государств связана с тем, что ни одно из государств на Западных Балканах не является однородным в этническом отношении. Они представлены полиэтничными сообществами, где главным на повестке дня является вопрос межкультурного взаимодействия и мирного сосуществования. Процессы европеизации и транснационализации, которые разрушают основы национального государства как класса, приводят к дальнейшей дезинтеграции населяющих их наций. Ситуация усугубляется отсутствием общей европейской идеи как концепта, что делает процесс европеизации на Балканах более трудоемким. Процесс формирования европейской идентичности в странах региона основан на логике рационализма, а не конформизма. В основе их рационального подхода лежит национализм, который по-прежнему остается большой проблемой для ЕС, задерживающей процесс расширения, а также социальную трансформацию балканских государств. Вопрос национальной идентичности всегда стоял на повестке дня в регионе и до сих пор не потерял своей актуальности. Зачастую он противоречит подходам ЕС и вызывает напряженность в переговорах о вступлении.

В стратегии ЕС не уделяется должного внимания вопросам межэтнического общения. Европейские политики пытаются увести их на «второй план», ссылаясь на демократизацию как на надежный механизм их решения[127]. Демократизация при этом осуществляется в ущерб государствообразующим (титульным) нациям в году меньшинствам. ЕС преследует собственные геополитические интересы: пытается оказать влияние на нации, проживающие в балканских государствах посредством выделения донорской помощи и активной деятельности НПО с

[127] Крапива М.Е. Формирование европейской идентичности государств Западных Балкан в XXI веке..., С. 190.

целью приведения к власти лояльных европейскому курсу элит и распространения нормативной идеологии (прозападной ориентации, на отказ от национальных интересов в пользу наднациональной идеологии). Не в последнюю очередь это связано со стремление ЕС «к расширению сферы навязывания своим ближайшим соседям западных стандартов демократий и иных ценностей»[128] для обеспечения собственной безопасности границ. Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что европейский наднациональный проект по конструированию супранациональной идентичности носит сугубо политический характер – для отдаления наций, проживающих в регионе, от влияния других игроков в регионе (КНР, Российской Федерации и Турции). Регион рассматривается как буферная зона, которую нужно стабилизировать, но не обязательно интегрировать. Пока это удается сделать с переменным успехом. Однако западные авторы отмечают и некие позитивные тенденции, в частности, рассуждая в том ключе, что «хотя вступление в ЕС и не создало новые идентичности, оно укрепило идентификацию с Европой»[129].

Одним из конкурентов ЕС по оказанию влияния на регион (несмотря на декларируемый характер союзнических отношений) являются США. Политика США на Балканах является классическим примером проекта неоколониализма. Вашингтон был активно вовлечен в события, происходившие на Балканах в конце XX века. США принадлежала решающая роль в переформатировании политического пространства бывшей Югославии: демонтажа политических режимов СФРЮ и СРЮ с последующим распадом государств, создания квазигосударственных образований и закрепление за Балканами статуса зоны, которую необходимо защитить от китайского и российского влияния.

Они стали «архитекторами» Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине 1995 г., положившего конец кровопролитному конфликту, приняли

---

[128] Воробьев С.В. Исторические аспекты жизнеспособности интеграционной идеологии Европейского союза: балканский трек / С.В. Воробьев, Т.А. Закаурцева // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2020. – № 4 (841). – С. 183-196.

[129] Börzel T.A. When Europeanization Hits Limited Statehood: The Western Balkans as a Test Case for the Tranformative Power of Europe / T.A. Börzel // Cover: Working Paper KFG. The Transformative Power of Europe. – 2011. – P. 7.

активное участие в событиях, разворачивавшихся в автономное крае Косово и Метохия (Республика Сербия). Дейтонское соглашение фактически институционализировало концепт «третьего пространства» Х. Бхабхы в Боснии и Герцеговине. Созданная данным соглашением система привела к процессу постоянно ведущихся переговоров между энтитетами и государствообразующими народами.

Стратегия национальной безопасности США декларирует в отношении Западных Балкан готовность американской стороны «..оказывать содействие партнерам в укреплении демократических институтов, верховенства права и экономического роста»[130]. Еще одним элементом стратегии является «открытое разыгрывание карты национализма»[131], в первую очередь, албанского национализма. США пытаются управлять национализмом западнобалканских народов для решения собственных геополитических задач (оказывают поддержку бошнякам-мусульманам в их устремлениях унифицировать государственное устройство Боснии и Герцеговины, содействуют (в том числе финансово) албанской общине в Северной Македонии для расширения прав албанцев в этой стране). Стоит отметить тот факт, что «согласно господствующим на Западе представлениям, внешнее управление политическими элитами на Балканах исключает возврат к тому типу национализма, который был характерен для 1990-х гг.»[132]. В качестве позитивного рассматривается только национализм, навязанный и поддерживаемый извне. Например, албанский национализм в дискурсе американских политиков воспринимается позитивно (в отличие от сербского национализма). Данную тенденцию отмечают и балканские авторы, подчеркивая, что «участие во внутренних процессах в Боснии и Герцеговине и Северной

[130] National Security Strategy // The White House. – 12.10.2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (date of access: 24.12.2022).
[131] Энтина Е.Г. Незападные Балканы…, С. 492.
[132] Там же. С. 356.

Македонии позволяет американской дипломатии контролировать три ключевых национализма – албанский, сербский и хорватский»[133].

На данный момент в политико-военном аспекте основной стратегией воздействия на внутриполитические процессы является натоизация региона, которая приносит существенные результаты: Албания и Хорватия вступили в НАТО в 2009 году, а Черногория и Северная Македония присоединились к альянсу в 2017 г. и 2020 г. соответственно. Попыткой «оживить» присутствие США в регионе стала опубликованная в 2017 г. Атлантическим советом новая стратегия: «Балканы, вперед – новая американская стратегия для региона». Атлантический совет позиционирует её как инициативу по созданию «демократических, безопасных и процветающих Западных Балкан, прочно интегрированных в трансатлантическое сообщество». Отмечается, что заданный вектор работы будет направлен на активизацию участия США в регионе, содействуя более эффективному американо-европейскому лидерству, а также диалогу между ключевыми игроками в регионе, воспитывая новое поколения лиц, принимающих решения и экспертов[134]. В 2025 г. в Палате представителей Конгресса США рассмотрен законодательный акт о демократизации и процветании на Западных Балканах[135]. В этом документе, в частности, отмечено, что содействие стабильному и устойчивому экономическому росту и развитию в регионе отвечает интересам США и 7 стран Западных Балкан (к странам Западных Балкан в документе отнесена Хорватия). Это свидетельствует о сохранении интереса к ЗБ у американской политической элиты. Несколько пунктов посвящено присутствию НАТО в регионе и укреплению безопасности – отмечается необходимость усиления штаб-квартиры НАТО в Сараево. В данном

[133] Jovič D. Američka politika na Balkanu: motivi i interesi / D. Jovič // Pescanik. – 27.04.2010. [Electronic resource]. – URL: https://pescanik.net/americka-politika-na-balkanu-motivi-i-interesi/ (date of access: 12.09.2023).
[134] Atlantic Council. Balkans forward. – 07.11.2017. [Electronic resource]. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/content-series/balkans-forward-content-series/balkans-forward-2/ (date of access: 22.06.2023).
[135] Western Balkans Democracy and Prosperity Act // Congress.gov. – 09.10.2025. [Electronic resource]. – URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/5274/text (date of access: 22.03.2026).

законодательном Акте прослеживается тенденция на продолжение линии по усилению доминирования США в регионе, в том числе его дальнейшей «натоизации» с целью пресечения распространения влияния КНР и России.

Связано это с тем, что в основе официального дискурса США в отношении Западных Балкан заложена логика секьюритизации. Аргументационный уровень американского дискурса задействует топосы защиты демократии, внешних угроз, устойчивости и консолидации[136]. Саморепрезентация США представлена следующей позицией: США являются гарантом безопасности, демократии и стабильности региона, чья институциональная слабость может быть использована конкурентами за сферу влияния. При этом евроинтеграция и сохранение демократических институтов, а также противодействие внешнему влиянию идут в единой связке[137]. Население региона и политические институты государств рассматриваются не через призму единого цивилизационного кода, а как объекты защиты и стабилизации[138].

В отличие от дискурса ЕС, где превалирует нарратив «нормативной зрелости» (соответствия стран европейским стандартам), в дискурсе США превалирует логика противостояния, где дестабилизирующие факторы могут нанести урон всему евроатлантическому пространству, где Западным Балканам отведена своя роль[139]. Внешнее американское присутствие легитимируется через

---

[136] The Balkans: threats to peace and stability // Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and emerging threats of the committee on foreign affairs House of Representatives One hundred fifteenth Congress. – 17.05.2017. [Electronic resource]. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115hhrg25456/html/CHRG-115hhrg25456.htm (date of access: 22.11.2023); The Milosevic Regime Versus Serbian Democracy and Balkan Stability // Hearing Before The Commission On Security And Cooperation In Europe. One hundred fifth Congress. – 10.12.1998. [Electronic resource]. – URL: https://www.csce.gov/hearings/milosevic-regime-versus-serbian-democracy-and-balkan-stability/ (date of access: 22.06.2023).

[137] U.S. Commitment to the Western Balkans 2021 / U.S. Department of State. – 26.04.2021. [Electronic resource]. – URL: https://2021-2025.state.gov/u-s-commitment-to-the-western-balkans/ (date of access: 22.06.2023).

[138] The Balkans after the independence of Kosovo and on the eve of NATO enlargement: Testimony Before the House Committee on Foreign Affairs / U.S. Department of State. – 12.03.2008. [Electronic resource]. – URL: https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/102136.htm (date of access: 22.01.2024).

[139] Testimony on the Balkans before the House Foreign Affairs Committee, Subcommitee on Europe // U.S. Department of State. – 29.04.2015. [Electronic resource]. – URL: https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rm/2015/apr/241335.htm (date of access: 22.03.2025).

воспроизведение опасений о нестабильности[140]. В основе дискурса управления лежит дискурс о необходимости защиты[141].

При этом имеющийся ресурс влияния США в регионе обусловлен наследием интервенционистского подхода в конфликтах конца XX века. В схожем ключе действует текущая стратегия американского руководства – оказывать влияние преимущественно в политической сфере, с сильным акцентом на безопасность и миротворческие операции. Она дополняется деятельностью НПО, частных инвесторов, а также федерального Агентства по международному развитию (USAID), которые продвигают «демократические инициативы» и проекты по работе с гражданским обществом.

С момента обретения независимости Северной Македонией (в 1991 г.) США на регулярной основе оказывают ей финансовую помощь. «По линии Агентства по международному развитию (USAID)[142] выделено свыше 833 млн долларов для реализации проектов по развитию страны, в том числе Охридского рамочного соглашения, основная цель которого – построение мультиэтнической демократии в соответствии с американскими стандартами»[143]. Важно отметить, что программы USAID, направленные на «разрешение этнических противоречий» отвечают интересам этнических албанцев, проживающих в стране, что приводит к росту албанского национализма.

Во втором кейсе данного исследования была применена неоколониальная техника «фрагментации» государства, когда на территории регионов создаются

---

[140] Notice on the Continuation of the National Emergency with Respect to the Western Balkans // The White House. – 20.06.2025. [Electronic resource]. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202500708/html/DCPD-202500708.htm (date of access: 22.03.2026).

[141] US joins Bosnia in show of support on eve of planned celebration by Serb nationalists // The Guardian. – 09.01.2024. [Electronic resource]. – URL: https://www.theguardian.com/world/2024/jan/09/us-joins-bosnia-in-show-of-support-on-eve-planned-celebration-by-serb-nationalists (date of access: 10.07.2025).

[142] Здесь и далее: в 2012 г. деятельность Агентства США по международному развитию (USAID) была прекращена на территории РФ.

[143] Крапива М.Е. Мультиэтничность как средство достижения целей…, С. 119.

территориальные автономии[144]. Однако на данном этапе усилия Вашингтона направлены на принудительную централизацию Боснии и Герцеговины с использованием полномочий Высокого представителя для подчинения фрагментированной части (Республики Сербской) лояльным США политическим элитам бошняков-мусульман. На это направлена и основная деятельность Высокого представителя, который активно пытается продвинуть реформы по укреплению центральной власти в ущерб интересам отдельных энтитетов. Назначение К. Шмидта на данный пост по решению Руководящего комитета Совета по выполнению Дейтонских мирных соглашений без санкции Совета безопасности ООН стало нелегитимным шагом[145]. Кроме того, США через НАТО продолжают оказывать давление на внутриполитическую ситуацию в Боснии и Герцеговине. В ходе визита в Сараево в 2025 г. генеральный секретарь НАТО М. Рютте заявил следующее: «Это не 1992 год. Мы не допустим образования вакуума безопасности,… Политические лидеры должны взять ответственность и разрешить ситуацию»[146]. Рютте призвал политических лидеров страны разрешить ситуацию, связанную с приговором суда Боснии и Герцеговины президенту Республики Сербской М. Додику. В его выступлении идет отсылка к 1992 г., как к периоду нестабильности и опасности. НАТО в данном нарративе выступает в роли защитника, дающего внутренним силам возможность самим урегулировать ситуацию.

Давление США направлено на поглощение Республики Сербской мусульманским большинством, отказ от части национальных интересов страны (сербского, православного населения). Свое покровительство Федерации БиГ

---

[144] Новые формы неоколониализма. Политическое, военное и экономическое влияние США, Британии и Австралии на страны мира // ЦПК. – 15.02.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cpkr.ru/issledovaniya/rossiya-zapad/novye-formy-neokolonializma/ (дата обращения: 15.03.2024).

[145] Захарова: Россия не признает Шмидта высоким представителем по БиГ без санкции Совбеза ООН // ТАСС. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/13205371 (дата обращения: 13.05.2023).

[146] НАТО не допустит образования «вакуума безопасности» в Боснии и Герцеговине // ТАСС.– 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23353383 (дата обращения: 30.03.2026).

Боснии и Герцеговине Вашингтон выражает и в практических шагах. В 2024 г. два американских истребителя F-16 пролетели над БиГ в знак «поддержки целостности» этой балканской страны. Произошло данное событие в преддверии празднований в связи с годовщиной образования Республики Сербской в составе БиГ. Посольство США в Сараево опубликовало официальное заявление на данный счет: «Эти двусторонние учения являются примером современного сотрудничества вооруженных сил, которое вносит вклад в установление мира и безопасности на Западных Балканах, а также демонстрирует приверженность США обеспечению территориальной целостности Боснии и Герцеговины в условиях антидейтонской и сепаратистской деятельности»[147]. Данный факт сигнализирует о неприятии американской стороной сербского национализма, который они стараются нивелировать.

Агентство по международному развитию (USAID) действует в Боснии и Герцеговине с 1996 г. В ноябре 2017 года USAID запустил в стране программу по поддержке работы гражданских и политических деятелей для создания альтернатив «экстремистским голосам и влияниям». На сайте организации подчеркивается, что она тесно сотрудничает с боснийскими организациями гражданского общества, общественными лидерами и местными учреждениями для обмена общим опытом различных сообществ страны. Она также работает над предотвращением различных форм экстремизма в БиГ посредством усиления активности граждан (особенно в среде молодого населения)[148].

Об интересе США к нациестроительству в данных странах пишут и российские исследователи, особо отмечая тот факт, что в Конгрессе США с 2001 г. по н.в. проводятся слушания по македонскому вопросу и Боснии и Герцеговине. Связано это с тем, что эти «страны являются опорными точками в реализации

[147] US joins Bosnia in show of support on eve of planned celebration by Serb nationalists // The Guardian. – 09.01.2024. [Electronic resource]. – URL: https://www.theguardian.com/world/2024/jan/09/us-joins-bosnia-in-show-of-support-on-eve-planned-celebration-by-serb-nationalists (date of access: 10.07.2025).

[148] Bosnia and Herzegovina / USAID. – 2017-2021. [Electronic resource]. – URL: https://www.usaid.gov/stabilization-and-transitions/closed-programs/bosnia-and-herzegovina (date of access: 22.06.2023).

американской политики этнического примирения»[149]. Однако, как показывает практика, она служит скорее целям сепарации и поддержки отдельных этнических общин.

После окончания холодной войны США активно предпринимают попытки изменить свои отношения (провести ребрендинг) с мусульманским миром, представляя себя в роли защитника мусульман умеренного толка, проживающих на территории Боснии и Герцеговины и Северной Македонии. США, по их утверждению, не только спасли мусульман от вымирания в Восточной Европе, но также стали «единственной западной державой, которая признала устремления боснийцев и албанцев на членство в ЕС и право на существование в ЕС»[150]. Если рассматривать данный факт через теорию постколониализма, то США используют инструментализацию ислама для поддержки мусульманских общин с целью ослабления сербского влияния. Вытеснение православных христиан позволяет им создать лояльные режимы с опорой на исламское население. Российские исследователи при этом отмечают, что «США при желании способны оперативно нарастить присутствие и увеличить влияние, практически, во всех Балканских странах, включая имеющих сильные антизападные традиции..»[151], а для «перекодирования самых проблемных» (сербов) используются средства «психоисторической войны».

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что евроатлантические ценности по-прежнему чужды народам Западных Балкан, находящихся под серьезным влиянием православных и исламских традиций. При этом важно сопоставить дискурс ЕС и США в отношении стран региона. В то время как ЕС конструирует «европейскость» ЗБ преимущественно через нарративы реформ, стандартов и условий, США – через категории безопасности, защиты и устойчивости. В основе европейского дискурса лежит постколониальная логика

---

[149] Энтина Е.Г. Незападные Балканы…, С. 503.
[150] Esposito John L. Rethinking U.S. Foreign Policy and Islam after Kosovo / John L. Esposito, R. Vali // Georgetown Journal of International Affairs. – 2000. – vol. 1 (1). – P. 25.
[151] Пономарева Е.Г. США на Балканах: эволюция присутствия / Е.Г. Пономарева // Обозреватель-Observer. – 2025. – № 6. – С. 21-37.

нормативного наставничества, американского – логика секьюритизации. Логика партнерства в американском подходе дополнена вопросами безопасности.

2.2. Политика Турецкой Республики на Западных Балканах и использование инструментов «мягкой силы»

Турция является одним из активных внешних игроков на Западных Балканах. В основе её внешнеполитического курса лежит «неоосманизм» (использование наследия Османской империи для продвижения региональных интересов). Бывший посол Сербии в Турции и востоковед Д. Танаскович дает следующее определение данной идеологии: «Под неоосманизмом в целом подразумевается сложная макроидеологическая платформа, согласно которой современная Турция, как законная цивилизационная преемница Османской империи, должна подтвердить всё её духовное, культурное и политическое наследие, чтобы в текущем перераспределении мировой силы и влияния обеспечить себе роль одного из глобально значимых международных акторов»[152].

Российские исследователи придерживаются другой точки зрения: «..Турция далека от идей глобального господства в силу собственной ресурсной ограниченности. Предел и ближайшая стратегическая цель для Турецкой Республики – это восстановление главенствующего положения в регионах, примыкающих к территориальным границам государства, т.е. обретение статуса мультирегионального лидера. Следуя поставленной цели, руководство страны сформулировало и занялось продвижением доктрины, соответствующей этим замыслам. Доктрина предполагает восстановление могущества Турции времен Османской империи, отчего и получила условное название «неоосманизма»»[153]. Таким образом, Турция действует как постимперский актор, задействуя концепт «некрополитики памяти». Анкара пытается создать альтернативную версию

[152] Танасковић: Ништа ново о Турцима нисам научио, а што већ нисам научио читајући «Горски вијенац» // ИН4С. – 2013. [Electronic resource]. – URL: https://www.in4s.net/tanaskovic-turska-pomaze-sve-sto-je-protiv-srpskih-interesa/ (date of access: 22.06.2023).

[153] Лобанов К.Н. Западные Балканы как объект геополитического анализа современной ситуации в регионе / К.Н. Лобанов, В.В. Шахов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Том 12, № 4. – С. 60.

исторической памяти, где османское прошлое представляется в виде «золотого века» для региона.

Основы турецкой политики в отношении Западных Балкан на современном этапе были сформулированы бывшим главой внешнеполитического ведомства Турции А. Давутоглу, который на конференции «Османское наследие и балканские мусульманские общины сегодня» (г. Сараево, 2009 г.) в качестве одной из внешнеполитических целей своей страны назвал «установление порядка на Балканах». Особый смысл обретает и его комментарий относительно того, что «османские века на Балканах – это история успеха. И сейчас ее нужно повторить»[154]. Согласно позиции МИД Турецкой Республики, Балканы представляют интерес для страны «не только в ракурсе политических и экономических связей или их близкого географического положения, но и благодаря историческим, культурным и гуманитарным связям»[155]. Важно отметить, что турецкое внешнеполитическое ведомство причисляет Турцию к числу балканских государств, в том числе по причине компактного проживания турецкого населения в ряда балканских стран. Российские исследователи особо выделяют позицию турецкого МИД относительно наименования региона – «Западные Балканы не выделены в отдельный сектор, а фигурируют под общим наименованием «Балканы» наряду с Болгарией, Румынией, Словенией и Хорватией»[156]. В качестве одного из национальных интересов страна позиционирует защиту турецкого национального меньшинства на Западных Балканах. К примеру, в Северной Македонии и Боснии и Герцеговине этнические турки пользуются статусом национального меньшинства, защищенного либо

---

[154] Davutoğlu A. [Выступление на открытии конференции «Ottoman Legacy and Balkan Muslim Communities Today»] / A. Davutoğlu // Цит. по: Öktem K. Turkey’s Moment in the World: Davutoğlu and Neo-Ottomanism in Turkey’s Foreign Policy / K. Öktem // Modern Turkey and the Middle East / ed. by K. Öktem, N. K. Öktem, M. A. Reynolds. – Leiden: Leiden University Press, 2019. – P. 473–474.

[155] Relations with the Balkan Region / Republic of Turkiye Ministry of foreign affairs. [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.tr/relations-with-the-balkan-region.en.mfa (date of access: 22.06.2023).

[156] Пономарева Е.Г. Турецкое присутствие на Балканах: методы, точки опоры, ограничения / Е.С. Арляпова, Е.Г. Пономарева // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 18–41.

законом о меньшинствах, либо конституцией. Таким образом, Турция стремится сохранить право выступать в качестве защитника мусульман на Западных Балканах в противовес России, поддерживающей преимущественно тесные связи со славянским (православным) населением региона. Западные Балканы рассматриваются как часть «зоны влияния» Турции, в которой она стремится сдержать геополитических соперников. Особый интерес представляет текущий этап взаимодействия турецкой стороны со странами Западных Балкан (в период президентства Р.Т. Эрдогана), который определяется «особыми отношениями» турецкого лидера с руководством государств региона. Личные связи и взаимодействие в социально-гуманитарной сфере являются фундаментом современной политики Анкары в регионе. Они определяют и политическую «мимикрию» в регионе: лидеры албанцев и боснийских мусульман перенимают политическую риторику Турции. Например, бывший член Президиума Боснии и Герцеговины от боснийских мусульман Б. Изетбегович называл Турцию «гарантом стабильности».

Турецкий официальный дискурс характеризуется особой номинацией (что отличает его от других внешних акторов): в нём значительно чаще задействована категория «Балканы»[157], чем «Западные Балканы». Это позволяет Турции позиционировать себя в качестве культурно близкого участника, активно вовлеченного в региональные процессы. На лексическом уровне турецкий дискурс представлен такими маркерами как исторические связи, культурная и гуманитарная близость[158], всеобщая безопасность, экономическая интеграция, диалог и сохранение мультикультурного пространства. Важную роль играет также ссылка на турецкие меньшинства, родственные этнические сообщества и общий исторический опыт.

---

[157] Türkiye working for regional peace amid rising global uncertainty, never neglects Balkans: President Erdogan // Anadolu Agency. – 12.02.2026. [Electronic resource]. – URL: https://www.aa.com.tr/en/europe/turkiye-working-for-regional-peace-amid-rising-global-uncertainty-never-neglects-balkans-president-erdogan/3828386 (date of access: 11.03.2026).

[158] Relations with the Balkan Region...

В своей региональной политике Турция использует особый дискурсивный прием: позиционирует себя в качестве внешнего игрока, который для балканский наций внутренне близкий[159]. Она выражает поддержку суверенитету и территориальную целостность государств региона[160], но при этом претендует на «особые» отношения в данном историко-культурном пространстве[161]. В постколониальной интерпретации турецкий дискурс апеллирует к исторически легитимному региональному присутствию, в котором партнёрство сочетается с постимперскими амбициями на особую роль.

Интерес Турции к региону объясняется и тем, что она старается сохранять «рычаг давления» в отношениях с ЕС и НАТО (особенно на фоне того факта, что большинство западнобалканских государств стремятся стать государствами-членами данных объединений). Интересно в данном случае и противостояние по линии Турция – ЕС, так как Турецкая республика не является частью Союза и оказывает собственное (уникальное) влияние на внутреннее развитие западнобалканских государств. Можно привести следующий пример: ряд западных авторов пишут об «авторитарном стиле правления», который Турция может позиционировать для государств Западных Балкан как модель для подражания[162].

На Балканах турецкая сторона активно задействует ресурс «мягкой силы» (преимущественно через мусульманское население). В данном контексте можно говорить об инструментализации сферы культуры в регионе. Турция инвестирует значительные суммы денег в реконструкцию исламской инфраструктуры (мечети, образовательные и учебные заведения), реставрирует старые османские здания,

---

[159] Davutoğlu A. Zero Problems in a New Era / A. Davutoğlu // Minister of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. – 21.03.2013. [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.tr/zero-problems-in-a-new-era.en.mfa (date of access: 22.06.2023).

[160] Türkiye supports Bosnia's territorial integrity, Erdogan says // Türkiye Today. – 28.03.2026. [Electronic resource]. – URL: https://www.turkiyetoday.com/region/turkiye-supports-bosnias-territorial-integrity-erdogan-says-3217075 (date of access: 30.03.2026).

[161] Erdogan Hails Late Bosnian President as Muslims' Protector // Balkan Insight. – 20.10.2016. [Electronic resource]. – URL: https://balkaninsight.com/2016/10/20/erdogan-remembers-late-bosnian-president-10-20-2016/ (date of access: 20.10.2024).

[162] Rrustemi A. Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans / A. Rrustemi, R. de Wijk. – The Hague: Hague Centre for Strategic Studies, 2019. P. 130.

проводит каталогизации османских рукописей в библиотеках, организует государственные курсы по исламскому искусству и живописи, создает многочисленных турецкоязычные школы (для изучения Корана в сельской среде), университеты, исламские религиозно-культурные центры (один из крупнейших находится в северомакедонском муниципалитете (общине) Тетово)[163]. Для реализации данных проектов она ввела безвизовый режим для граждан стран Западных Балкан, а также предлагает стипендии для обучения в турецких вузах. Турецкие власти стремятся оказать влияние на балканские нации посредством активного вовлечения в сферу религиозных отношений. Исследования зарубежных авторов, проводящих интервью с албаноязычным населением, выявили попытки «сменить проекцию идентичности» путем изменения восприятия истории. В частности, происхождение албанского государства связывают с неким соглашением, заключенным в Турции. Отрицается албанское происхождение Матери Терезы, которую называют турчанкой[164]. Важным аспектом культурного влияния являются и географические топонимы – наиболее всего данный процесс распространен в Боснии и Герцеговине, где улицы переименовываются с сербских/югославских названий на османские. Это является примером турецкого влияния на идентичность жителей, проживающих на данных улицах. Данную тенденцию можно охарактеризовать как возвращение османского пространства в регионе.

Параллельным курсом Анкара продолжает развивать тесное сотрудничество со странами Западных Балкан, которые не имеют населения с мусульманским большинством (например, Сербия). В контексте данного исследования интересно провести параллель между распространением влияния среди исламского и неисламского населения стран-реципиентов турецкого влияния. Это приобретает особую актуальность и на фоне исторического контекста. Как отмечают российские исследователи, «период османского господства на Балканах лёг в

[163] Лобанов К.Н. Западные Балканы как объект геополитического анализа современной ситуации в регионе..., С. 62.
[164] Rrustemi A. Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans..., P. 145.

основу национального эпоса у немусульманских народов региона, став символом героической борьбы за независимость. Это определяет и те сложности, которые объективно возникают у турок в связи с любой активизацией их присутствия в регионе»[165].

Ряд исследователей выделяют ещё одним инструмент «мягкой силы» Турции – популярность её поп-культуры (особый интерес на данный момент вызывают турецкие телешоу и сериалы), где турецкий уклад и образ жизни представлен в нужном ракурсе. Однако полагаем, что фактор влияния турецкой массовой культуры сильно переоценен. Не меньшей популярностью у жителей Западных Балкан пользуются западные (американские и европейские) ток-шоу и сериалы.

Новый турецкий подход к региону Западных Балкан носит всеобъемлющий характер. Развитие политических и экономических связей со странами региона, включая Боснию и Герцеговину и Северную Македонию, является попыткой реализации более глобальной цели – укрепления собственного влияния в регионе. Оно осуществляется через комплекс мер социально-гуманитарной направленности, в частности, посредством воздействия на мусульманское население, защитником которого страна себя позиционирует. Религия используется в качестве инструмента по распространению пантюркистской и панисламской идеологии, которые лежат в основе новой турецкой политики «неоосманизма». Анкара позиционирует себя в качестве центра тюркоязычного мира, выполняя миссию по собиранию мусульманских народов. Потенциальными «клиентами» турецкого влияния являются примерно 5,5 млн мусульман, проживающих на территории Западных Балкан. Подавляющее большинство из них представлено в среде албанцев, бошняков и цыган[166]. В Боснии и Герцеговине

[165] Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан / Е.Г. Энтина. – М.: ИЕ РАН, 2016. С. 32.

[166] Muhasijović J. Turkey's faith-based diplomacy in the Balkans / J. Muhasijović // Rising Powers Quarterly. – 2018. – Vol. 3 (3). – P. 63.

и Северной Македонии создаются мусульманские анклавы, где происходит радикализация умонастроений и подпитываются идеи о «возрождении ислама»[167].

В основе турецкого влияния лежат исторические связи, берущие начало со времен Османского владычества. Особо заметно присутствие турок в Боснии и Герцеговине, где они во всех сферах поддерживают бошняков-мусульман. На ежегодной основе турецкое правительство выделяет для них стипендии для обучения в турецких вузах (около 170 в год). На территории БиГ также организована сеть частных турецких школ под названием «Босна сема», в рамках которой образовательные учреждения функционируют в ряде городов, включая столицу – Сараево. В 2008 г. при поддержке правительства Турции в Сараево (БиГ) был основан международный университет Берча (еще один университет открыт в пригороде Сараево - Илидже). «Развитая образовательная сеть является механизмом влияния на сознание бошняков-мусульман, внедрения турецких ценностей. Турки называют это направление гуманитарной политики заполнением «культурного вакуума» на Балканах и усиленно продвигают его с целью интеграции местной молодежи в собственную структуру образования и в последующем для увеличения числа будущих проводников турецкого влияния в регионе»[168].

Влияние президента Турции в стране всегда основывалось на его тесных личных связях с лидерами бошняков (бывшим президентом БиГ А. Изетбеговичем, его сыном Б. Изетбеговичем). Однако по мере того как отношения Эрдогана с западными странами ухудшались, а его политика все больше тяготела к восстановлению Турции как отдельной региональной державы, Турция стала укреплять свои связи с Сербией и Республикой Сербской. Это привело к разочарованию представителей боснийских мусульман. При этом турецкое влияние среди боснийских сербов носит ограниченный характер и сводится к экономическому сотрудничеству. Оно зависит от выполнения

[167] Лобанов К.Н. Западные Балканы как объект геополитического анализа…, С. 62.
[168] Там же. С. 63.

обещаний Эрдогана о крупных инвестициях в инфраструктуру и бизнес-проекты в БиГ и Сербии.

Интересен вектор турецкого влияния и во втором кейсе данного исследования. Турция последовательно поддерживала Северную Македонию с момента обретения ею независимости, в том числе в споре с Грецией о госнаименовании (на фоне напряженных отношений Греции и Турции). Это может говорить и о косвенном признании существования македонской (славянской) идентичности, хотя основной акцент в турецкой политике смещен в сторону исламизации региона, оказания поддержки албанской и турецкой этнической общине. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA) активно действует в Северной Македонии, где турецкое население является третьим по величине национальным меньшинством страны. Турецкое влияние в Северной Македонии усиливается и присутствием нескольких турецких СМИ, включая «Zaman Makedonya» («Время Македонии»), «Yeni Balkan» (Новые Балканы») и турецкого государственного агентства «Анадолу».

В столице Северной Македонии в 2006 г. при поддержке турецкой стороны открыт Международный балканский университет. В стране также действует крупнейшая турецкая школа на Балканах (открытая усилиями Турецкого агентства TIKA и турецкими общинами Северной Македонии), а также шесть средних школ им. Я. Кемаля и недавно открытая школа Маариф, финансируемая турецким правительством. Активность турецкого правительства в области образования свидетельствует о том, что предметом его влияния являются сознание и самоидентификация македонского населения, которые формируются на всех стадиях обучения (от среднего до высшего). Кроме того, у населения страны сильны этнические связи с Турцией – у многих македонских албанцев есть семьи и друзья в Турции, большая часть из них получили образование в Турции. Турция также финансирует восстановление мечетей в Северной Македонии – одним из таких примеров может служить восстановление мечети Али-паши XVI

века в Охриде[169]. Поддерживаются и традиционно хорошие отношения с небольшой группой македонских мусульман (торбешами).

В Северной Македонии действуют три этнические турецкие политические партии (Демократическая партия турок, Движение за турецкое национальное единство и Партия турецкого движения), которые продвигают турецкую повестку и поддерживают культурную экспансию в Северную Македонию. Влияние Турции также связано с созданием в 2014 г. правоцентристской этнической албанской политической партии «Беса» («Верность»). Несмотря на то, что руководство партии «Беса» отрицает прямые связи[170] (согласно неофициальной информации финансируется напрямую турецким правительством), она следует в фарватере официального курса Анкары, отстаивая тезис, что ислам является неотъемлемой частью национальной идентичности албанского сообщества. Анкара использует свои связи среди мусульманского населения для распространения турецкого влияния в рамках стратегии неоосманизации.

Российские исследователи пишут о риске распространения Турцией «не свойственных и опасных для Европы ценностей радикального ислама»[171]. Особо отмечается, что «тренд на исламизацию, закрепившийся во внутренней политике Турции несколько лет назад, стал экстраполироваться на внешнюю»[172]. В схожем ключе рассуждают и балканские авторы, отмечая, что Турция «поддерживает исключительно интересы боснийских мусульман» и что «её конечная цель – создать в Боснии и Герцеговине исламское государство на Балканах»[173]. Ряд

---

[169] Turkey Completes Restoration of Ohrid's Ali Pasha Mosque // Daily Sabah. – 26.11.2019. [Electronic resource]. – URL: https://www.dailysabah.com/history/2019/11/26/turkey-completes-restoration-of-ohrids-ali-pasha-mosque (date of access: 12.07.2023).

[170] Activities of the Muslim brotherhood – final report: North Macedonia, Bosnia and Herzegovina, & conclusions for the region / CEE. [Electronic resource]. – URL: https://www.globsec.org/sites/default/files/2020-12/CEE-activities-of-the MuslimBrotherhoodFinalReport1.pdf__cf_chl_tk=xoFrbcHKymca6AU7VK4P13pGM_arb8bbJOJmkGef09U-1724264990-0.0.1.1-5332 (date of access: 10.06.2024).

[171] Аватков В.А. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. / В.А. Аватков, А.И. Сбитнева // Свободная мысль. – 2020. – № 2. – С. 128.

[172] Там же.

[173] Turkish Foreign Policy in the Balkans and «Neo-Ottomanism»: A Personal Account // Insight Turkey. – 2011. – Vol. 13 (3). [Electronic resource]. – URL:

исследователей особо подчеркивают, что Турция «решительно поддерживала боснийских мусульман» (босняков) в войнах 1990-х годов, занимая ярко выраженную антисербскую позицию» в соответствии с логикой неоосманизма»[174]. Усилению напряженности способствуют и «особые отношения» с мусульманскими элитами БиГ (защита и покровительство мусульманских общин). Турция, декларируя свои намерения о готовности защищать интересы бошняков-мусульман и албанцев в регионе, вызывает негативную реакцию у немусульманского населения региона.

С другой стороны, «сводить турецкое влияние и в целом турецкую политику лишь к этнорелигиозному фактору и историческим контекстам было бы неправильно»[175]. Турецкая сторона пытается реконструировать свой образ с целью привлечения как мусульманской, так и немусульманской элиты государств Западных Балкан, предлагая широкий спектр для сотрудничества на основе доверительных отношений. Позитивным моментом турецкого влияния в регионе в отличие от ЕС является отсутствие разделения по линии «свой-чужой». Анкара не выделяет страны в отдельный регион Западных Балкан, а рассматривает их как часть общих Балкан. Специалисты отмечают наличие у Турции широкой институциональной базы влияния в регионе (процесс сотрудничества стран Юго-Восточной Европы (ПСЮВЕ) и Совет регионального сотрудничества[176]). Важно отметить, что основными реципиентами турецкого влияния являются мусульмане, которых турецкая сторона использует для усиления своего присутствия в регионе. Следовательно попытка своеобразного «ребрендинга» образа Османской империи не имеет особых предпосылок на успех, так как идентичность большинства христианских государств Западных Балкан была сформирована на идеологии отделения от Османской империи. Современные сербы и македонцы не откажутся от части собственной идентичности (в их мифотворчестве и самовосприятии

---

https://www.insightturkey.com/commentaries/turkish-foreign-policy-in-the-balkans-and-neo-ottomanism-a-personal-account (date of access: 12.03.2024).

[174] Tanasković D. Neoosmanizam. Povratak Turske na Balkan [Neo-Ottomanism. Turkey's Return to the Balkans] / D. Tanasković. – Belgrade: JP Službeni glasnik. – 2010. – S.109.

[175] Энтина Е.Г. Незападные Балканы…, С. 503.

[176] Пономарева Е.Г. Турецкое присутствие на Балканах…, С. 28.

важным аспектом остается борьба за независимость) в пользу неоосманской. Образ защитника балканских мусульман, которые появились столетия назад посредством полунасильственной исламизации (отчасти колониального подхода) также не способствует укреплению имиджа турецкой стороны. Несмотря на то, что турецкое правительство прилагает много усилий для смягчения данных негативных тенденций, риторика мусульманской солидарности играет негативную роль и не приносит ему дополнительных преимуществ в контексте формирования национального самосознания народов Боснии и Герцеговины и Северной Македонии. «В итоге Анкара не сумела убедить общественность Западных Балкан ни в своем универсальном подходе к региону, ни в своей беспристрастности»[177]. В качестве примера негативного влияния риторики мусульманской солидарности на восприятие Турции в регионе можно привести дипломатический скандал 2013 г. В ходе своего визита в автономный край Косово и Метохия премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган заявил, что «Косово – это Турция, а Турция – это Косово», у Косово и турецкого народа общая история и цивилизация, «языки, религия, лица могут быть разными», но все мы «дети одной земли». Когда приезжаю в Косово, чувствую себя как дома. Турция была среди первых стран, признавших независимость Косово, и мы продолжим помогать Косово», – приводит слова Эрдогана агентство АТА[178]. МИД Сербии в ответ потребовал немедленных извинений от турецкого премьер-министра. В основе турецкого нарратива лежит повествование, что Турция на Балканах "не чужая", а регион для нее является зоной исторически обусловленных интересов, где границы не имеют значения. В сербском дискурсе Косово – колыбель православного мира и часть сербской идентичности. Эрдоган своими высказываниями перечеркнул сербский национальный дискурс и поместил

[177] Пономарева Е.Г. Турецкое присутствие на Балканах…, С. 36.
[178] Дипломатический скандал: Сербия требует немедленных извинений от турецкого премьер-министра // RuSerbia.com. – 25.10.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruserbia.com/politika/diplomaticheskij-skandal-serbiya-trebuet-nemedlennykh-izvinenij-ot-turetskogo-premer-ministra/ (дата обращения: 30.03.2026).

Косово в контекст исламской цивилизации. Подобный конфликт дискурсивных практик негативно сказывается на турецком имидже.

Как пишет теоретик постколониализма Х. Бхабха, колониальные отношения основаны на двойственности (амбивалентности), которая в полной мере отражает отношение населения Западных Балкан к Турции – балканские народы одновременно принимают и отталкивают её. Таким образом, они заимствуют её элементы, интегрируя в собственное «третье пространство», где местные идентичности балансируют между европейскими, неоосманскими нарративами и собственным национальным суверенитетом, но не становятся её копией.

2.3. Политика Китайской Народной Республики на Западных Балканах

Влияния Китая на регион имеет исторические предпосылки благодаря его «особым» отношениям с Албанией и СФРЮ (Югославией). В частности, до конца 70-х гг. XX века активно развивались отношения между маоистским Китаем и коммунистической Албанией Э. Ходжы. После распада Югославии крепкие связи установились с Сербией С. Милошевича. Если брать общий нарратив, то в своем повествовании Пекин стремится подчеркнуть общее социалистическое прошлое в отношении Западных Балкан, используя существование посткоммунистической ностальгии на Балканах. Это дает ему возможность оперировать такими понятиями политики памяти как «традиционная дружба» и «общее прошлое».

Китайский дискурс в отношении региона отличает стремление уйти от регионализации Западных Балкан. В официальных и аналитических документах акцент сфокусирован скорее на двусторонних отношениях[179] (конкретные проекты и партнерские отношения) через призму инициативы «Один пояс, один путь», а также формата Китай – Центральная и Восточная Европа[180]. На

[179] The Relation between China, North Macedonia and Serbia in the changing geopolitical context / China-SEE Institute. – Budapest, 2021. – 163 p.; Bosnia and Herzegovina external relations briefing: Departure of Al Jazeera Balkans, the biggest Qatar investment in BiH / China-SEE Institute. – Budapest, 2025. – Vol. 7, No. 4 (BH). – 9 p.

[180] How Bosnia perceives Belt and Road Initiative / China-SEE Institute. – Budapest, 2021. – 209 p.

лексическом уровне доминируют маркеры взаимной выгоды, стратегического партнёрства, связности, развития, инфраструктуры, суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела[181].

Китай позиционирует себя как прагматичного партнёра, избегающего идеологических и политических установок. Стратегия номинации выражена в том, что в китайском дискурсе балканские страны обозначаются как «партнеры», «друзья» и «страны Центральной и Восточной Европы». Предикативный уровень представлен приписыванием им характеристик нуждающихся в развитии и инвестициях. Аргументационная стратегия построена на топосах взаимной выгоды, суверенитета, исторической дружбы[182] и общего будущего[183].

С точки зрения постколониальной интерпретации дискурс невмешательства официального Пекина не устраняет асимметрию власти, а переводит её в сферу логистической, кредитной и проектной зависимости. Тем самым китайский дискурс выступает альтернативой западному наставничеству и направлен на легитимацию экономического и политического присутствия Китая в регионе.

В XXI в. политическое влияние Китая на Западных Балканах во многом связано с его экономическими интересами в регионе: видное место занимает инициатива «Один пояс, один путь». Несмотря на то, что прямые иностранные инвестиции Китая остаются довольно низкими в регионе (примерно 3%), его экономическое присутствие сильно за счет кредитов. Ряд исследователей характеризуют политику КНР в отношении западнобалканского региона как «дипломатию долговой ловушки», которую он использует для подчинения себе

---

[181] МИД КНР заявил о необходимости избегать роста напряженности на Западных Балканах // ТАСС. – 31.05.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17887671 (дата обращения: 30.05.2024); Ли Чжаньшу встретился с председателем Собрания Северной Македонии // ИА Синьхуа. – 17.06.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/asia/42354151-lichzhanshu-vstretilsya-s-predsedatelem-sobraniya-severnoy-makedonii/ (дата обращения: 17.06.2023).

[182] Xi says he enjoys Yugoslav films, songs when young // People's daily online. – 09.05.2024. [Electronic resource]. – URL: https://en.people.cn/n3/2024/0509/c90000-20166863.html (date of access: 10.05.2025).

[183] «Сербия – это особенное место»: глава МИД Китая пообещал Белграду поддержку // Новый день. – 28.10.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://newdaynews.ru/balkans/740508.html (дата обращения: 28.02.2023).

других стран[184]. В частности, по состоянию на 2018 г. Северная Македония была обязана 20% своего государственного займа Китаю, а Босния и Герцеговина – 14 %. При этом у правительств стран Западных Балкан нет определенной стратегии по погашению данного долга. Например, в Черногории рост долга перед Китаем вызвал активные дебаты в политическом руководстве страны, усилив дискурс о «новом колониализме». В марте 2021 г. заместитель премьер-министра Черногории Д. Абазович обратился в Брюсселе к депутатам Европарламента за помощью, заявив, что Китай оказывает влияние на его страну через ссуду на строительство участка автомагистрали. «Китай и Россия, в контексте их влияния, представляют большую проблему. У нас есть кредит (с Китаем) на сумму в 1 млрд евро. Помогите нам, пожалуйста, вернуть эти деньги, обменять этот кредит на заем в европейском банке, установить сотрудничество с европейским финансовым учреждением и покончить с китайским влиянием»[185].

Таким образом, страны региона, которые остро нуждаются в инвестициях, де-факто подпадают под влияние официального Пекина. Кроме того, как отмечают российские исследователи, «важнейшей задачей инициативы «Пояс и путь» является наращивание «мягкой силы» собственно КНР, создание нарратива цивилизационно-исторический общности Китая и стран, через которые и куда пролегает маршрут»[186]. Можно сделать вывод о том, что не стоит сводить китайское влияние исключительно к экономической компоненте, в нем сильна и идеологическая составляющая. Особенно она ощущается в распространении на Балканах китайских общин, которые вовсе не стремятся ассимилироваться в рамках национальных культур и традиций народов, населяющих данный регион, а передают часть своей восточной идентичности. Важным аспектом является и то, что нарративом о «Новом шелковом пути» Пекину «действительно удалось пробудить геоэкономическое воображение как внутренних сил, связанных с

[184] Rrustemi A. Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans…, P. 89.
[185] Montenegro could fall prey to Chinese debt // The Geopost. – 2021. [Electronic resource]. – URL: https://thegeopost.com/en/analysis/china-wants-to-strengthen-its-position-in-montenegro-through-investments/ (date of access: 10.05.2024).
[186] Энтина Е.Г. Незападные Балканы…, С. 561.

сотрудничеством с Китаем, так и лиц, не входящих в инсайдерские круги. Идея воспользоваться географическим положением Западных Балкан и превратить их структурные недостатки в преимущества вдохновила многих в регионе»[187].

Ряд исследователей при этом полагают, что не стоит переоценивать влияние и роль КНР на Западных Балканах, хотя оно и гораздо сильнее, чем в какой-либо другой исторический период. Китай не ставит цель по экспорту собственной идеологии, однако его «экономическая экспансия сопровождается (и поощряется) внутренней моделью деловых отношений, основанной на балансе между государственными и рыночными силами, что резко контрастирует с реформами управления, продвигаемыми ЕС»[188]. Ярким примером может послужить стратегия Пекина под названием «12 мер для поощрения дружественного сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы»[189]. Как отмечают отечественные специалисты, уникальность данных мер заключается, в том числе и в «стратегическом планировании проникновения и закрепления на юго-восточном форпосте Европы»[190]. Результатом этой политики стал тот факт, что сербские власти (Белград) рассматривают китайские инвестиции в качестве альтернативы монополии ЕС в этой сфере, формируя нарратив: «Китай – надежный партнер без политических условий».

Автор концепции «мягкой силы» Дж. Най утверждал, что «привлекательность национальной культуры, политических ценностей и внешней политики будет оказывать большее влияние на взаимодействие с другими странами, чем количество баллистических ракет в ее распоряжении»[191]. Он

---

[187] Chrzova B. Western Balkans at the Crossroads: assessing influences of nonwestern external actors / B. Chrzova, J. Lalic. – Prague: Prague Security Studies Institute, 2019. P. 46.

[188] Makocki M. Balkan Corruption: The China Connection / M. Makocki, Z. Nechev // ISS. – 2017. [Electronic resource]. – URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Alert%2022%20Balkans.pdf (date of access: 10.05.2023).

[189] 12 мер КНР для поощрения дружественного сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы) / Центральное правительство КНР. – 26.04.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/ldhd/2012-04/26/content_2124352.html (дата обращения: 22.06.2023).

[190] Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса…, С. 157.

[191] Nye J.S., Jr. Soft power / J.S. Nye, Jr. // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 154.

считал, что «мягкую силу» следует рассматривать не в отрыве от «жесткой» военной или экономической мощи, а как дополнительный инструментарий, подчеркивающий важность сотрудничества и убеждения, а не принуждения в отношениях между государствами.

У Китая нет близких культурных связей с Западными Балканами, обусловленных общностью истории, географии, религии и языка. Тем не менее, стоит отметить усилия, прилагаемые китайской стороной по продвижению китайской культуры в регионе. В основном они реализуются через деятельность Института Конфуция, который играет ключевую роль в проецировании китайской «мягкой силы» в глобальном масштабе.

Кейс китайского влияния в Боснии и Герцеговине очень специфичен, так как Пекин использует здесь двухсторонний подход, который разнится в зависимости от взаимодействия с разными энтитетами (Федерацией БиГ и Республикой Сербской). Наиболее важными инструментами, которые Пекин использует в БиГ, являются культура и экономическое сотрудничество. Китай пытается применить здесь ряд инструментов «мягкой силы». Прежде всего, это сотрудничество в сфере взаимодействия академических и образовательных учреждений. Представительства института Конфуция в настоящее время (с 2014 г.) функционируют при столичном университете г. Сараево и с 2017 г. – при университете г. Баня-Лука (столица Республики Сербской). Необходимо отметить, что наибольшей активностью отличается институт в Баня-Луке, где проходят онлайн-лекции о китайской культуре, профессорско-преподавательский состав на регулярной основе посещает Китай, а для студентов организовываются выезды в летний лагерь, где изучается китайский литературный язык (мандарин). Свою роль здесь играют особые связи китайской стороны с сербским населением.

Китай поддерживает Сербию в вопросе территориальной целостности (принадлежности автономного края Косово и Метохия), последовательно выступая против признания его независимости на международных площадках, в том числе в ООН. В самой Сербии Китай поддерживает нарратив о «борьбе против сепаратизма» (проводятся параллели между косовским и тайваньским

вопросами). В Сербии и Республике Сербской (Босния и Герцеговина) формируется образ Китая как «защитника суверенитета» от неоколониальных попыток Запада. Китай становится частью антизападного нарратива, подпитывая идеи «многовекторности» и сопротивления ЕС и НАТО.

Планомерно развивается сотрудничество и в сфере НПО: в БиГ действуют две некоммерческие организации, продвигающие китайские подходы – аналитический центр «Пояс и путь» и ассоциация боснийско-китайской дружбы. Однако, несмотря на широкий спектр используемых инструментов «мягкой силы» и в целом позитивный имидж внутри страны, Китай не смог повлиять на восприятие общественности и занять доминирующие позиции. Согласно опросам общественного мнения, Пекин не имеет такого авторитета, как США, Турция и ФРГ, хотя он положительно воспринимается большинством респондентов (наибольшей популярностью он пользуется среди этнических сербов). По результатам анкетирования 2022 г. 52% граждан Боснии и Герцеговины положительно относятся к Китаю. Аналогичный показатель был зафиксирован в 2020 г. Они также отражают тенденцию на этническое разделение внутри общества: в то время как 79% боснийских сербов относятся положительно к КНР, только 40% мусульман и 42% хорватов придерживаются схожей точки зрения. Негативно к Пекину относятся 38% респондентов в Боснии и Герцеговине (37% было зафиксировано в 2020 году). По сравнению с другими западнобалканскими странами доля положительных ответов ниже соответствующих показателей в Северной Македонии (60%), Черногории (79%) и Сербии (84%)[192]. Данная ситуация является результатом политики Китая на международной арене, где он последовательно поддерживает Республику Сербскую (воздерживался от голосования по резолюциям ООН по геноциду в Сребренице или голосовал против). Кроме того, Пекин не признает Высокого представителя в Боснии и Герцеговине К. Шмидта. Это вписывается в общие

[192] Tonchev P. China's hidden influence in Southeast Europe / P. Tonchev, M. Petkova // Friedrich-Naumann-Stiftung fur die Freiheit. – 2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.freiheit.org/sites/default/files/2023-01/2022-fnf-policy-paper-hidden-influence-final.pdf (date of access: 02.06.2025).

тенденции рассмотрения китайского присутствия и политики в регионе через призму дихотомии «Китай как возможность» или «Китай как угроза»[193].

В Северной Македонии также функционирует институт Конфуция при столичном университете им. Свв. Кирилла и Мефодия. Учебная программа и материалы, разработанные китайским правительством, отражают официальную позицию КПК. Общее количество студентов первого года обучения (2013 г.) составило 60 человек и увеличилось до 562 человек в 2021 г. Институт периодически организует «круглые столы» и научные конференции, где рассматриваются доклады о китайско-македонском сотрудничестве в различных областях, предоставляя Китаю возможность получить важные данные для анализа, которые впоследствии помогают оказывать влияние на академические публикации, связанные с Китаем. Министерство торговли Китая и Институт Конфуция предлагают дополнительные возможности для обучения или путешествий по Китаю. Одной из них является программа развития человеческих ресурсов в рамках двустороннего сотрудничества, курируемая Секретариатом по европейским делам при правительстве Северной Македонии. Программа преимущественно направлена на государственных служащих, однако Китай также посещают редакторы, журналисты, представители бизнеса и научного сообщества. Некоторые из бенефициаров продолжают занимать руководящие посты (2 члена парламента, избранные в 2020 году)[194].

Данный шаг позволяет добиться того, что бизнес-элиты и политики, связанные с китайскими инвестициями, лоббируют прокитайские нарративы. Согласно опросу, проведенному в 2021 г. в Северной Македонии исследовательским центром Международного республиканского института

---

[193] Энтина Е.Г. Незападные Балканы…, С. 560.

[194] Krstinovska A. Understanding the tools, narratives and impact of China's «soft power» in North Macedonia / A. Krstinovska // Konrad Adenauer Stiftung Skopje. – 2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.kas.de/en/web/nordmazedonien/single-title/-/content/understanding-the-tools-narratives-and-impact-of-china-s-soft-power-in-north-macedonia-1 (date of access: 19.06.2025).

(IRI)[195], влияние Китая в стране растет. По вопросу внешней политики 64% граждан Северной Македонии придерживаются позиции, что прочные отношения с Китаем наилучшим образом отвечают их интересам (фиксируется увеличение данного показателя на 11 % по сравнению с 2020 г.).

Одним из ключевых элементов стратегического влияния Китая на Северную Македонию является китайская культура. Китайские артисты периодически посещают фестивали и другие культурные мероприятия: выступления певцов и танцоров, фортепианные концерты, театральные постановки. Развиваются побратимские связи между китайскими и северомакедонскими городами (например, Скопье и Наньчан, Битола и Нинбо и т. д.). Вектор китайского гуманитарного влияния распространяется и на сферу литературы: в последние годы увеличилось число переводов китайских книг на македонский язык. В Северной Македонии было опубликовано в общей сложности 90 китайских произведений, при этом 50 из них – с начала 2018 года (примечательно, что половина из них - детские книги)[196]. Кроме того, в 2021 г. при поддержке посольства КНР в Северной Македонии была опубликована книга под названием: «Цифровая трансформация: будущее», в которой Китай представлен как мировой цифровой лидер и пример для подражания для Северной Македонии.

Китайские инвестиции в Северной Македонии создают раскол между прозападными силами и группами, ищущими альтернативу ЕС. Общий объем инвестиций Китая в Северную Македонию с 2013 года составляет 650 миллионов евро. Китайские компании в настоящее время работают над строительством двух автомагистралей: участка Миладиновичи-Штип в восточной части страны и участка Кичево-Охрид на западе. Северная Македония очень важна в контексте

[195] IRI poll: Russian and Chinese influence in North Macedonia increased // The Geopost. – 2022. [Electronic resource]. – URL: https://thegeopost.com/en/news/iri-poll-russian-and-chinese-influence-in-north-macedonia-increased/ (date of access: 02.06.2025).

[196] Креативно пишување или креативна политика? Кинеската литература се повеке се преведува во Македонија // fakulteti.mk. – 04.06.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fakulteti.mk/news/04062022/kreativno-pishuvanje-ili-kreativna-politika-kineskata-literatura-se-povekje-se-preveduva-vo-makedonija (дата обращения: 20.06.2025).

китайской стратегии, поскольку она находится на важнейшем маршруте, соединяющем Грецию и Венгрию.

Китай также стал более активным в реализации совместных исследовательских проектов. На данный момент Северная Македония имеет с Пекином больше двусторонних проектов, чем с любой другой страной мира (40). Проекты финансируются в рамках программы двустороннего сотрудничества, основанной на Меморандуме о совместном проектном финансировании, исследованиях и разработках, подписанном министерствами образования двух стран. Сельское хозяйство, информационные технологии, нанотехнологии и сейсмостойкое строительство являются одними из приоритетных направлений. Кроме того, филиал Китайской академии социальных наук (КАСН) – Институт Китая и Центральной и Восточной Европы выделяет средства на совместные исследовательские проекты в области социальных наук. Результатом сотрудничества между Македонской академией наук и искусств и КАСН стала организация в Скопье в 2018 г. V симпозиума аналитических центров Китая и Центральной и Восточной Европы.

Китай также пытается использовать регион в качестве инструмента для влияния на принятия решений внутри ЕС. Это проявляется, в первую очередь, в форме инициатив, направленных на оказание давления на страны Западных Балкан для проведения ими благоприятной политики по отношению к Китаю, что позволяет Пекину получить поддержку по вопросам стратегического значения (территориальные споры в Южно-Китайском море). Наиболее вероятное развитие событий, что китайское влияние будет использовано для получения дипломатической поддержки, а не для оказания воздействия на процессы формирования национальной идентичности. Китайские инвестиции не связаны с попытками обеспечить идеологическую легитимность. Главное отличие европейского влияния на Западные Балканы от китайского заключается в том, что проекты, финансируемые Китаем, обычно представляют собой социальную и транспортную инфраструктуру и оборудование (школы, автомагистрали и медицинское оборудование), тогда как Европа фокусирует свое внимание на

ресурсе «мягкого воздействия» на общественное сознание и политических реформах. Ряд ученых полагают, что стратегию китайского «проникновения» в регион можно рассматривать как дополнение к стратегии ЕС через инвестиции, в которых остро нуждаются западнобалканские государства. Здесь важно понимание того, что «КНР не разделяет европейскую часть Евразии на более мелкие политико-географические зоны... все они – и «старожилы» ЕС и страны бывшей Югославии, которые являются только кандидатами на вступление, – в его глазах принадлежат к единой европейской цивилизации»[197].

Однако не стоит недооценивать данный фактор, так как в будущем он, наряду с усилиями в гуманитарной сфере по продвижению китайского культуры и видения мирополитической ситуации, может стать мощным ресурсом политического и идеологического влияния. Балканисты отмечают, что «Китай, как обычно, ведет долгую игру... тактические шаги Пекина подчинены одной стратегической цели – использовать Западные Балканы в качестве точки входа на европейский рынок и попытаться закрепиться в политическом пространстве стран региона, эксплуатируя их слабое управление»[198]. Его экономическая направленность, а также политический и идеологический прагматизм позволили Китаю избежать активного вовлечения в конфликты и этнополитические противоречия балканских стран, что дискредитировало позиции некоторых других внешних игроков. В официальном дискурсе Пекина преобладают призывы к равенству и взаимовыгодному экономическому сотрудничеству. Китай является одной из стран, которая имеет наибольший потенциал для дальнейшей экспансии в БиГ и Северной Македонии, а также остальных странах региона в случае неудачи проекта ЕС по интеграции Западных Балкан.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: Пекин проявляет интерес к странам Западных Балкан в рамках своей глобальной инициативы «Один пояс, один путь». Однако влияние Китая на формирование идентичности в

[197] Энтина Е.Г. Незападные Балканы…, С. 578.
[198] Пономарева Е.Г. Балканское дыхание Пекина (Стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан) / Е.Г. Пономарева, Д.Д. Крыканов // Полития. – 2020. – № 1(96). – С. 117-137.

этом регионе пока не так значительно по сравнению с другими внешними акторами. КНР позиционирует себя в качестве защитника интересов малых и средних стран (Балканы), борясь с гегемонией Запада. Основные постулаты данного подхода: принцип невмешательства во внутренние дела, защита суверенитета, дипломатическая и экономическая поддержка, а также продвижение концепта многополярного мира. Имеются и определенные противоречия в его политическом курсе: критикуя западный неоколониализм, Китай вводит западнобалканские государства в экономическую зависимость.

В китайском дискурсе Западные Балканы не являются местом для распространения цивилизационных и идеологических установок, они – площадка для развития и взаимовыгодного сотрудничества. Экономическое сотрудничество и культурные обмены между Китаем и странами Западных Балкан способствуют формированию позитивных представлений о Китае и его ценностях у местного населения (подтверждается опросами общественного мнения). В частности, формируется восприятие Китая как важного экономического партнёра, источника инвестиций и технологий, а также (неколониального) агента по распространению культурного влияния через обмен студентами и культурными мероприятиями.

2.4. Политика Российской Федерации в странах Западных Балкан

Регион Западных Балкан в целом крайне важен для России, в том числе, из-за своего геостратегического положения между Черным и Адриатическим морями и вблизи Ближнего Востока. Кроме того, Россия обладает серьезным потенциалом влиять на политику идентичности на Западных Балканах посредством межцерковного диалога, ресурсов «мягкой силы» и позитивного имиджа страны в сознании балканских народов.

В 1990-е годы влияние России в этом регионе было незначительным, поскольку здесь доминировали НАТО и США. После распада СФРЮ Россия практически не участвовала в урегулировании балканских проблем. Это объяснялось необходимостью задействовать все ресурсы для решения внутренних

политических и экономических проблем. Внешняя политика страны данного периода характеризовалась направленностью на сотрудничество с США и западными странами. Серьезный пересмотр данного подхода произошел в ходе Косовского конфликта 1998-1999 гг. Бомбардировки СРЮ силами НАТО вызвали негативную реакцию в России, которая пришла на помощь Сербии в ходе урегулирования данного вооруженного противостояния. Контингент российских миротворцев, дислоцированный в Боснии и Герцеговине, совершил марш-бросок на Приштину, что стало демонстрацией готовности России противодействовать политике США и НАТО на Балканах, имеющей открытый антисербский характер. Важно отметить, что Россия была не единственным государством, выразившим поддержку сербскому народу. Исторический визит в Белград в период бомбардировок НАТО совершил президент Белоруссии А.Г. Лукашенко[199].

Однако Россия не стала активно наращивать свое влияние после активной поддержки сербского народа, что характеризует её политику и присутствие на Балканах. В ходе переговорного процесса по прекращению бомбардировок Югославии Россия оказывала давление на президента СРЮ С. Милошевича. Как отмечает в своих мемуарах переговорщик с российской стороны В.С. Черномырдин (действовал в координации с президентом Финляндии М. Ахтисаари), он должен был «осуждать агрессию, соблюдать Устав ООН, международное право, добиваться территориальной целостности Югославии, широкой автономии для Косова»[200]. В своей книге автор также подтверждает, что американская обратилась с просьбой назначить его в качестве посредника в переговорах с лидером СРЮ[201] для принятия условий мирного соглашения.

С началом нового столетия ситуация стала постепенно изменяться. Этому способствовало отсутствие четкой стратегии ЕС по принятию в свой состав

[199] Визит в Югославию // Президент Республики Беларусь. – 14.04.1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/events/vizit-v-yugoslaviyu (дата обращения: 18.04.2026).
[200] Черномырдин В.С. Вызов / В.С. Черномырдин. – М.: Московский писатель, 2003. С. 209.
[201] Там же. С. 206.

государств Западных Балкан. Бывший министр иностранных дел России И.С. Иванов, вводя в 2004 г. в политический дискурс понятие «Русский мир», упомянул в своей концепции и Балканы, отметив, что «..принадлежность к православной традиции служит залогом прочности наших связей со странами Юго-Восточной Европы. Балканы традиционно были и остаются сферой внешнеполитических интересов России»[202]. Зарубежные авторы придерживаются позиции, что «Русский мир» как идеологический вектор России на Балканах является «ограниченным панрусизмом»[203]. Отчасти это является правдой, так как концепция «Русского мира», если рассматривать её в качестве внешнеполитической доктрины, направлена на защиту и поддержку россиян и русскоязычных за рубежом. Понятие «соотечественник» в российском подходе достаточно размыто и в большинстве случаев включает в себя не только этнических русских за рубежом, но и русскоговорящих русофилов среди местного населения. Важно отметить, что «русский мир» тесно связан с православием, которое распространено на Западных Балканах и обладает серьезным потенциалом по замещению атлантических ценностей с их гендерной повесткой (которые не пользуются популярностью среди местного населения). Ярким примером стал ответ македонцев-славян на навязываемый западными странами т.н. «парад чести». Местные жители вышли с маршем в поддержку традиционных семейных ценностей[204]. Важно отметить, что несмотря на текущую геополитическую ситуацию и в целом превалирующую у локальных правящих элит русофобскую политическую конъюнктуру, Россия пользуется популярностью у местного населения и сохраняет за собой имидж сверхдержавы, способной бросить вызов западному влиянию.

---

[202] Выступление министра иностранных дел России И.С. Иванова на VIII Всемирном Русском Народном Соборе. – 03.02.2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mospat.ru/archive/2004/02/6352/ (дата обращения: 03.09.2023).

[203] Григорова Д. «Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах / Д. Григорова // Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII - XXI вв.). – М: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 460.

[204] Во Скопје денеска парада на гордоста и марш за семејството // Слободен Печат. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.slobodenpecat.mk/vo-skopje-deneska-parada-na-gordosta-i-marsh-za-semejstvoto/ (дата обращения: 02.03.2023).

Сильной стороной российского влияния является её образ покровителя и защитника для балканских наций (в особенности сербов), оплота православного мира. Православные страны – плацдарм для укрепления российских позиций в регионе. Обусловлено это культурно-исторической близостью и закрепившимися историческими нарративами о России как о главной защитнице. Христианская православная церковь – один из ключевых связующих элементов в общественной и политической жизни стран региона на всех уровнях. Многие православные общины проживают в государствах Западных Балкан. Наиболее всего они представлены в Боснии и Герцеговине, Северной Македонии, Сербии и Черногории. Религиозное измерение политика России в регионе вновь обрела лишь в конце XX в. Впоследствии, в 2010-х годах, Россия значительно расширила взаимодействие в рамках религиозной дипломатии. Этому способствовал ряд факторов: на Западных Балканах есть значительные православные общины (Сербия – 88%, Черногория – 72%, Северная Македония – 65%, Босния и Герцеговина – 31%), религия играет ключевую роль в частной жизни людей и их определении национальной идентичности (88% респондентов в Северной Македонии, 72% в Сербии и 71% в Черногории заявили, что они религиозны). Россия также использует религиозные связи для укрепления своей «мягкой силы». В 2010-х годах российские предприниматели и государственные компании активно инвестировали в проекты, в рамках которых возводились церкви и другие религиозные объекты в Боснии и Герцеговине, Северной Македонии и Сербии. Значительную роль играет и взаимодействие церкви с политической элитой стран региона: в 2014 году Патриарх Кирилл наградил президента Республики Сербской М. Додика премией «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов. За утверждение и продвижение христианских ценностей в жизни общества»[205]. Религиозное измерение подкрепляется идеей общего славянского культурного наследия, разделяемой славянским населением региона.

[205] Патриарх Кирилл возглавил XIV церемонию вручения премий международного фонда единства православных народов // Православие.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravoslavie.ru/69125.html (дата обращения: 12.02.2025).

Общее культурное и религиозное наследие, а также использование кириллицы, в частности, среди сербов и македонцев способствуют тому, что население региона идентифицирует себя близким в этническом плане по отношению к России.

Зарубежные авторы продвигают тезис о том, что «присутствие России в сфере безопасности в регионе направлено на то, чтобы представить страну как мощную силу, защищающую своих православных братьев от исламского фундаментализма»[206]. Проблемным в этом аспекте является неоднозначное восприятие России албанским населением региона (к примеру, албанскими македонцами), а также бошняками-мусульманами, которые видят в ней угрозу (в том числе, по причине последовательной поддержки российской стороной сербского населения региона). Нивелировать данные тенденции позволило бы развитие тесных связей между мусульманскими общинами России и западнобалканских стран. В этом аспекте Российская Федерация обладает сильным потенциалом, так как представлена многоконфессиональным населением, которое мирно сосуществует в течение длительного периода времени. Позитивный имидж многоконфессионального государства, взятый как пример, способствовал бы сглаживанию «острых углов» межнационального общения в регионе, а также распространению российского влияния.

Дополнительным ресурсом «мягкой силы» стало распространение российской стороной образовательных квот для граждан западнобалканских стран. Как справедливо отмечают российские исследователи, «за период с 2000-2020 гг. образование в РФ получили около 15 тыс. граждан балканских стран»[207] (среди них жители БиГ и Северной Македонии). Однако ресурс российской «мягкой силы» не всегда трансформируется в реальные шаги по оказанию влияния на самосознание балканских народов. Уровень её воздействия по-прежнему не так высок, как у других акторов даже несмотря на тот факт, что без России традиционно невозможно решить ключевые для региона проблемы. При этом подход российской стороны основан на попытках выработать в отношении

[206] Rrustemi A. Geopolitical Influences of External Powers…, P. 127.
[207] Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса…, С. 180.

западнобалканских государств курс на комплексное, прагматичное и справедливое сотрудничество без открытого вмешательства во внутренние дела суверенных наций.

Свое отражение он нашел и в доктринальном оформлении внешней политики России. Балканам отведено крайне мало места в региональных приоритетах в Концепциях внешней политики Российской Федерации. В Концепции внешней политики 2008 г. они упоминаются следующим образом: «Россия открыта для дальнейшего расширения прагматичного, взаимоуважительного сотрудничества с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с учетом реальной готовности к этому каждого из них»[208]. Балканы отнесены к странам Юго-Восточной Европы без какой-либо конкретизации, при этом констатируются намерения по развитию с ними сотрудничества. В рамках Концепции внешней политики 2013 г. балканскому направлению посвящен абзац, в котором зафиксировано следующее положение: «Россия стремится к развитию всестороннего прагматичного и равноправного сотрудничества с государствами Юго-Восточной Европы. Балканский регион имеет для России важное стратегическое значение, в том числе как крупнейший транспортный и инфраструктурный узел, через территорию которого осуществляется доставка нефти и газа в страны Европы»[209]. Данный нарратив фиксирует сдержанное отношение России к региону как к посреднику в части энергетической дипломатии. Также отмечается его важное стратегическое значение для России, что говорит о демонстрации интереса к Балканам с российской стороны и об активизации её присутствия в секторе энергетики.

Понятия «Балканы» («Западные Балканы») и «Юго-Восточная Европа» не нашли своего отражения в последних Концепциях внешней политики Российской

[208] Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 22.06.2023).
[209] Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/ (дата обращения: 22.06.2023).

Федерации (ни в редакции 2016 г.[210], ни в редакции 2023 г.[211]). Основной акцент в разделе, посвященном региональным направлениям внешней политики, сделан на иных приоритетах. Европейский регион (куда относятся Балканы, подпадающие под категорию «другие государства Европы») упоминается только в контексте «нейтрализации угроз безопасности». Однако называть Западные Балканы частью европейского региона, несущего угрозу, пока преждевременно (ряд государств не вводили санкций в отношении России). Кроме того, Россию с этническими общинами региона объединяют тесные культурные, исторические и религиозные (межцерковные) связи.

Анализ доктринального оформления внешней политики России позволяет говорить об отсутствии ценностно-цивилизационной риторики, что контрастирует с реальным использованием механизмов взаимодействия в культурно-гуманитарной сфере. При этом Балканы сохраняют свою значимость для России как ключевой энергетический хаб и место сосредоточения интересов европейских стран.

Присутствие России в регионе на данный момент (по мнению ряда аналитиков) строится на трёх составляющих. «В первую очередь, это способность выступать регулятором международного положения через постоянное членство в Совете безопасности ООН: это и российская позиция по Косову и Метохии, и роль гаранта Дейтонского мира в Боснии и Герцеговине, и многие другие правовые рычаги. Второе – культурно-исторические связи со многими народами Юго-Восточной Европы (вышеупомянутые). Третьей составляющей российской политики на Балканах закономерно является экономическое влияние. Россия – основной экспортёр энергоресурсов в регионе, значимый торговый партнёр и инвестор»[212]. Россия пыталась трансформировать свое экономическое влияние в

[210] Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 22.06.2023).
[211] Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 22.06.2023).
[212] Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции…, С. 14.

соответствующее политическое для предотвращения полного включения региона в евроатлантические структуры.

В рассматриваемых кейсах наиболее сильны связи России с Республикой Сербской (РС) в составе Боснии и Герцеговины. Стоит отметить, что судьба энтитета является наиболее сложным вопросом в регионе, требующим комплексного подхода. Речь идет как о тесных экономических связях, так и о последовательной поддержке РС БиГ в политической сфере (в Совете Безопасности ООН и на других международных площадках). В частности, в 2015 г. Россия применила право вето в отношении проекта резолюции СБ ООН по осуждению событий 1995 г. в Сребренице (признание их геноцидом мусульман со стороны православных сербов), а также голосовала против соответствующей резолюции в Генассамблее ООН в 2024 г. В 2013 г. в России было открыто представительство Республики Сербской, что свидетельствует о высоком уровне связей российской стороны с данной автономией (вне зависимости от её будущего в составе единой Боснии и Герцеговины). Наглядным подтверждением данного факта стал ответный шаг – открытие в 2024 г. в Баня-Луке отделения Посольства Российской Федерации в Боснии и Герцеговине.

В сфере экономики наиболее значительные российские вложения приходятся на энергетический сектор. Сотрудничество Москвы и Баня-Луки характеризуется следующим примером: Россия приобрела и модернизировала нефтеперерабатывающий завод в г. Брод (через государственную компанию «Зарубежнефть»). Данное предприятие стало одним из ключевых промышленных объектов энтитета, обеспечивающим республику высококачественным топливом. Завод не только дал импульс развитию города, но и стал градообразующим предприятием.

Положено начало и сотрудничеству в медиапространстве. В конце 2023 года главный редактор телеканала «Russia Today» М.С. Симоньян сообщила о запуске канала на сербском языке в Республике Сербской, что стало первым прецедентом появления российских СМИ в Боснии и Герцеговине. Особую роль играют межцерковные связи (Русской православной церкви

Московского Патриархата и Сербской православной церкви), которые поддерживаются и с сербской православной церковью в Боснии и Герцеговине. В 2018 году в центре Баня-Луки (столице Республики Сербской) прошло освящение построенной русской церкви и открытого российского культурного центра. Официальные лица с обеих сторон охарактеризовали его как свидетельство духовной и культурной близости русского и сербского народов. Баня-Лукский епископ Ефрем в ходе церемонии отметил, что «идея строительства такой церкви в Баня-Луке вынашивалась уже 100 лет», а президент Республики Сербской М. Додик, подчеркивая важность этого исторического дня для сербского народа и Республики Сербской, заявил, что «это символ нашей борьбы за свободу»[213]. Работа по строительству и восстановлению русских храмов идет по всей Республике Сербской. Например, в селе Ритешич под городом Добой усилиями общества русско-македонской дружбы был построен православный монастырь блаженной Матроны Московской. Отмечается, что он построен как объект для проведения мероприятий по укреплению русско-сербской дружбы[214].

Важным аспектом влияния России в Боснии и Герцеговине являются её усилия по распространению русского языка и культуры для укрепления единства боснийский сербов и россиян. В 2002 году в Баня-Луке на базе Национальной и университетской библиотеки РС был открыт центр российского фонда «Русский мир», целью которого является популяризация русского языка и русской культуры. В 2020 г. на философском факультете Университета Восточного Сараево при поддержке автономной некоммерческой организации «Российская гуманитарная миссия», генеральным директором и соучредителем которой является Е.А. Примаков, открылся современный класс для изучения русского языка. Несколькими месяцами ранее в частном детском саду г.Баня-Лука был

[213] Kovacevic D. Bosnian Serb Leader Applauds Russian Church's Consecration / D. Kovacevic // Balkan Insight. – 17.09.2018. [Electronic resource]. – URL: https://balkaninsight.com/2018/09/17/construction-of-the-russian-church-in-rs-09-17-2018/ (date of access: 20.07.2023).

[214] Gutič A. Kako Rusija ostvaruje kulturni uticaj u BiH: nevjeste, motoristi i prazna obečanja / A. Gutič // Zurnal. – 28.05.2020. [Electronic resource]. – URL: https://zurnal.info/clanak/nevjeste-motoristi-i-prazna-obecanja/23120 (date of access: 28.05.2023).

представлен оборудованный класс русского языка – проект, реализованный все той же НПО. Данный аспект важен в контексте оказания влияния на подрастающее поколение, которое с самого раннего детства знакомится с русской культурой, а также способствует укреплению русско-сербских межэтнических связей. Е.А. Примаков представляет «Российскую гуманитарную миссию» как неполитическую организацию, цитируя при этом слова Е.М. Примакова о значении «мягкой силы» для России и важности гуманитарной деятельности на Балканах. Данная организация является краеугольным камнем российского мягкосилового влияния в РС.

В 2023 г. при поддержке Министерства научно-технического развития и высшего образования Республики Сербской и Министерства просвещения Российской Федерации на базе философского факультета Университета Восточного Сараево был открыт Центр открытого образования на русском языке[215]. Основные задачи Центра – расширение возможностей преподавания русского языка в Республике Сербской и укрепление культурного, научного и образовательного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Сербской. В 2024 г. в нем был организован ряд мероприятий, в том числе первый научно-методический форум учителей русского языка и литературы начальных и средних школ Республики Сербской. Форум собрал 118 участников.

Мягкосиловое влияние укрепляется и за счет сотрудничества с Республикой Сербской в сфере высшего образования. Во временном промежутке с 2023 г. по 2025 г. нормативно-правовая база Университета Восточного Сараево включала 21 соглашение о сотрудничестве с российскими высшими учебными заведениями, среди которых можно выделить МГУ им. М.В. Ломоносова, Российскую академию музыки им. Гнесиных, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

[215] Свечано отворен Центар за образовање на руском језику // katera.news. – 15.06.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://katera.news/svecano-otvoren-centar-za-obrazovanje-na-ruskom-jeziku (дата обращения: 18.04.2026).

В 2023 г. Республику Сербскую посетила делегация Российского исторического общества. В ходе визита было подписано соглашение о сотрудничестве с Институтом исторических наук Университета Восточного Сараево. В том же году была проведена научная конференция на тему: «Вторая мировая война в свете исторических фактов и исторического ревизионизма», в которой приняли участие более 30 ведущих ученых-историков из Республики Сербской, Сербии и России[216]. Мероприятие открыл министр науки и высшего образования Республики Сербской Ж. Будимир. В 2025 г. по приглашению Российского военно-исторического общества руководство Института исторических наук Университета Восточного Сараево приняло участие в международной конференции «Вторая мировая война: История и историческая память в России и мире», которая проходила в городе Туле[217]. Данные факты подтверждают эффективность политики России в РС БиГ в гуманитарной сфере (общая политика памяти, культура и образование).

Опросы общественного мнения среди населения БиГ также являются «индикатором» российского влияния. Боснийские сербы, как правило, выражают высокий уровень поддержки России и ее политики по сравнению с боснийскими хорватами и мусульманами. Согласно опросу общественного мнения, проведенному Международным республиканским институтом (IRI) в 2022 году[218], 89 процентов сербов в БиГ придерживаются пророссийских взглядов, в то время как только 39 процентов хорватов и 27 процентов бошняков-мусульман относятся к России положительно.

---

[216] Научни скуп на тему „Други светски рат у светлу историјских чињеница и историјског ревизионизма” одржан је 12. и 13. новембра у Палама // Руски Дом. – 13.11.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskidom.rs/sr/2023/11/13/nauchni-skup-na-temu-drugi-svetski-rat-u-svetlu-istori-skih-chi-enica-i-istori-skog-revizionizma-odrzhan-e-12-i-13-novembra-u-palama/ (дата обращения: 18.04.2026).

[217] Посјета директора Института историјских наука Руској Федерацији // Универзитет у Источном Сарајеву. – 31.03.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ues.rs.ba/2025/03/31/posjeta-direktora-instituta-istorijskih-nauka-ruskoj-federaciji-3/ (дата обращения: 18.04.2026).

[218] Western Balkans regional survey // IRI. – 2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2022/06/balkans-22-rs-01-full-deck-1.pdf (date of access: 12.02.2025).

С Северной Македонией Россию объединяют тесные исторические, культурные и религиозные связи. Москва была в числе первых стран, которые признали независимость этого балканского государства в 1992 г. В качестве одного из ключевых документов договорно-правовой базы можно назвать Декларацию о дружественных отношениях и сотрудничестве 1998 г., где фиксируется положение о ненападении (запрете на использовании территории третьими странами для вооруженной агрессии). Православное большинство страны (македонцы-славяне) позитивно воспринимает российскую сторону. Отражением настроений общественности и позитивного образа России в регионе является появление несистемных пророссийски настроенных партий разного политического спектра. В частности, активность проявляет партия «Единая Македония», лидер которой Я. Бачев был одной из ключевых фигур кампании против референдума об изменении государственного наименования страны. Зарубежные авторы отмечают факт, что название партии перекликается с названием российской партии «Единая Россия». Видится, что связи здесь в контексте российского влияния нет, но это является признаком симпатии македонского (славянского) населения. Я. Бачев был также одним из главных организаторов визита российского идеолога неоевразийства А.Г. Дугина в Северную Македонию в 2018 году. В мае 2018 г. 50 членов его партии посетили тренинг политтехнолога (главы администрации международного «Евразийского движения») Л.В. Савина[219]. Такой неподдельный интерес к России связан со следующей тенденцией: в Северной Македонии присутствует высокая степень разочарованности в политике Европейского Союза по отношению к стране. Связана она как с замедлением переговорного процесса о вступлении в союз, так и с давлением стран-членов на идентичность Северной Македонии (споры с Грецией о госнаименовании, завершившееся его изменением, а также вето Болгарии на вступление с требованием придать конституционный статус

[219] Единствена Македонија: Успешноја минавме руската обука и подготвени сме за преземање на власта // Макфакс. – 31.05.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tocka.com.mk/vesti/270601/edinstvena-makedonija-uspesno-ja-minavme-ruskata-obuka-i-podgotveni-sme-za-prezemanje-na-vlasta (дата обращения: 12.09.2024).

болгарскому меньшинству). Данные события происходят на фоне полного непонимания национальных (македонских) интересов со стороны Союза.

Подобные настроения способствуют созданию идеальной среды для распространения антизападных нарративов в сочетании с продвижением пророссийской повестки дня. Здесь отчасти можно согласиться с тезисом местных ученых о том, что «Россия популярна в регионе не из-за того, чем она является, а из-за того, чем она не является – и это не Запад»[220]. Значительная часть населения Западных Балкан, включая жителей Северной Македонии, воспринимает Россию скорее как жертву Запада, чем как агрессора (как её позиционируют западные СМИ, активно работающие в регионе). Показательными являются опросы, проведенные аналитическим центром GLOBSEC в 2021 г., которые показали, что 65% респондентов из Северной Македонии идентифицируют Россию как своего «славянского брата», а 66% и вовсе не воспринимают в качестве угрозы[221]. Авторы также приходят к следующим выводам: большая часть населения видит в России скорее друга, чем соперника, а две трети опрошенных привержены идеям о тесных связях с Россией в рамках идеи славянского единения.

Важным аспектом в этой связи является «политика памяти», которая затрагивает тему не только общеславянского единства, но и общей истории борьбы в военное время. «Политика работает не с прошлым, а с социальными представлениями о прошлом. При этом она имеет дело не столько с историей – систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, – сколько с тем, что принято называть коллективной памятью, т.е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью»[222].

---

[220] Kolovska V. Emotional ties and propaganda: The Russian “Soft power” in the Balkans / V. Kolovska // Meta. – 28.02.2024. [Electronic resource]. – URL: https://meta.mk/en/emotional-ties-and-propaganda-the-russian-soft-power-in-the-balkans/ (date of access: 30.03.2024).

[221] Image of Russia: Mighty Slavic Brother or Hungry Bear Nextdoor? // GLOBSEC. – 2021. [Electronic resource]. – URL: https://www.globsec.org/sites/default/files/2021-04/Image-of-Russia-Mighty-Slavic-Brother-or-Hungry-Bear-Nextdoor-spreads.pdf (date of access: 24.04.2024).

[222] Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики / О.Ю. Малинова // Метод. – 2019. – № 9. – С. 290.

В основе российско-македонской общности памяти о Второй мировой войне лежит общее социалистическое прошлое. Народное сопротивление в Македонии (которая в годы Второй мировой войны была оккупирована войсками Болгарии и гитлеровской коалиции) начало расти в 1943 году после капитуляции Италии. В это время в Македонию прибыл специальный эмиссар Тито С. Вукманович. Он способствовал активизации борьбы с оккупацией и придания ей нового этнического македонского облика. Это привело к появлению молодого поколения борцов-антифашистов и партизанских лидеров, которые были преданы Югославии. В 1943 году они сформировали народно-освободительную армию Македонии и Коммунистическую партию Македонии. В западной части страны в движении сопротивления также участвовали албанские партизаны. Народно-освободительная армия Македонии была частью народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), которая вместе с Красной армией участвовала в освобождении Белграда.

На данном этапе стоит отметить следующие тенденции: Северная Македония сохранила День восстания народа против фашизма 1941 г. (11 октября) в неизменном виде. Поддержку среди местного населения получают и инициированные российской стороной акции «Бессмертный полк» и «Стена памяти» (с символикой движения «Бессмертный полк»), призванные увековечить память героев, погибших в годы Второй мировой войны. Примечательно, что акция «Бессмертный полк» проводилась сразу в нескольких городах Северной Македонии[223] (гг. Скопье, Свети-Николе). 9 мая 2020 г. мэр муниципалитета Центар С. Богданович (один из десяти муниципалитетов столицы Северной Македонии – Скопье) и Посол Российской Федерации в Северной Македонии С.А. Баздникин открыли новый мемориал в честь Дня Победы над фашизмом (75-летия Великой Победы). Местом установки нового памятника-стелы из гранитной плиты стала небольшая улица 9 Мая в жилом районе Скопье. На стеле

[223] «Бессмертный полк» в Македонии // МИД России. – 14.05.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezdeniyah/1571352/ (дата обращения: 12.06.2024).

имеется надпись на македонском языке: «Эта улица названа в честь и память 9 мая 1945 года – Дня Победы над фашизмом во Второй мировой войне. Вечная слава героям, бойцам антигитлеровской коалиции, победившим нацизм и освободившим народы Европы!». Мэр муниципалитета Центр (Скопье) С. Богданович отметил, что муниципальный совет приветствовал инициативу Роспосольства и единогласно проголосовал за установку памятника.

В системе среднего и высшего образования Россия представлена слабее, чем другие акторы (нет университетов, спонсируемых российским правительством, российских школ). В столице Северной Македонии – Скопье русский язык изучается только в 1 государственной школе на факультативной основе (не входит в основную сетку расписания). Важным шагом по укреплению российского гуманитарного присутствия стало открытие в Македонии в 2016 г. при университете им. Свв. Кирилла и Мефодия первого центра фонда «Русский мир», где проходят тематические мероприятия и организованы курсы русского языка. В основном он представляет интерес для македонцев, которые являются выпускниками российских институтов, чья идентичность уже связана с Россией. Согласно статистическим данным Международного управления МГИМО МИД России (отдела по работе с иностранными учащимися) с 1992 г. по н.в. Университет окончили 136 студентов из западнобалканских государств и 13 аспирантов. Среди них – 22 студента и 2 аспиранта из Боснии и Герцеговины и 14 студентов и 4 аспиранта из Северной Македонии. Наибольшее число выпускников из Сербии – 65. Эти данные свидетельствуют об интересе к российскому образованию, в том числе к программам в сфере международных отношений, однако количество обучающихся значительно ниже, чем могло быть.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на имеющийся позитивный имидж в Северной Македонии и Республике Сербской (БиГ), Россия не использует весь спектр своего потенциала по оказанию влияния на внутренние процессы формирования общенациональной повестки западнобалканских стран. Российское влияние на Западных Балканах следует понимать в более широком контексте отношений ЕС и НАТО (США) с Россией с точки зрения конкуренции

и вовлечения стран региона в орбиту евроатлантического влияния. Это подтверждается и официальным дискурсом высокопоставленных российских дипломатов. Заместитель Министра иностранных дел России А.В. Грушко в интервью отметил, что вступление стран региона в НАТО «любой ценой… ведет лишь к росту напряженности»[224]. Директор Второго Европейского департамента МИД России Ю.В. Пилипсон, отвечая на вопросы журналистов, подчеркнул, что «Процесс евроинтеграции давно и безнадежно политизирован и с трудом поддается прогнозированию. Ускоренное продвижение по этому пути тех или иных претендентов обусловлено исключительно политическими мотивами, а не успехами внутренних реформ»[225]. Россия в своих нарративах характеризует процесс евроатлантической интеграции на Балканах как форсированный, политизированный и носящий дестабилизирующий характер. Наряду с этим в интервью, затрагивающих проблематику расширения НАТО на Балканы, отмечается, что «несмотря на все заявления о том, что этот процесс не направлен против нашей страны, реальные дела говорят об обратном»[226].

Это позволяет говорить об альтернативных путях сотрудничества – с Россией. Следовательно, речь идет скорее о противостоянии и конкуренции западной и российской моделей мироустройства, чем о непосредственном влиянии России. При этом российский курс характеризуется отсутствием пропагандитсткого элемента – Россия не прибегает к неоправданной дискредитации конкурентов за влияние и не вынуждает страны региона делать цивилизационный выбор.

---

[224] Интервью заместителя Министра иностранных дел России А.В. Грушко албанской газете «Шекулы» // МИД России. – 13.03.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/publikatsii/1456021/ (дата обращения: 13.03.2019).

[225] Интервью директора Второго Европейского департамента МИД России Ю.В. Пилипсона информационному агентству ТАСС // МИД России. – 21.12.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2067753/ (дата обращения: 21.02.2026).

[226] Интервью Посла России в Македонии С.А. Баздникина информационному агентству ТАСС // МИД России. – 09.02.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/maps/mk/1453208 (дата обращения: 21.02.2026).

Российский официальный дискурс использует следующий набор лексических маркеров: уважение интересов всех сторон[227], внутренний диалог, суверенное право[228], взаимовыгодное сотрудничество, суверенитет, стабильность, безопасность, Дейтонское мирное соглашение, соблюдение установленных правил[229], исторические и религиозные связи. В текстах, которые посвящены непосредственно Западным Балканам, регион описывается как место с уникальным геополитическим положением, где необходимы диалог, баланс интересов и отказ от монополизации внешнего влияния[230]. При этом Россия позиционирует себя как актора, выступающего против эксклюзивного права Запада на конструирование и формирование регионального будущего[231].

Таким образом, в стратегии номинации Запад описывается как внешний актор, вмешивающийся во внутренние дела, Россия выступает в роли защитника и партнера, а балканские государства как независимые и суверенные участники международных отношений. Стратегия предикации связана с предоставлением балканским народам права на самоопределение собственного будущего. В стратегии аргументации представлены топосы угрозы (вмешательства Запада), истории (общие культурные и исторические связи), идентичности (самобытности и уникальности развития). В постколониальной интерпретации российский дискурс представлен оспариванием права стран Запада на внешнее вмешательство

---

[227] Итоги года с Владимиром Путиным // Президент России. – 14.12.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994 (дата обращения: 14.02.2026).

[228] Интервью Посла Российской Федерации в Боснии и Герцеговине И.А. Калабухова газете «Известия» // МИД России. – 18.10.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1784026 (дата обращения: 19.10.2023).

[229] Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова боснийско-сербской газете «Глас Српске» // МИД России. – 28.10.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4409359 (дата обращения: 28.10.2023).

[230] Встреча с руководством МИД России // Президент России. – 14.06.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285 (дата обращения: 13.06.2025).

[231] Захарова: Референдум в Македонии раскрыл весь цинизм западной демократии // EurAsia Daily. – 04.10.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2018/10/04/zaharova-referendum-v-makedonii-raskryl-ves-cinizm-zapadnoy-demokratii (дата обращения: 04.10.2023).

и нормативное наставничество. В качестве оснований для собственного привилегированного присутствия в регионе приводятся особые исторические, культурные и религиозным связям.

С другой стороны, можно выявить и позитивные моменты российского влияния на национальную идентичность стран региона. В отличие от Турции Россия выступает не только с этнорелигиозных позиций (как оплот христианского мира и защитник всех православных), но и способна влиять с помощью общих нарративов политики памяти (общее социалистическое прошлое, борьба с фашизмом).

Россия влияет на идентичность западнобалканских государств через различные сферы, включая исторические связи, взаимодействие в сфере культуры и политические отношения. Исторические связи между Россией и западнобалканскими государствами имеют глубокие корни, уходящие в XIX век и советское прошлое. Гуманитарные связи также играют важную роль. Русская культура, литература, искусство и музыка оказывают значительное влияние на духовную жизнь в западнобалканских странах. Это способствует формированию общих ценностей и интересов, которые могут влиять на национальную идентичность. Таким образом, «мягкая сила» является одним из ключевых направлений внешней политики России на Балканах. Однако её результативность заметно снижается ввиду отсутствия комплексной стратегии в гуманитарной сфере, закрепленной на доктринальном уровне. Особенно очевидным данный факт становится на фоне активных усилий ЕС и США по расширению своего влияния в регионе. Россия не располагает таким большим числом проектов в сфере «мягкой силы». При этом существующие инициативы крайне эффективны ввиду симпатий местного населения, что определяет успешность её политики в гуманитарной сфере.

Политические отношения между Россией и западнобалканскими странами также играют свою роль. Поддержка со стороны России (как неколониального актора) способствует укреплению позиций определённых политических сил, которые, в свою очередь, могут формировать определенную политику с учётом

российских интересов. Однако к тектоническим изменениям в политической ориентации и международных приоритетах стран региона это не приводит. России необходим стратегический курс на Западных Балканах, выработка программных документов сотрудничества, которые затрагивали бы не только традиционно дружественные народы, но и наименее лояльно настроенные. Системный подход позволит предотвратить дальнейшую экспансию ЕС и НАТО с подчинением региона евроатлантическим установкам.

Подводя итог влиянию незападных игроков на национальную идентичность западнобалканских народов, нельзя не согласиться с тезисом о том, что ни одна страна – ни Турция, ни Китай, ни Россия – не предлагает Балканам комплексную программу развития, как это делает ЕС (т.н. «Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы», начатый в 1999 г.). В силу данного обстоятельства они не являются реальной альтернативой в представлении западнобалканских народов, нуждающихся в системной трансформации и системных финансовых вложениях[232]. При этом у России и Турции имеются инструменты по созданию крепких гуманитарных связей с этносами, проживающими в регионе – путем инструментализации исторических нарративов и общей религиозной идентичности. Для боснийцев-мусульман это означает принадлежность к более широкому миру с центром в Анкаре, для боснийских сербов – противостояние западному влиянию и укрепление связей с православным миром. Кроме того, Анкара, Москва и Пекин предлагают альтернативные модели развития, без привязки к фактору обусловленности (соответствия определенным критериям).

Итогом попыток внешних акторов создать разные центры притяжения становится глубокая фрагментации обществ стран Западных Балкан, где местные элиты мимикрируют под разные модели развития и идентичности. В Таблице 1 представлены основные дискурсивные стратегии внешних акторов в сравнительной перспективе. График 1 демонстрирует основные дискурсивные фреймы (модели аргументации и дискурсивные конструкции) внешних акторов.

[232] Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан…, С. 9.

График 2 визуализирует логическую структуру дискурсивных фреймов, присущих внешним акторам.

Таблица 1. Сравнительный анализ дискурсивных стратегий внешних акторов

Актор	Номинация	Предикация	Аргументация	Модель идентичности
ЕС	Партнеры, кандидаты, будущие члены	Реформируемые, развивающиеся	Интеграция = развитие и безопасность	Европейская идентичность
США	Партнеры, союзники	Демократические государства	Демократизация и безопасность	Евроатлантическая идентичность
Россия	Братские народы, партнеры	Суверенные государства	Суверенитет и историческая общность	Национальная идентичность
Турция	Религиозные и культурные партнеры	Близкие народы	Общая история и культура	Культурно-историческая (религиозная) идентичность
Китай	Партнеры	Развивающиеся экономики	Экономическое развитие	Экономическая идентичность

Источник: составлено автором

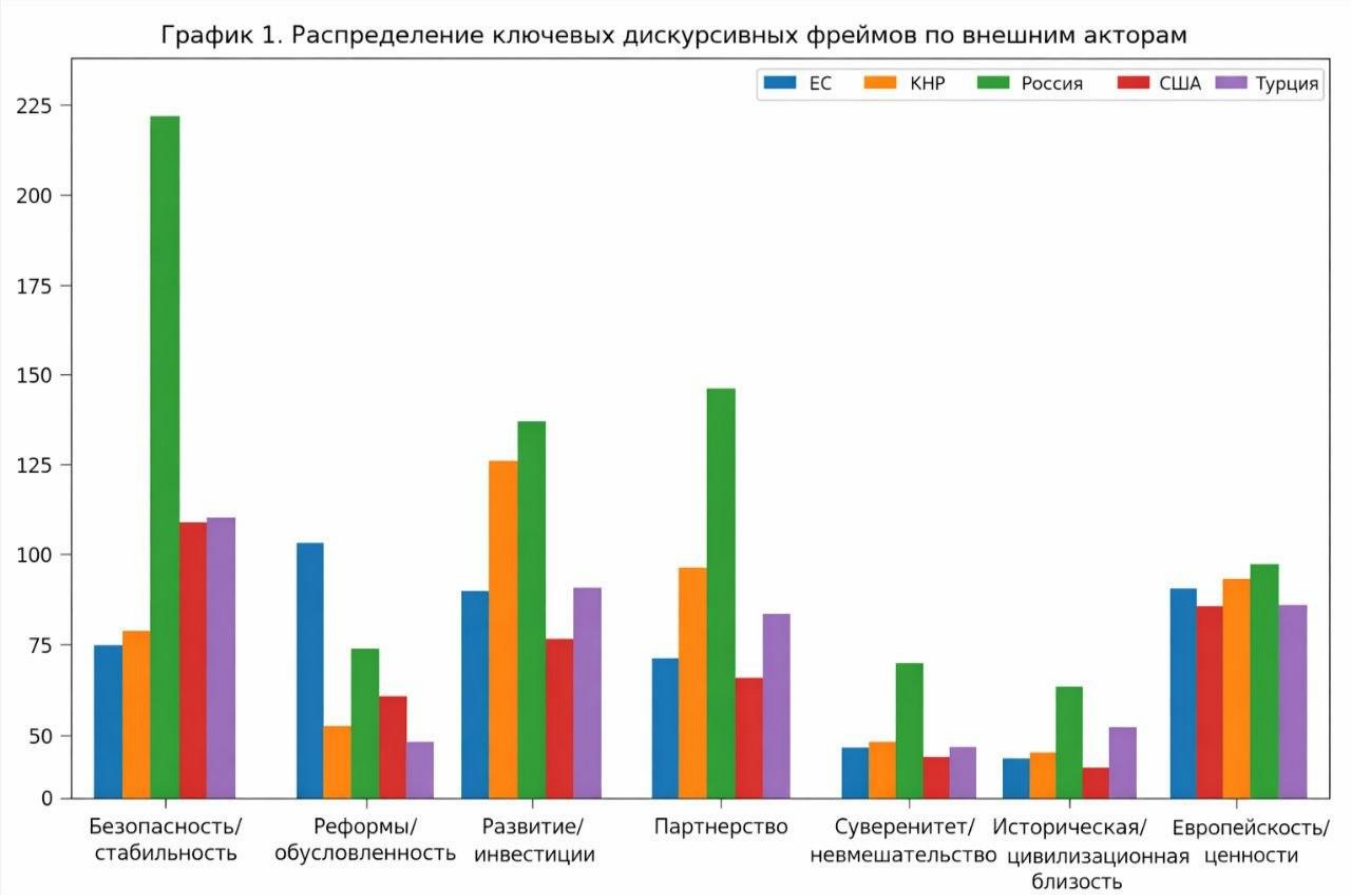

Рис. 1. Распределение ключевых дискурсивных фреймов по внешним акторам

Источник: составлено автором

График 2. Логики партнерства, наставничества, защиты, обусловленности и суверенитета

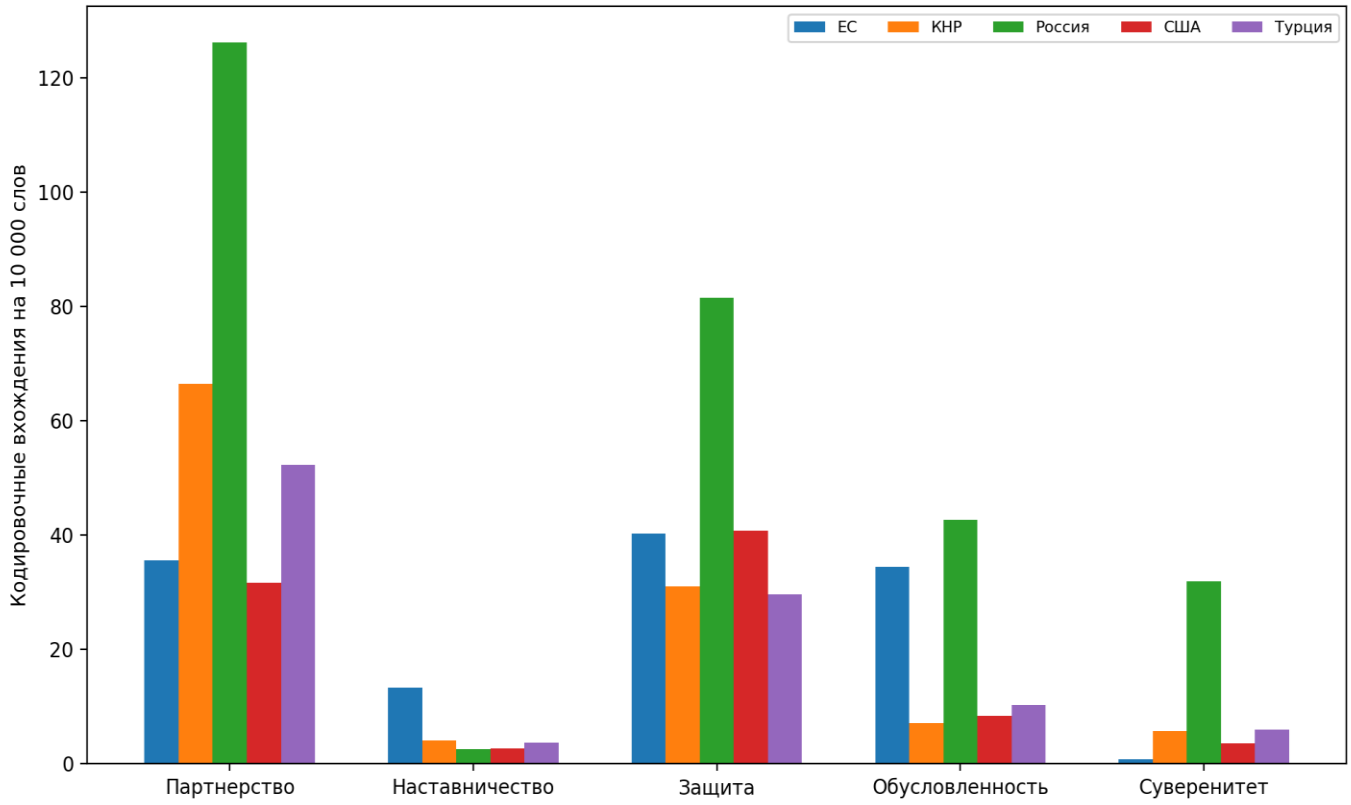

Рис. 2. Логики партнерства, наставничества, защиты, обусловленности и суверенитета

Источник: составлено автором

2.5. Внутренние факторы и формы локального сопротивления внешнему воздействию

Западные Балканы, являющиеся неотъемлемой частью Балкан, представляют собой особый мир – конгломерат разных народов, культур, религии и языки. Ход истории и разного рода конфликты привели к абсолютизации этнического разделения, существованию термина «балканизация» (суверинизация этнически и культурно неоднородного пространства)[233]. Данные факторы стали причиной того, что в современное время народы столкнулись «с кризисом культурной идентификации, связанным с выбором между сохранением культурной самобытности (в пользу уникальности балканского пути развития)

[233] Пономарева Е.Г. «Балканский передел» как зеркало глобализации / Е.Г. Пономарева, Г.А. Рудов // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2008. – № 5(220). – С. 64-77.

или принятием навязываемых извне ценностей, обычаев и институтов (иной идентичности)[234]». Обусловлено это, не в последнюю очередь, этнографическими, историческими и социокультурными факторами, а также чересполосным проживанием народов, для которых главным на повестке дня стал вопрос: «кто мы?». Он вполне естественен, так как «кризис идентичности сегодня воспринимается как культурная норма»[235].

Данные факторы усилили тенденцию к превращению данного пространства в арену противостояния внешних интересантов. В последние годы разные внешние акторы оказывали влияние в регионе Западных Балкан. Доступ к внутрирегиональным и внутригосударственным процессам они получили из-за существующих в регионе проблем: этнической фрагментации, малоэффективных моделей постконфликтного урегулирования, «разделенных обществ» внутри государств и слабой экономики государств региона. Благодаря этому такие игроки как ЕС, США, Россия, КНР и Турция смогли оказывать влияние на внутренние процессы формирования национальной идентичности посредством финансовых инвестиций, активной культурной и образовательной экспансии, воздействия через религиозные общины, путем межцерковного диалога, апеллирования к смоделированным нарративам (о едином цивилизационном коде) и использования «политики памяти».

В рамках данной главы хотим рассмотреть еще один аспект этого процесса. Навязанная внешними акторами идентичность может вызывать внутренне сопротивление на локальном уровне. Текущий раздел главы посвящен локальному внутреннему сопротивлению стран и народов Западных Балкан, которое находит свое отражение во внутренней политике. Местные народы (этносы) стремятся сохранить свою идентичность и противостоять внешнему давлению, что является классическим проявлением постколониальной динамики.

---

[234] Крапива М.Е. Формирование европейской идентичности государств Западных Балкан в XXI веке..., С. 185-186.

[235] Семененко И.С. и др. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля: [монография] / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН: Весь мир, 2023. С. 24.

Автор полагает, что внешнее влияние зачастую приводит к обратному задуманным целям эффекту: формированию сопротивления и укреплению локальных идентичностей. Оно будет рассмотрено в разных странах региона с акцентом на главные кейсы данного исследования.

Критический дискурс-анализ позволяет выявить истоки локального (внутреннего) сопротивления. Оно возникает не только как реакция на конкретные политические шаги, но и как ответ на внешнее конструирование, региона, балканских государств и этнических сообществ. Локальный ответ на конструирование региона как объекта реформирования, стабилизации и внешней оценки реализуется в форме апелляции к суверенитету[236], политики памяти, защиты «собственного» исторического нарратива[237] и селективной адаптации навязываемых норм[238]. Турецкие нарративы об историко-культурной и религиозной близости используются локальными элитами либо для собственной легитимации[239], либо – для активации защитных нарративов от неоосманизма[240]. Китайский и российский дискурсы позволяют местным народам ограничить

[236] Bosnia Presidency Chair Cancels Meeting with Turkish FM // Balkan Insight. – 30.01.2011. [Electronic resource]. – URL: https://balkaninsight.com/2011/01/30/bosnia-presidency-chair-cancels-meeting-with-turkish-fm/ (date of access: 30.03.2023); Премьер-министр Северной Македонии Мицкоски заявил, что его страну «давят» на пути к членству в ЕС // Euronews. – 10.11.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.euronews.com/my-europe/2025/11/10/premer-ministr-severnoj-makedonii-mickoski-zayavil-chto-ego-stranu-davyat-na-puti-k-chlens (дата обращения: 11.12.2025).

[237] Почему президент Северной Македонии отказалась произносить название своей страны // RG.ru. – 12.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2024/05/12/pochemu-prezident-severnoj-makedonii-otkazalas-proiznosit-nazvanie-svoej-strany.html (дата обращения: 12.05.2024).

[238] Becirovic: The Road to the EU is a generational Project for the State of BiH // Sarajevo times. – 06.03.2024. [Electronic resource]. – URL: https://sarajevotimes.com/becirovic-the-road-to-the-eu-is-a-generational-project-for-the-state-of-bih/ (date of access: 19.09.2024); Türkiye our 'most important' economic, trade ally: North Macedonian premier // Anadolu Agency. – 28.02.2025. [Electronic resource] – URL: https://www.aa.com.tr/en/turkiye/turkiye-our-most-important-economic-trade-ally-north-macedonian-premier/3496439 (date of access: 30.03.2026).

[239] North Macedonian president says ties with Türkiye will continue to strengthen // Anadolu Agency. – 21.12.2025. [Electronic resource]. – URL: https://www.aa.com.tr/en/world/north-macedonian-president-says-ties-with-turkey-will-continue-to-strengthen /3777191 (date of access: 30.03.2025).

[240] Tanasković D. Neoosmanizam: Povratak Turske na Balkan [Neo-Ottomanism. Turkey’s Return to the Balkans] / D. Tanasković. – Belgrade: JP Službeni glasnik, 2010. – 109 s.

монополию неоколониальных сил на интерпретацию происходящих в регионе событий и его будущего[241].

В постколониальной интерпретации это свидетельствует об отсутствии полного непринятия внешнего воздействия. Внешние нормы адаптируются и «перерабатываются» под локальные интересы, что ведет к мимикрии и гибридизации идентичности. Значимым фактором в этих процессах является селективная адаптация норм разных центров силы. Формы локального ответа являются неотъемлемой частью общей дискурсивной динамики региона.

В связи с этим представляет интерес анализ попыток построения «западнобалканской идентичности», поиск ответа на вопрос, насколько она необходима проживающим в регионе народам – возможно ли их объединение под одной идентичностью. Не следует забывать, что «Западные Балканы» – это искусственно созданный геополитический термин, основная цель которого – изменить имидж целого региона, и поэтому он существует только в данный момент, до тех пор пока страны, входящие в этот регион, не вступили в ЕС (что говорит о нестабильности самой конструкции). Геополитическая конструкция Западных Балкан не может существовать как регион с общей идентичностью, установленной с помощью определенного количества искусственно созданных общих характеристик. Видится, что поиск некоей схожести стоит искать в другом. Например, в общебалканском культурном ландшафте. «Балканский культурный ландшафт – это общий мир, который каждый серб, болгарин или албанец чувствует «своим» вне зависимости от политических границ. Посещение соседней балканской страны не сопровождается культурным шоком, даже если разница в языке и религии огромна. Схожими оказываются природные ландшафты, архитектурный облик, строительные материалы, технический

[241] Встреча с Президентом Республики Сербской Милорадом Додиком // Президент России. – 25.10.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75393 (дата обращения: 25.03.2025).; Пендаровски планира поинтензивни контакти со Русија // Лидер.МК. – 02.04.2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lider.com.mk/makedonija/pendarovski-planira-pointenzivni-kontakti-so-rusija/ (дата обращения: 12.04.2026).

уровень и эстетическое состояние инфраструктуры – а вместе с ними ментальность и поведение людей»[242].

Процесс формирования национальных идентичностей западнобалканских государств в условиях распространения процессов глобализации и евроинтеграции по-прежнему находится в стадии трансформации. С одной стороны, имеется кризис моделей идентичности, который используют в своих целях внешние акторы, с другой стороны, можно говорить и о зарождении некоей западнобалканской повестки (проект «мини-Шенгена», трансформировавшийся в «Открытые Балканы»), носителями которой являются политические и культурные элиты стран[243], находящиеся под внешним влиянием и давлением. Немаловажным видится в связи с этим детальный анализ проблематики субрегиональной идентичности (насколько оно реализуема в рамках балканского полуострова с многообразием населяющих его народов и народностей). С одной стороны, принятие региональной идентичности (самореализации и самоидентификации) может стать своего рода защитой собственной национальной идентичности для отдельных этносов и попыткой избежать межэтнических противоречий и напряженности, а , с другой стороны, признание себя частью региональной идентичности может означать и добровольную «самоколонизацию» в условиях новой политической риторики[244]. Видится, что построение новой региональной идентичности – процесс, который всецело зависит от многочисленных акторов (как внутрирегиональных, так и международных игроков). Важно при этом отметить, что субъектами построения новой региональной идентичности должны стать представители новых элит и движений на Западных Балканах. Однако здесь также сказывается отсутствие гомогенности данного территориального пространства. Западные Балканы не однородны с точки зрения населения, языков (языковых диалектов) и культуры (религиозных воззрений). Самым главным

[242] Михайлов В.Т. Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности / В.Т. Михайлов // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2 (2). – С. 140.
[243] Pavlović S. Građevina nedovršenog: problem identiteta Zapadnog Balkana. Institut za međunarodnu politiku i privredu / S. Pavlović // Međunarodna politika – april–jun 2010. – br. 1138. – S. 91-100.
[244] Ibid. S. 100.

препятствием на пути реализации идеи общей западнобалканской идентичности является отсутствие общих символов, которые способствовали бы развитию чувства взаимной принадлежности[245]. Ситуацию усугубляет и процесс инструметализации прошлого. Для групповой интеграции и формировании общей идентичности важен процесс связи с прошлым (непрерывность).

Результатом недовольства лидеров государств Западных Балкан проводимым ЕС курсом по расширению стала инициатива по созданию так называемого «мини-Шенгена» в рамках проекта «Открытые Балканы» (балканского аналога Шенгенской зоны в миниатюре), которая в 2019 г. была выдвинута лидерами Албании, Северной Македонии и Сербии – Э. Рамой, З. Заевым и А. Вучичем. Де-факто это региональная зона для свободного перемещения людей, товаров, услуг и капитала (представляет собой попытку объединения, которая, как утверждают ее сторонники, должна способствовать экономической интеграции и культурному взаимодействию). «В конце июля 2021 г. на экономическом форуме по региональной интеграции в Скопье было официально объявлено о создании проекта «Открытые Балканы». По этому поводу были подписаны три трехсторонних меморандума[246]». По мнению экспертов[247], данные региональные инициативы стали четким сигналом трех глав государств, что они демонстрируют свое разочарование и недовольство ЕС. Полагаем, что желание балканских народов объединиться является своеобразным ответом попыткам создать «западнобалканскую идентичность», которая построена на нарративе отрицания (включает тех, кто не вошел в ЕС, «других», кому отказано в праве голоса). Проект «Открытые Балканы» – ответ коллективной Европе, что балканские государства могут объединяться и вне рамок интеграционного проекта ЕС. При этом стоит отметить, что эта инициатива сталкивается и с препятствиями в виде глубоких этнических и культурных

[245] Ibid. S. 95.
[246] Пророкович Д. Открытые Балканы: перспективы институционализации / Д. Пророкович, Е.Г. Энтина // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18. (2). – С. 2.
[247] Latal S. Bosnia and Herzegovina: Geopolitical Strife Fuels local, regional Crises / S. Latal. – Prague: The Prague Security Studies Institute, 2023. P. 8.

разногласий. Основным препятствием является отсутствие общих символов, которые могли бы объединить регион.

Наследие югославского периода, опыт этнополитических конфликтов и многослойная имперская история формируют специфическую среду, в которой вопросы идентичности приобретают повышенную политическую значимость. Историческая память и символические нарративы используются локальными элитами как ресурс политической мобилизации, что делает процессы нациестроительства чувствительными к внешнему участию и одновременно ограничивает возможности прямого трансфера нормативных моделей. Местные элиты ЗБ государств при столкновении с внешним влиянием выступают в роли активных игроков, а не пассивных реципиентов. Они используют стратегию селективной адаптации, развивая связи с альтернативными партнерами для оказания влияния на ЕС и США. Этот факт подтверждают совместные инфраструктурные проекты с КНР, развитие энергетического сотрудничества с Россией, тесные культурно-религиозные связи с Турцией. Таким образом, можно говорить о прагматичном и инструментальном характере адаптации локальных элит государств Западных Балкан. Это подтверждается и проведением реформ в соответствии с критериями ЕС, когда законы принимаются исключительно для удовлетворения технических критериев ЕС, но их реальное внедрение саботируется на практике[248] (к примеру, соблюдение прав национальных меньшинств). Сопротивление давлению ЕС, в частности по вопросам борьбы с коррупцией, обусловлено стремлением внутренних элит сохранить собственную власть. Задействуется также рычаг националистической риторики, когда в дискурсе политиков преобладает нарратив защиты национального суверенитета и исторической справедливости. Ярким примером может стать вопрос замедления конституционных реформ в Боснии и Герцеговине. Местные элиты используют право вето и угрозу сецессии как форму сопротивления вмешательства со

[248] EU support for the rule of law in the Western Balkans: despite efforts, fundamental problems persist / European court of auditors. – Special report 2022. [Electronic resource]. – URL: https://op.europa.eu/webpub/eca/special-reports/eu-support-to-the-rule-of-law-in-Western-Balkans-01-2022/en/ (date of access: 22.06.2023).

стороны Высокого представителя[249]. Сопротивление определяют и внешнеполитические ориентиры политических элит государств. Например, в Республике Сербской (энтитете БиГ) принят закон о неправительственных организациях, финансируемых из-за рубежа. Занимающиеся политической деятельностью фонды признаются агентами иностранного влияния (по аналогии с ФЗ РФ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»). Несмотря на прозападную ориентацию лидеры боснийских мусульман по-прежнему сохраняют тесные связи с Анкарой, которые во многом обусловлены личными связями президента Турции с боснийскими политиками.

Сопротивление элит ЗБ стран направлено не на полное противодействие внешнему влиянию, а на его селективную перцепцию с целью укрепления собственного влияния. В частности, связи с альтернативными партнерами используются для оказания давления на Запад. Кроме того, оно сдерживается глубокой экономической зависимостью от ЕС, стратегической долгосрочной целью интеграции в ЕС, а также отсутствием реальных альтернатив со стороны других игроков, таких как Китай или Россия.

В Северной Македонии в качестве реакции на политику ЕС в отношении страны (затягивание переговорного процесса, требования стран-членов ЕС, ограничивающие македонскую идентичность (название государства, язык и нацию в целом)) появляются партии, выбивающиеся из общей «палитры» политических сил, активно спекулирующих проевропейской повесткой. В качестве примера можно привести партию «Левица» («Левые»), созданную в 2015 г. В 2020 г. партия впервые была представлена в Собрании – ей удалось получить 2 места из 120 в однопалатном северомакедонском парламенте. В 2022 г. лидеры «Левицы» выступили с критикой министра иностранных дел Северной Македонии за его «русофобскую» позицию, а также голосовали против

[249] Президент Республики Сербской подчеркнул неприемлемость деятельности Шмидта // ИА Красная Весна. – 28.12.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rossaprimavera.ru/news/8aae279f (дата обращения: 12.04.2024).

резолюции с осуждением Специальной военной операции. Сторонники партии также собирались на митинг перед зданием российского посольства, чтобы выразить поддержку России. Участники несли плакаты с надписями “Македонцы - ваши [российские] братья” и предположениями о том, что протесты на Украине, в результате которых было свергнуто прежнее руководство, были организованы ЦРУ[250].

Это серьезный прецедент для государства, где места в парламенте обычно распределяются среди номенклатурных партий (за исключением политических объединений албанского блока, где преобладает волатильность предпочтений избирателей, хотя и там есть постоянные игроки). Партия была сформирована в результате поиска подлинной социал-демократической альтернативы в Северной Македонии. Она позиционирует себя как оппозиционную ЕС и НАТО в их нынешнем составе, а также противопоставляет себя внутренней коррумпированной политической элите. «Левые» стали ответом на запрос македонской общественности, уставшей от обещаний местных политиков о скором вступлении в ЕС со «светлым будущим» и навязываемых неолиберальных ценностей. Об утомлении от ожидания в ходе визита в Брюссель заявил и новый председатель правительства Северной Македонии Х. Мицкоский (ВМРО-ДПМНЕ). Он, в частности, подчеркнул, что страна устала от постоянных препятствий на пути к членству в ЕС. Политик напомнил, что Скопье два с половиной десятилетия назад подписало Соглашение об ассоциации и стабилизации с ЕС, но чувствует себя униженным из-за равнодушия Брюсселя. «Я подчёркиваю, мы больше не принимаем ультиматумов»[251]. Требования в контексте членства в ЕС поступают в основном с болгарской стороны, которая не признает македонцев как этнос и рассматривает их язык в качестве диалекта

[250] North Macedonia’s Left Condemned for Aligning with Russia on Ukraine // Balkan Insight. – 18.03.2022. [Electronic resource]. – URL: https://balkaninsight.com/2022/03/18/north-macedonias-left-condemned-for-aligning-with-russia-on-ukraine/ (date of access: 21.06.2025).

[251] Северная Македония заявила об унижении со стороны ЕС // Фонд стратегической культуры. – 24.09.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fondsk.ru/news/2024/09/24/severnaya-makedoniya-zayavila-ob-unizhenii-so-storony-es.html (дата обращения: 02.09.2025).

болгарского (второй литературной нормы)[252]. Подтверждением данных фактов стали и сами результаты последних выборов в Северной Македонии в 2024 г. Коалиция «За европейское будущее» во главе с правящей партией СДСМ потерпела на них поражение[253]. Свою роль сыграла её ответственность за изменение госнаименования страны в пользу евроатлантической интеграции. Аналитики отмечают «катастрофический уровень доверия/недоверия правительству (21/75%) и парламенту (17/78%)», а также «болезненные для национального самосознания уступки в вопросе о названии государства, сделанные Греции и Болгарии ради ускоренного движения в ЕС»[254].

Кроме того, отражением настроений македонского общества в контексте курса на ускоренное вступление в ЕС и НАТО стали протесты против изменения госнаименования государства (которое воспринимается как неоправданная уступка части национальной идентичности). В июне 2018 г. более 1 тыс. македонцев (преимущественно сторонников на тот момент оппозиционной партии ВМРО-ДПМНЕ) собрались на митинг, целью которого было высказать свою гражданскую позицию в отношении Преспанского соглашения[255]. Отношение населения к самому Преспанскому соглашению было продемонстрировано в ходе референдума относительно приемлемости Преспанского соглашения о переименовании страны в Северную Македонию, который был признан "несостоявшимся" «из-за недостаточной явки избирателей – проголосовало 36,9 % вместо необходимых 50 % плюс один голос»[256].

---

[252] Bulgarian Deputy PM: International communism created a fake Macedonia // Greek City Times. – 2020. [Electronic resource]. – URL: https://greekcitytimes.com/2020/05/06/bulgarian-deputy-pm-international-communism-created-a-fake- macedonia/ (date of access: 20.09.2024).

[253] Претседателски и парламентарни избори 2024 / Државна изборна комисија. – 08.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rezultati-prv.sec.mk/mk/parl/r (дата обращения: 21.09.2024).

[254] Кандель П.Е. Выборы в Хорватии, Северной Македонии, Болгарии и Сербии / П.Е. Кандель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2024. – № 3. – С. 58.

[255] More than 1,000 Macedonians protest country's name change // Reuters. – 24.06.2018. [Electronic resource]. – URL: https://www.reuters.com/article/us-macedonia-greece-name/more-than-1000-macedonians-protest-countrys-name-change-idUSKBN1JJ165/ (date of access: 02.08.2023).

[256] Захарова: Референдум в Македонии раскрыл...

Интересным в рамках данной главы является и локальный ответ на санкции, которые представляют еще один инструмент западного неоколониального влияния на страны региона. Они, как правильно отметила авторитетный ученый-международник Е.Г. Пономарева, являются еще одним свидетельством «колониальных стигматов, поражающих британские верхи. Они нападают не просто на Додика как политического деятеля, они тем самым нападают на всех сербов, желая добиться от них полного подчинения и вассалитета»[257]. Однако лидер боснийских сербов не собирается сдаваться и предавать интересы собственного народа: он объявил о прекращении всех дипломатических контактов с посольствами Великобритании и США, которые ввели санкции против него и других членов руководства Республики Сербской. Кроме того, одним из последних было его заявление о том, что Босния и Герцеговина не войдёт в НАТО: «Буду предельно ясен: Босния и Герцеговина не войдёт в НАТО, имея в виду процедуру и закон, по которым Парламентская ассамблея должна на основе большинства предусмотренных для принятия решений достичь согласия». По словам Додика, сербы не забудут страдания гражданского населения и потому не допустят вступления в альянс[258]. Показательным является и то, что даже несмотря на активное внешнее влияние в ходе последних президентских выборов в Республике Сербской, победу на них одержал сторонник М. Додика.

В Боснии и Герцеговине «Белый дом» проводит в XXI в. системную работу по ослаблению позиций этнических партий и их лидеров: М. Додика (Союз независимых социал-демократов (Республика Сербская)), Д. Човича (Хорватское демократическое содружество) и Б. Изетбеговича (Партия демократического действия). Казначейство США поместило 13 физических лиц и компаний из БиГ в «черный список» торговли, а также ввело санкции в отношении ряда политиков.

---

[257] Пономарева Е.Г. Милорад Додик как зеркало британской политики на Балканах / Е.Г. Пономарева // Фонд стратегической культуры. – 24.06.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fondsk.ru/news/2024/06/24/milorad-dodik-kak-zerkalo-britanskoy-politiki-na-balkanakh.html (дата обращения: 17.07.2024).

[258] Додик: Республика Сербская не допустит вступления БиГ в НАТО // RT. – 07.07.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://russian.rt.com/world/news/1338041-nato-dodik-big (дата обращения: 12.09.2025).

Однако после всеобщих выборов в октябре 2022 г. стало очевидно, что правительство невозможно сформировать без указанных партий. Д. Чович, который формально уже не находится у власти, по-прежнему пользуется высоким рейтингом и популярностью у боснийских хорватов.

Еще одной темой навязываемого извне нарратива является «политика памяти», особенно в контексте деидеологизации коммунизма. В Боснии и Герцеговине, где благодаря усилиям западных стран в целом доминирует курс на «деидеологизацию» истории Второй мировой войны, были упразднены многие югославские праздники. Единственным исключением является 9 Мая. День Победы продолжает иметь государственный статус, так как энтитет Республика Сербская выступает против его отмены. Наиболее устойчивой в контексте западного влияния в Боснии и Герцеговине видится сербская идентичность – сербский народ активно её отстаивает. Тысячи боснийских сербов в апреле 2024 г. вышли на митинг в Баня-Луке, отрицая геноцид в Сребенице 1995 года (ответ на резолюцию Организации Объединенных Наций)[259]. В схожем ключе действуют и сербы в Белграде. Например, президент Сербии А. Вучич на дебатах «Присоединение Западных Балкан к ЕС» в рамках Глобального форума безопасности GLOBSEC 2024 заявил следующее : «Я не приезжал сюда, чтобы врать. Вы хотели, чтобы я сказал, что мы станем частью ЕС в 2028 году, но не станем. Я не хочу врать своему народу…[260]». В своем выступлении лидер Сербии также говорил о наличии у страны собственной политики.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы: мощным инструментом противодействия внешнему влиянию является национализм (чувство сопричастности). Он способствовал созданию балканских государств в XIX в., а в XXI в. позволяет балканским народам объединяться и ответ на «имперскую агрессию» (внешнее влияние) и попытки ограничения вестфальского

[259] Thousands of Bosnian Serbs attend rally denying genocide was committed in Srebrenica in 1995 // The Associated press. – 18.04.2024. [Electronic resource]. – URL: https://apnews.com/article/bosnia-serbs-srebrenica-genocide-denial-56d4c3b1e7dca96a5be28b66a9fcdc6a (date of access: 12.04.2024).
[260] Президенты Сербии и Черногории поспорили о сроках вступления в ЕС // RuSerbia.com. – 31.08.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ruserbia.com/politika/prezidenty-serbii-i-chernogorii-posporili-o-srokah-vstuplenija-v-es/ (дата обращения: 18.09.2024).

суверенитета стран. Отражением настроений общественности западнобалканских государств стали проведенные выборы, а также митинги на улицах городов. Народы ЗБ отчасти принимают стигму «балканскости», интернализируют навязанный образ, но при этом стараются представить его с положительной точки зрения. Ответами на внешний дискурс «балканизма» являются демонстрация патриотизма (гордости за свою страну и историю), противодействие в сфере «политики памяти» и этнический национализм.

Масштабы локального сопротивления находятся на невысоком уровне из-за в целом инертного отношения населения к происходящим внутриполитическим событиям (оно скорее бойкотирует референдум о смене госнаименования, чем проголосует против). Появление немейнстримных партий также стало инструментом мобилизации для противодействия навязанным извне ценностям, однако их роль пока не велика. Отдельного упоминания стоит противодействие в сфере «политики памяти» и устойчивых исторических нарративов. Оно позволяет пресечь попытки навязываемого извне культурного влияния, которое приводит к росту недоверия и расколу нацидентичности. Устойчивых форм локального сопротивления на общенациональном уровне в двух рассматриваемых кейсах выявить не удалось. Согласно материалу, проанализированному в рамках данной главы, они выражены на уровне отдельных этнополитических общин, которые ассоциируют себя с этнической принадлежностью, а не государственной.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕГО ВЛИЯНИЯ: БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА И СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ

Политика идентичности чрезвычайна сложна в контексте региона Западных Балкан. Государства Западных Балкан на протяжении своей истории постоянно сталкивались с проблемами идентичности (самоидентификации), и она всегда играла ключевую роль во всех политических процессах. Начиная с Османской империи, которая управляла территорией, где сейчас расположены страны региона, заканчивая попыткам построить в них общеевропейскую идентичность. Здесь вопрос идентичности строится на перипетии концептов государственности, этнической принадлежности, национальности, языка и религии.

Во второй главе были рассмотрены дискурсы внешних акторов, которые конструируют свои нарративы о Западных Балкан. В данной главе схожим образом анализируется ответный дискурс реципиентов внешнего влияния (Боснии и Герцеговины и Северной Македонии) на официальном и бытовом уровне. Материал представлен не только выступлениями политических лидеров, но и, в случае с боснийским кейсом, дополнительным неофициальным дискурсом жителей БиГ. Краткие интервью позволяют понять, как внешнее управление влияет на самовосприятие и самоописание боснийцев.

В данном разделе диссертации анализируется локальное переосмысление внешнего дискурса. Основными параметрами данного процесса выступают: способы определения национальной идентичности, соотношение этнического и гражданского уровня идентичности, использования исторической памяти, языка, государственности и внешнеполитической ориентации как элементов самоописания на официальном уровне. Таким образом, объектом критического дискурс-анализа становится не только внешнее влияние, но и формы его локальной переработки (адаптация, сопротивление, делигитимация, гибридизация и апелляция к суверенитету).

3.1. Формирование национальной идентичности в Боснии и Герцеговине: институциональный контекст

Босния и Герцеговина – это страна с гибридной идентичностью, где сосуществуют мусульмане (бошняки), хорваты-католики, православные сербы и другие этносы. Они жили на данной территории на протяжении многих веков. Ядром национальной идентичности боснийских сербов являются христианская православная вера в сочетании с памятью о средневековом сербском государстве, а также мечта о «Великой Сербии» (с включением в состав автономной Сербии). Ряд западных исследователей также отмечают тенденцию к её радикализации путем распространения антиисламских и антиосманских нарративов, которые привели к развитию национализма боснийских сербов в начале 1990-х годов[261]. Истоки идентичности боснийских хорватов связаны с идеями францисканских монахов XIV века. В отличие от боснийских православных верующих, которые всегда хранили память о средневековом сербском государстве, боснийские католики долгое время не имели связи с Хорватией. Развитию этого вида национализма способствовало влияние Австрийской империи. После 1878 года, когда Босния была оккупирована Австрийской империей, боснийско-хорватская идентичность полностью развилась, поскольку Босния и Хорватия были частью многонациональной Австро-Венгерской империи, а католическая вера стала верой правящих элит[262].

Идентичность боснийских мусульман в этническом плане восходит к периоду исламизации Боснии, экономическому и административному правлению мусульманской элиты в Боснии и Герцеговине и особому геополитическому положению Боснии в XVIII и XIX веках как прямого прифронтового государства, имеющего общую границу с Австро-Венгрией. Из-за этого положения на линии фронта в БиГ боснийские мусульмане «идентифицировали себя с государством

[261] Keil S. Multinational Federalism in Bosnia and Herzegovina: PhD thesis / S. Keil; University of Kent. – Canterbury, 2010. – 250 p.
[262] Attila H.M. The History of Bosnia: From the Middle Ages to the Present Day / H. Attila – London: Saqi, 2007. – 520 p.

больше, чем боснийские сербы и боснийские хорваты»[263]. Следует отметить, что полное развитие боснийских мусульман в этническую и национальную группу произошло после окончания правления Османской империи в Боснии и Герцеговине. В период нахождения в составе Австро-Венгерской империи мусульманская элита, добиваясь политических прав, создала собственные политические партии и организации. При этом в Боснии и Герцеговине всегда существовало несколько вариаций национализма и национальной самоидентификации. Боснийские мусульмане идентифицировали себя с Боснией и Герцеговиной и Османской империей одновременно, боснийские хорваты в XIX в. – с БиГ и Хорватией, а боснийские сербы – с БиГ и Сербией. Таким образом, можно сделать следующие выводы в контексте развития национальных идентичностей в БиГ. В их основе лежит религиозный фактор и историческая обусловленность (имперское прошлое), которые сыграли ключевую роль в дифференциации этнических групп.

В Боснии и Герцеговине процессы формирования национальной идентичности носят преимущественно институционально-структурный характер. Национализм направлен преимущественно на разделение по линии «свои» - «чужие». При этом корень противоречий был заложен еще во времена нахождения республики в составе СФРЮ (Югославии), территориальное устройство которой (федерация) было создано по национальному принципу. Каждая республика имела свою титульную нацию, но этот принцип не применялся в отношении Боснии и Герцеговины, которая де-факто не являлась ни сербской, ни хорватской, ни мусульманской. Они все в равной степени были и остаются титульной нацией. «Расколотая идентичность» стала актуальной проблемой мирного сосуществования этносов после провозглашения независимости Боснии и Герцеговины и выхода её на международную арену в качестве независимого актора.

[263] Babuna A. Nationalism and the Bosnian Muslims / A. Babuna // East European Quarterly. – 1999. – Vol. 33. – P. 195-218.

Как отмечают отечественные специалисты «спичкой, которая разожгла пожар гражданской войны, оказалось не столько провозглашение независимости, сколько признание этого государства международным сообществом в существующих границах….одному народу было разрешено реализовывать «право наций на самоопределение»[264], другому в таком же праве было отказано. Таким образом, несправедливость этнической представленности в рамках государства стала отправной точкой недоверия и напряженности в межэтнических отношениях основных национальных групп. Здесь уместен аргумент теории Б. Андерсона о «Воображаемых сообществах», что принадлежность к нации подразумевает необходимость жертв. Иногда эти потери вполне "осязаемы" и идентитарная борьба находит свое отражение в прямом военном конфликте. Война способствовала закреплению размежевания и самоидентификации по линии этнической принадлежности. Представители энтитетов (этнических общин БиГ) по-разному воспринимают свою этническую идентичность, не видя перспектив в создании общей гражданской идентичности. Построению последней препятствуют разные представления об истории и текущем векторе развития страны. Кроме того, самосознанием жителей государства активно манипулируют политические элиты, спекулирующие темой исключительности этнической идентичности, а также внешние акторы, стремящияся переформатировать её в рамках собственного видения. Процессы этнической сегрегации и политизации этничности привели к тому, что многие жители идентифицируют себя не в роли граждан БиГ, а как представителей своих этнических групп (сербы, хорваты или боснийские мусульмане). Это усиливает раскол и усложняет формирование общенациональной идентичности.

В Боснии и Герцеговине отсутствует единый официальный дискурс, который стал бы ответом внешнему давлению. Вместо единого дискурса сосуществуют, конкурируя за влияние, три дискурсивные линии. Первая (проевропейский государственный дискурс) основана на ориентации на укрепление общегосударственных институтов и вступление в ЕС, а также

[264] Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса…, С. 56.

создание единого политического пространства[265]. Вторая (преимущественно сербский дискурс) – наиболее ярко выражена в дискурсе руководства Республики Сербской. Основными категориями выступают соблюдение Дейтонского соглашения, нелегитимность внешнего управления[266], защита конституционных прав энтитета[267] и отказ от вступления в НАТО[268]. Третья (бошняцкий дискурс), в которой международное вмешательство оценивается через категории внешних угроз бошнякам-мусульманам[269] и безопасности государства[270].

В официальном языке БиГ представлены разные модели политической идентичности: гражданская (общенациональная), этническая и «основанная на нарративе самовиктимизации»[271]. Каждая из них конструируется через дискурс угрозы, исторической памяти и внешнего вмешательства. Внешние игроки (ЕС, НАТО, Россия) становятся ключевыми объектами дискурса, через которые формируются представления о «своих» и «чужих»[272].

---

[265] Becirovic: The Road to the EU is a generational Project for the State of BiH // Sarajevotimes. – 06.03.2024. [Electronic resource] – URL: https://sarajevotimes.com/becirovic-the-road-to-the-eu-is-a-generational-project-for-the-state-of-bih/ (date of access: 19.09.2024); Bosnia advocates EU enlargement at Salzburg Summit // Trend.az. – 30.09.2025. [Electronic resource]. – URL: https://www.trend.az/balkans/4097362.html (date of access: 30.03.2026).

[266] Президент Республики Сербской подчеркнул неприемлемость деятельности Шмидта...

[267] Додик: Республика Сербская находится в завершающей фазе своей политической борьбы // РИА Новости. – 10.08.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20250810/dodik-2034411250.html (дата обращения: 10.09.2025).

[268] Додик: Республика Сербская не допустит вступления БиГ в НАТО // RT. – 07.07.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/world/news/1338041-nato-dodik-big (дата обращения: 12.09.2025).

[269] Suljagic warns of coordinated anti-Bosniak campaign emerging from Western centers // N1 Sarajevo. – 05.03.2026. [Electronic resource]. – URL: https://n1info.ba/english/news/suljagic-warns-of-coordinated-anti-bosniak-campaign-emerging-from-western-centers/ (date of access: 21.03.2026).

[270] Lagumdžija: Bošnjaci ne smiju upasti u zamku kao Srbi, sukob sa Zapadom bi bio poguban // Novi.ba. – 20.09.2023. [Electronic resource]. – URL: https://novi.ba/clanak/413322/lagumdzija-bosnjaci-ne-smiju-upasti-u-zamku-kao-srbi-sukob-sa-zapadom-bi-bio-poguban (date of access: 20.10.2025); Konaković pali alarm: BiH hitno treba NATO kišobran // Ljudski.ba. 28.07.2024. [Electronic resource]. – URL: https://www.ljudski.ba/politika/konakovic-pali-alarm-bih-hitno-treba-nato-kisobran (date of access: 30.01.2026).

[271] Энтина Е.Г. и др. 30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния? / под ред. Е.Г. Энтиной – М.: Зебра Е, 2025. С. 58.

[272] Izetbegović: Drska je izjava ruskog veleposlanika da BiH ne bi trebala u EU // Nacional. – 12.05.2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.nacional.hr/izetbegovic-drska-je-izjava-ruskog-veleposlanika-da-bih-ne-bi-trebala-u-eu/ (date of access: 30.03.2026).

В постколониальной интерпретации Босния и Герцеговина – пространство борьбы за право говорить от имени государства, где нет единой дискурсивной стратегии. Таким образом, В Боснии и Герцеговине локальный ответ внешнему влиянию представлен разрозненными дискурсами (несколькими видами самоописания), поэтому важно анализировать этническую составляющую общебоснийского дискурса.

Это подтверждается и критическим дискурс-анализом интервью из научной монографии «30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния?»[273]. В отличие от официального дискурса, здесь объектом анализа являются не заявления руководителей государств и политических партий, а повседневный язык самоописания. Прежде всего, хотелось бы отметить, что наряду с этноконфессиональной самоидентификацией, в интервью присутствуют и надэтнические (гражданские) формы самоописания (присутствует респондент, называющий себя одновременно гражданином Республики Боснии и Герцеговины, «скорее югославом» и «боснийцем» (М74, босниец)). Повседневый дискурс фиксирует сосуществование конкурирующих режимов самоописания. Связано это с тем, что навязываемые извне категории политической принадлежности сталкиваются с локальными представлениями о политическом сообществе страны.

Образ Боснии и Герцеговины как государства в интервью не является однородным. С одной стороны, присутствуют высказывания, где БиГ рассматривается как суверенное государство, которое «тоже нужно иметь в виду» даже при признании его слабости (Ж24, бошнячка), как «страна всех нас» (Ж22, хорватка). С другой стороны, повседневный дискурс наполнен лексическими маркерами слабого, зависимого или даже несостоявшегося государства. Респонденты говорят о коррупции, отсутствии субъекта, «который бы принимал решения», зависимости от международной воли и репрессивных механизмов внешнего контроля (Ж24, бошнячка, М42, хорват). В сербском дискурсе представлен конфедеративный сценарий как условие возможной

[273] Энтина Е.Г. и др. 30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния?..., С. 7-33.

функциональности БиГ (М31, серб). Представитель боснийских хорватов допускает даже распад государства как один из вероятных сценариев (М42, хорват).

Отдельное место в интервью занимает Сараево как символический центр боснийского государства. Здесь наиболее ярко проявляется конфликт дискурсивных линий. В одном варианте Сараево описывается как «оазис полиэтнических общностей» и открытый городской центр, негативный образ которого создаётся политиками, а не реальной городской жизнью (М74, босниец). В другом – как главный финансовый и властный узел – функциональный центр принятия решений (Ж24, бошнячка). В третьем – как «фейк-исламизированный», производящий негативную энергию город, где хорватская и сербская идентичность переживаются как неудобные или вытесненные (Ж22, хорватка; М42, хорват; М31, серб). Сараево в повседневном дискурсе выступает не в роли столицы, объединяющей все народы, а как место конкуренции нарративов. Через призму постколониальной теории это можно интерпретировать как противостояние за символический центр постконфликтного государства.

Наибольшее недоверие интервьюируемые высказывают фигуре Высокого представителя. Он описывается либо как внешний субъект, который «не знает мой язык, мою культуру, мою историю» и тем не менее «говорит мне, что делать» (Ж22, хорватка), либо как «колониальный правитель» (М31, серб). Здесь на дискурсивном уровне проявляется вопрос суверенитета – опека международного сообщества воспринимается как категория внешней колониальности и подмена права локальных этнических сообществ на собственный путь развития. Особо примечательны высказывания о социальных проблемах общества: коррупции, бедности, депопуляции и отсутствии будущего. Практически все этнические группы говорят о высоком уровне коррупции, отсутствии возможностей, зависимости от импорта, вероятном сокращении населения, массовом отъезде и общем ощущении стагнации (Ж24, бошнячка; Ж28, бошнячка; М38, серб; М28, серб). Таким образом, внешнее влияние рассматривается не только как вопрос

высоких политических решений, но и как невозможность нормальной жизни в государстве, находящемся под постоянной внешней опекой.

Интервью органично дополняют материал официальных выступлений, так как в них существеннее проявляются вопросы существования этнических границ, межнационального общения и дружбы. Подтверждается общий тезис о том, что локальное сопротивление в Боснии и Герцеговине чаще проявляется на уровне этнических общин. При этом в повседневном дискурсе сохраняются и гражданские (надэтнические) формы самоописания. Критический дискурс-анализ интервью показал, что на уровне повседневого дискурса Босния и Герцеговина является пространством амбивалентной принадлежности со слабо выраженной общей (объединяющей) рамкой. Таким образом, интервью позволяют сопоставить повседневные формы самоописания, а также восприятия внешнего вмешательства.

Ключевая характеристика политической системы Боснии и Герцеговины, возникшей после подписания Дейтонского мирного соглашения – это разделение власти между тремя национальными группами и двумя энтитетами. Таким образом, Боснию можно охарактеризовать как сложную консоциативную модель с высокой территориально-политической автономией энтитетов, поскольку в рамках федеративной системы, дающей широкие полномочия, сосуществуют компактно проживающие в региональном масштабе нации. «Согласно конституции, которая является составной частью Дейтонского мирного соглашения, Босния и Герцеговина состоит из двух энтитетов: Федерации Боснии и Герцеговины, где проживают бошняки-мусульмане и хорваты, и Республики Сербской, населённой преимущественно православными сербами. Многие бошняки-мусульмане рассматривают разделение Боснии на эти примерно равные образования как передачу военных трофеев боснийским сербам. Боснийские сербы, в свою очередь, рассматривают этническое территориальное образование с сербским большинством как защиту своих прав»[274]. Это неудивительно, учитывая тот факт,

[274] Крапива М.Е. Формирование боснийской нацидентичности / М.Е. Крапива // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2024. – № 4. – С. 70.

что бошняки-мусульмане составляют более 50 процентов населения. Сербский энтитет рискует быть не на ведущих ролях при формировании общенациональной повестки, представляя национальное меньшинство. Наглядным примером служит судьба хорватского народа, у которого нет собственного энтитета.

Данная политическая система часто подвергается критике за усиление поляризации общества по этническому принципу, закладывая этническую идентичность в основу политической. Оперируя терминологическим аппаратом российского политолога И.С. Семененко, данную ситуацию можно назвать «кризисом государственного мультикультурализма»[275]. Суть данного явления заключается в обособлении групповых идентичностей по этническим, конфессиональным и культурным признакам. Если брать случай Боснии и Герцеговины, то на практике это проявляется в том, что политические партии, основанные по принципу этнической принадлежности, стараются привлечь на свою сторону избирателей из соответствующих этнических общин. По мнению зарубежных учетных, лидеры этнических партий используют «раскольническую» националистическую риторику, чтобы отвлечь внимание от серьезных проблем, затрагивающих страну в целом[276].

Сложность межэтнического диалога усугубляется внешним влиянием, которое играет немаловажную роль в кризисе национальной идентичности страны. Мир в стране был искусственно навязан извне под давлением западных стран, что соответствует духу колониальных традиций, где метрополия диктует свои условия периферии. Если рассматривать Дейтонское соглашение как постколониальный проект, то оно фактически легитимизировало концепт «некровласти»[277]. Международное сообщество через Высокого представителя решает, кто из этносов (сербы/хорваты/мусульмане) имеет право на политическое существование и представленность на общегосударственном уровне, а кто – нет.

---

[275] Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности / И.С. Семененко // ПОЛИТЭКС. – 2011. – Том 7. (2). – С. 5-24.

[276] Warner F. U.S. and European Countries: Overview, Policy and Implications / F. Warner. – New York: Nova Science Publishers, 2021. – 315 p.

[277] Мбембе А. О постколонии / А. Мбембе / пер. с англ. В.И. Петрова. – М.: Гилея, 2018. – 448 с.

Босния и Герцеговина как отдельная полития никогда не имела федеративного устройства (вплоть до 1995 г.). Важно отметить, что решение о её федерализации было принято внешними акторами (международным сообществом в лице ЕС и США), т.е. не было основано на воле народов БиГ. Разделение государства по этническому принципу стало своего рода сегрегацией («..в школах преподают разные версии «национальных предметов», в некоторых регионах Боснии разногласия приводят даже к появлению сегрегированных школ, которые разделяют школьников разных этнических групп и обучают их по разным учебным программам»[278]). Кроме того, оно носило дискриминационный характер. Западный вектор влияния характеризовался попытками лишить Республику Сербскую субъектности и территориальной целостности. Провозглашение округа Брчко отдельной административно-территориальной единицей под международным контролем привело к потере связи между двумя частями энтитета Республики Сербской.

Данная система, основанная на этническом разделении, воспроизводит механизмы контроля, используемые при классическом колониализме. Несмотря на широкие полномочия энтитетов, в рамках дейтонской системы существует неоколониальный надзорный орган, который способен их нивелировать – аппарат Высокого представителя (АВП), который был учрежден в соответствии с «Соглашением об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования» (приложение 10)[279]. Деятельность данного постколониального института (в научной среде Боснию и Герцеговину иногда именуют «последний протекторат в Европе») на современном этапе вызывает все больше вопросов. Наднациональная структура, призванная содействовать поиску компромиссных решений в деле формирования общегражданской идентичности, игнорирует интересы этнических общин с целью принудительной централизации страны для интеграции в евроатлантические структуры. Как отмечают отечественные

[278] Крапива М.Е. Формирование боснийской нацидентичности…, С. 72.
[279] General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina (Dayton Agreement). – 21.11.1995. [Electronic resource]. – URL: https://www.osce.org/sites/default/files/f/documents/e/0/126173.pdf (date of access: 22.06.2023).

исследователи, фактически – это территория под международным управлением, которое характеризуется попытками ревизии базового соглашения («поглощения властных полномочий энтитетов центральной властью для решения «сербского вопроса»[280]).

Принудительная унификация в рамках общего государства может привести к потере части национальных интересов отдельных этносов. Видится, что межэтническим общинам было бы лучше самим находить компромиссные решения, основанные на обоюдном консенсусе. Ситуация усугубляется многоуровневой мимикрией внутри страны. С одной стороны, БиГ, как государство-кандидат на членство в ЕС, «мимикрирует» под западные институты и законы. С другой стороны, каждый из государствообразующих народов мимикрирует под свой «национальный центр». Бошняки-мусульмане «мимикрируют» под турецкое/исламское наследие, боснийские сербы – под Сербию, отмечая общность православной и славянской идентичности, хорваты «мимикрируют» под католическую идентичность.

На данном этапе аппарат Высокого представителя служит геополитическим интересам коллективного Запада. Его дальнейшее развитие формирует «культуру зависимости», которая является основной угрозой международного вмешательства в постконфликтное урегулирование[281]. Происходит де-факто управление в зоне ограниченной государственности с принудительным нарушением вестфальского (внутреннего) суверенитета независимого государства. Инструментарием данного типа управления является искусственное формирование нарративов об исторических событиях. Для этого используются методы по конструированию идентичности в области политики памяти и забвения.

Институциональная разделенность на «жертв» и «агрессоров» была окончательно закреплена в 2021 г., когда Высокий представитель в Боснии и

[280] Попадьева Т.И. Формирование гражданской идентичности как фактор преодоления …, С. 79.
[281] Sören K. Das Crux mit der Intervention' in: Forschungsstelle Osteuropa Bremen (Ed.): Das Ende des postsozialistischen Raums? (Ent-)Regionalisierung in Osteuropa / K. Sören // Beiträge für die 17. Tagung junger Osteuropa-Experten. Bremen. – 2009. – P. 132.

Герцеговине В. Инцко внес поправки в уголовный кодекс Боснии и Герцеговины. Они предусматривают запрет на отрицание геноцида в Сребренице в 1995 г. Данное решение де-юре закрепляет за бошняками-мусульманами монополию на сохранение статуса пострадавшей стороны. Запрет отрицания геноцида со стороны наднационального органа является примером навязывания нарратива и трактовки событий. Президент Республики Сербкой не признал это решение и заявил, что его энтитет «не будет ничего делать под внешним давлением»[282]. Локальным ответом стало введение властями Республики Сербской уголовной ответственности за характеристику энтитета как «геноцидного образования».

Данная тема была затронута и на площадках международных организаций. По инициативе Руанды и ФРГ в мае 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила резолюцию о признании «геноцида в Сребренице»[283], осуждающую сербов за кровопролитные события конца XX века, закрепляя в сознании поколений представления о боснийских сербах как об этноцидном народе. Президент Сербии А. Вучич, комментируя данную резолюцию на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, отметил, что "раны станут глубже, разделение увеличится"[284]. Данный нарратив вписывается в постколониальную парадигму. Как пишет главный теоретик данного направления Х. Бхабха: «Вопрос идентификации никогда не является утверждением предопределенной идентичности, не есть самоисполняющиеся пророчество – это всегда создание образа идентичности и трансформация субъекта в принятии этого образа»[285]. Примечательным в этой связи является сообщение для прессы посольства США в БиГ, где особо

[282] Онако како су забрљали, тако нек и одбрљају": Додик о спекулацији страних медија о исправљању закона о Сребреници // Новости.rs. – 22.12.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.novosti.rs/c/republika-srpska/vesti/1068771/onako-kako-zabrljali-tako-nek-odbrljaju-dodik-spekulaciji-stranih-medija-ispravljanju-zakona-srebrenici (дата обращения: 30.03.2026).

[283] Резолюция ГА ООН Международный день размышления и памяти о геноциде 1995 года в Сребренице, 11 июля, принятая 20 мая 2024 г. на 78-й сессии ГА ООН. A/78/L.67/Rev.1 // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.un.org/ru/A/78/L.67/Rev.1 (дата обращения: 19.02.2025).

[284] Вучич заявил, что резолюция ГА ООН по Сребренице усугубит ситуацию в регионе // Интерфакс. – 23.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/962054 (дата обращения: 19.02.2025).

[285] Homi K. Bhabha The Location of Culture…, P. 45.

подчеркивается, что «...геноцид в Сребренице – это не предмет споров, а исторический факт»[286]. Таким образом, можно сделать вывод, что западный подход по оказанию влияния на боснийскую национальную идентичность носит преимущественно деструктивный (неоколониальный) характер и не отвечает в полной мере интересам народов. Ситуация напоминает логику Берлинского конгресса 1878 г., когда великие державы определяли судьбу балканских народов, искусственно делимитируя границы государств и разделяя этносы.

Негативный тренд прослеживается и в турецком влиянии. Анкара, не проводя разделения по линии «свой-чужой» и стараясь сотрудничать со всеми этническими общинами западнобалканских государств, все же основной упор делает на бошняков-мусульман (последовательно поддерживала их в ходе военного конфликта). Турецкая сторона оказывает влияния на самосознание молодого поколения, прививая им свое видения ислама. Это способствует росту недоверия у православного (сербского) населения страны и ведет к дальнейшей этнической сегрегации. Стоит отметить важную роль и «особых» отношений турецкого руководства с лидерами бошняков-мусульман.

Китайский проект по влиянию на боснийскую нацидентичность реализуется посредством учрежденного аналитического центра «Один пояс и один путь», а также филиалов института Конфуция в Баня-Луке и Сараево. Данные инициативы связаны с попыткой Китая укрепить свое влияние в гуманитарной сфере в Боснии и Герцеговине для проецирования китайского культурного влияния. Как и в случае с Россией, наиболее тесные связи, в ходе данного исследования были выявлены с Республикой Сербской (благодаря особым связям Китая с сербским населением). Об этом говорят и шаги китайской стороны на международной арене: голосование против резолюции о геноциде в Сребренице и т.д.

В российском внешнеполитическом дискурсе наиболее последовательно артикулируется тезис о прямом диалоге местных общин без расширения внешней

[286] Statement on High Representative’s Decision on Enacting the Law on Amendment to the Criminal Code of BiH // U.S. Embassy in Bosnia and Herzegovina. – 23.07.2021. [Electronic resource]. – URL: https://ba.usembassy.gov/statement-on-high-representatives-decision-on-enacting-the-law-on-amendment-to-the-criminal-code-of-bih/ (mode of access: 20.09.2024).

опеки. Россия неоднократно говорила о том, что «закрытие Аппарата Верховного представителя как инструментария внешнего влияния позволит стране выбирать собственный путь и строить собственную национальную идентичность[287]». Данный подход рассматривается как наиболее приемлемый в восприятии сербского населения и политических элит. Однако её крепкие связи с Республикой Сербской не позволяют оказывает столь же сильное влияние на идентичность бошняков-мусульман, несмотря на имеющийся ресурсный потенциал. Видится, что Россия и Турция отчасти способствуют этнической фрагментации страны по линии религиозных воззрений. Влияние «оплота православного мира» распространено в сознании жителей Республики Сербской, а «защитника мусульман на Балканах» – в Федерации БиГ (преимущественно в мусульманских кантонах).

При этом разделение власти в Боснии само по себе не является проблемой. Сложный механизм его реализации не оставляет простора для неформальных соглашений между политической элитой. Представители боснийского истеблишмента, в свою очередь, не идентифицирует себя с системой разделения власти, поскольку она не возникла естественным путем через поиск компромисса, а была им навязана извне. Данную ситуацию можно охарактеризовать как «кризис государственного мультикультурализма»[288], который характеризуется обособлением групповых идентичностей по этническим, конфессиональным и культурным признакам. Это подтверждается и результатами последней переписи населения страны, согласно которым 50,7% граждан БиГ назвались мусульманами, 30,7% – православными, а 15,2% – католиками. При этом этническая и религиозная самоидентификация почти полностью совпали: 50,1% идентифицируют себя как бошняки, 30,8% – сербы и 15,4% – хорваты[289].

[287] Крапива М.Е. Формирование боснийской нацидентичности…, С. 79.
[288] Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики…, С. 17.
[289] Census of population, households and dwellings in Bosnia and Herzegovina, 2013: Final results / Agency for Statistics of Bosnia and Herzegovina. – 2016. [Electronic resource]. – URL: http://www.popis2013.ba/popis2013/doc/Popis2013prvoIzdanje.pdf (date of access: 20.10.2024).

Постколониальная теория применима к Боснии и Герцеговине в следующих аспектах. «Третье пространство» (мультикультурное пространство сосуществования народов) здесь не является местом гармонии, оно проявляется насильственной гибридизацией и амбивалентностью. Постколониальность связана как с имперским наследием, так и с географическим положением и зависимостью от внешних сил. Будущее страны во многом зависит от того, сможет ли «третье пространство» способствовать созданию новых, менее конфликтных форм гибридности, которые бы выходили за рамки бинарностей этнических общин. В связи с этим наиболее важным фактором в становлении общебоснийской (гражданской) национальной идентичности видится достижение общенационального консенсуса относительно природы боснийского государства и его институциональной структуры.

3.2. Формирование национальной идентичности в Северной Македонии: политико-нормативный контекст

В Северной Македонии формирование национальной идентичности осуществляется преимущественно в нормативно-политическом и дискурсивном измерении. Проблема «расколотой идентичности» в стране связана с внутренней идентитарной борьбой и этническим разделением между македонцами-славянами и проживающими в стране албанцами. Российские балканисты отмечают тенденцию к практически четырехкратному увеличению албанской общины (за последние 40 лет), которая привела к «концентрации албанско-мусульманского населения и геттоизации (изоляции) западной и северо-западной частей страны, где албанцы стали большинством»[290]. Это подтверждается и статистическими данными: согласно переписи 2021 г., население государства составляет 1 млн 836 тыс. 713 жителей: 58.44% – македонцы-славяне, 24.3% – албанцы, 3.86% – турки, 2.53% – цыгане, 1.3% –

[290] Попадьева Т.И. Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии / Т.И. Попадьева // Обозреватель-Observer. – 2021. – № 10. – С. 58.

сербы и менее 1% другие этнические группы[291]. Следовательно можно сделать вывод, что албанское население составляет практически четверть населения страны.

В Северной Македонии македонские славяне идентифицируют себя как «македонцы», а македонские албанцы – как «албанцы». Дополнительным фактором размежевания и самоидентификации становится религия (все македонские албанцы исповедуют ислам, в то время как славяне по большей части православие). Специалисты по региону стараются использовать термин «македонские албанцы» для размежевания последних с албанцами из Тираны и албанцами из Косово (косоварами). Балканисты отмечают следующие базовые идентитарные различия славян и албанцев в этой маленькой балканской стране: 1) расхождения по линии вероисповедания – христианство (православие) и ислам 2) место жительства – славяне населяют преимущественно города, а албанцы – сельскую местность 3) род занятий у македонцев-славян в основном в сфере промышленности, у албанцев – в сельском хозяйстве[292].

Напряженность в отношениях между двумя этническими группами связана с формированием образа (восприятия), который каждая этническая община имеет о себе и других. В частности, македонские албанцы, противопоставляющие себя македонской славянской национальной идентичности, «считают себя потомками древних иллирийцев, появившихся на этой земле гораздо раньше славян, поэтому это им дает гораздо больше прав с точки зрения истории претендовать на данную территорию»[293]. Примечательно, что они никогда не были полноценно интегрированы в македонское общество, и из-за этого воспринимаются в стране как наиболее проблемная этническая община. Албанцы распространили свое влияние на исламскую общину Северной Македонии, что привело к её албанизации (распространении в религиозной среде албанского языка). Среди

[291] Република Северна Македонија. Државен завод за статистика. – 2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://popis2021.stat.gov.mk/Активности/Вкупното-резидентно-население-на-Република-Северна-Македонија-изнесува-1-836-713-жители/ (date of access: 10.02.2024).
[292] Alpidis K. Inter-ethnic conflict resolution. The case of North Macedonia: MPhil(R) thesis / K. Alpidis; University of Glasgow. – Glasgow, 2020. P. 21.
[293] Ibid.

албанской общины Северной Македонии крайне непопулярны идеи о создании наднациональной гражданской идентичности албанцев и македонцев[294].

У македонцев-славян – комплексная национальная идентичность, которая зачастую оспаривается другими народами. Нарратив македонской идентичности, активно пропагандируемый в эпоху нахождения у власти бывшего премьер-министра страны Н. Груевского (2006-2016 гг.) утверждал, что македонцы связаны с историческим регионом Македония (нынешняя территория которого поделена между современными Болгарией, Грецией и Северной Македонией) и они являются правопреемниками части наследия Александра Великого: «в 2010 году правительство премьер-министра страны Н. Груевского начало реализацию масштабного проекта «Скопье - 2014», в рамках которого центр города был украшен в неоклассическом стиле памятниками различных исторических деятелей (среди них – памятник Александру Македонскому (на данный момент называется «Воин на коне») и Филиппу II Македонскому»[295]. Нельзя не согласиться с позицией отечественных исследователей о том, что античный нарратив стал своеобразной формой по декоммунизации (Северной) Македонии[296], что является косвенным последствием политики ЕС, проводимой в отношении этого балканского государства. Однако проблема заключается в том, что социалистическое прошлое страны является чуть ли не единственным аспектом идентичности страны, который не оспаривается другими акторами. Югославия была спасением для отдельных национальных идентичностей, где неустойчивые и новосфомированные нацидентичности были защищены от внешнего вмешательства. Другой стороной вопроса является попытка с помощью обращения к более древнему периоду античности (антикизации) защитить собственную идентичность внутри страны. Оно стало «важным инструментом, с

[294] Попадьева Т.И. Религиозный фактор формирования…, С. 59.
[295] Крапива М.Е. Мультиэтничность как средство достижения целей стран Запада…, С. 112.
[296] Салаватова А.В. Европейская интеграция как фактор македонской национальной идентичности / А.В. Салаватова // Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 216.

помощью которого подвергается сомнению иллирийский миф и автохтонность албанского населения и их претензии на территорию страны[297]».

Другой нарратив, отчасти противоречащий первому – связь современных македонцев-славян с болгарскими революционерами конца XIX - начала XX века, которые идентифицировали себя в качестве «македонцев» и боролись за освобождение македонской автономии от османского ига. В частности, Гоце Делчев (1872–1903 гг.) в Македонии считается идеологом и организатором революционного национально-освободительного движения. Первый нарратив активно оспаривался греческой стороной вплоть до подписания Преспанского соглашения 2018 г. и изменения государственного наименования страны на Северная Македония (что де-факто является признанием славянской, а не эллинийской идентичности).

Нарратив о революционерах неприемлем для болгарской стороны. Официальная София, препятствующая евроинтеграции Северной Македонии, «считает македонскую нацию искусственным конструктом югославского лидера И. Броз Тито и утверждает, что еще столетие назад македонцы были болгарами»[298]. Следовательно, можно говорить о многоаспектности комплексного характера «расколотой идентичности» в Северной Македонии. С одной стороны, присутствует идентитарный раскол (в контексте формирования общегражданской идентичности) внутри страны между македонцами-славянами и македонскими албанцами, а, с другой стороны, очевидна высокая степень неустойчивости в отношении самой македонской славянской идентичности, которая должна стать фундаментом государствообразующей нации.

Стране удалось избежать гражданской войны после распада СФРЮ, но она столкнулась с внутренним сепаратистским конфликтом в XXI веке. Кризисная ситуация была спровоцирована так называемой «Освободительной национальной

---

[297] Вишняков Я.В. «Политическая античность» на постъюгославском пространстве / Я.В. Вишняков // Новая и новейшая история. – 2022. – № 4. – С. 100.

[298] Ibáñez M.F. Albanians' integration in North Macedonia remains complex 20 years after Ohrid Accords / M.F. Ibáñez // Nationalia. – 04.11.2021. [Electronic resource]. – URL: https://www.nationalia.info/new/11429/albanians-integration-in-north-macedonia-remains-complex-20-years-after-ohrid-accords (date of access: 20.02.2024).

армией» (ОНА), (Ushtria Çlirimtare Kombëtare – UÇK (алб.)), состоящей из македонских и косовских албанцев, которая «при помощи её западных кураторов»[299] начала военный конфликт. Представляется важным отметить, что изначальным требованием албанских боевиков была сецессия отдельных регионов страны, населенных преимущественно албанцами. Однако в ходе мирных переговоров они согласилась на сосуществование со славянами в рамках одного государства, если получат больше прав для албанцев, а государственное политическое устройство будет децентрализовано. В западной научной среде превалирует тезис о том, что албанцы добивались получения равных прав с македонцами-славянами для албанской этнической общины в (Северной) Македонии, что не совсем соответствует действительности. Парадокс ситуации заключается в том, что, несмотря на успешные действия македонской армии против албанских сепаратистов, последние «были переквалифицированы в легитимных участников навязанных Западом переговоров»[300]. Лидер ОНА А. Ахмети впоследствии стал самым влиятельным албанским политиком в Северной Македонии, а его партия «Демократический союз за интеграцию» (ДСИ) вплоть до последних выборов участвовала в формировании македонского правительства.

Результатом переговоров стало подписанное в 2001 г. при посредничестве ЕС и НАТО Охридское рамочное соглашение, которое было призвано ослабить межэтническую напряженность посредством внедрения в стране консоциативных механизмов. Интерес представляют следующие положения данного договора. «Данное соглашение до сих пор рассматривается как основа нормализации межэтнических отношений в стране путем развития гражданского общества, основной ценностью которого является уважение этнической принадлежности всех граждан страны. Документ закрепляет равенство всех граждан перед законом и исключает дискриминацию по национальному признаку (из преамбулы

[299] Пономарева Е.Г. Македония – 2001: исторические предпосылки и политические последствия кризиса / Е.Г. Пономарева // Научно-исследовательский журнал Обозреватель-Observer. – 2022. – № 5-6. – С. 118.
[300] Там же. С. 121.

Конституции удалены упоминания об «этнических группах», вместо этого введено понятие «гражданин Македонии») путем пропорциональной представленности различных национальностей в органах местного самоуправления. В качестве государственного языка выбран македонский, но допускается и использование родного языка национальных меньшинств, составляющих более 20% общего числа населения страны»[301].

Данные шаги должны были улучшить межэтнические отношения, но на практике лишь институционализировали этническое разделение. В рамках одного государства были созданы параллельные этнические системы, где этническая принадлежность в политической жизни играет ключевую роль[302]. Македонский народ (славяне), который составляет большинство страны, по сути не определяет формулу, по которой должны быть интегрированы остальные этнические общины. В частности, п.7 Охридского рамочного соглашения «Представление идентичности»[303] регламентирует использование местными властями национальных эмблем рядом с официальной символикой Республики Македонии. Данное положение довольно вольно трактуется местной албанской этнической общиной: в западных регионах страны повсеместно размещаются исключительно албанские флаги (без официального государственного). Подобные шаги можно квалифицировать как вызов македонской национальной идентичности и территориальному суверенитету страны. Вследствие этого представители местной этнической политической элиты являются главными бенефициарами этнического разделения, характеризующегося наличием сегрегированных районов компактного проживания этнических общин в главных городах страны. Здесь

[301] Крапива М.Е. Мультиэтничность как средство достижения целей стран Запада…, С. 113.
[302] Piacentini A. State-sharing through power-sharing': accepting the ethnic divide. The Republic of North Macedonia 20 years after the Ohrid Framework Agreement? / A. Piacentini // 50 Shades of Federalism. – 2021. – [Electronic resource]. – URL: https://50shadesoffederalism.com/case-studies/state-sharing-through-power-sharing-accepting-the-ethnic-divide-the-republic-of-north-macedonia-20-years-after-the-ohrid-framework-agreement/#more-1333 (date of access: 13.07.2023).
[303] Framework Agreement. Concluded at Ohrid, Macedonia. Signed at Skopje, Macedonia. – 13.08.2001. [Electronic resource]. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/2/8/100622.pdf (date of access: 22.06.2023).

также прослеживается непосредственная связь между действиями албанской политической элиты и распространением албанского национализма.

Консоциативный подход[304] в Северной Македонии основан на соглашении между правящими элитами. Подтверждением данного тезиса могут служить слова северомакедонского юриста Л. Фрчковского (был министром внутренних дел с 1992-1995 гг., а также членом делегации Македонии, которая разрабатывала проект Охридского соглашения): «Поначалу соглашение не получило одобрения македонской этнической общины, которая считала, что албанцы обретают права, которых даже не существовало в ЕС... Соглашение не могло быть отправлено на референдум, так как оно попросту не было бы принято. Нас считали предателями национальных интересов»[305]. Поэтому ряд ученых и экспертов говорят о необходимости модернизации положений данного рамочного соглашения.

Проблемным, в связи с этим, является вопрос титульной (конституционной) нации, который является отголоском конфликта 2001 года и подписанного Охридского рамочного соглашения. Национальное меньшинство (которое себя таковым не считает) – македонские албанцы – требует все больше прав и уступок со стороны центрального правительства: статуса государствообразующего народа, повсеместного использования албанского языка наравне с македонским. Такое поведение этнической общины определяется её спецификой. Для албанцев вопрос этнической и религиозной принадлежности является первостепенным (среди албанской этнической общины превалирует мнение о том, что ислам является фундаментом албанской этнической идентичности), поэтому вопрос лояльности государству определяется тем, насколько гражданская идентичность для них сможет быть привлекательнее этнической. Албанский национализм, который объединяет представителей этой этнической общины в единую нацию, может быть заменен только концептом конституционного патриотизма по Хабермасу,

[304] Лейпхарт А. Демократия в составных обществах / А. Лейпхарт. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 286 с.
[305] Ibáñez M.F. Albanians' integration in North Macedonia…

когда общая политическая культура доминирует в представлениях всех граждан страны.

Здесь прослеживается рычаг внешнего влияния на македонскую нацидентичность – задействование албанского фактора, который используется для осуществления смены политической власти в интересах западных государств. Этим объясняется и радикализация настроений этнических албанцев. Таким образом, можно сделать вывод, что ЕС и США способствуют «актуализации имеющихся межэтнических противоречий в угоду своим внешнеполитическим интересам»[306]. Данная стратегия вызывает дальнейшую межэтническую напряженность и раскалывает общегражданскую идентичность. Именно внутренний национальный раскол не позволяет суверенному государству избавиться от внешнего протектората при конструировании национальной идентичности. Разрешение внутренних разногласий позволит сформировать устойчивую гражданскую идентичность, которая сможет «стать фактором успешного преодоления этнополитической конфликтности»[307].

Другой стороной идентитарного кризиса является непосредственное давление на внутреннюю идентичность извне. Об этом пишут отечественные специалисты-политологи: «Неизменным вызовом для македонской национальной идентичности с самого начала ее формирования была ситуация отрицания ее международно-политической субъектности со стороны соседних народов. Претензии касаются наименования государства, самостоятельного статуса македонского языка, исторической политики, автокефалии македонской церкви и даже самого факта существования македонской этничности»[308]. Речь идет о споре о госнаименовании с Грецией, а также дискурсивном противостоянии с Болгарией. Предметом дебатов стали проблемы национальной принадлежности исторических деятелей и статуса македонского языка. Позиция болгарской

[306] Павлова А.В. Эволюция консоциативной системы в Северной Македонии / А.В. Павлова // Сравнительная политика. – 2022. – № 13(3). – С. 126.
[307] Попадьева Т.И. Формирование гражданской идентичности как фактор преодоления…, С. 132.
[308] Салаватова А.В. Европейская интеграция как фактор македонской национальной идентичности / А.В. Салаватова // Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 211.

стороны основана на отрицании, как лингвистической самостоятельности македонского языка, так и самого существования македонцев в качестве отдельной этнической общности.

Северная Македония стала заложницей развития этнонационализма в регионе, когда «этносы вынуждены бороться за одно и то же культурное и политическое наследие»[309]. Болгария и Северная Македония имеют общих национальных героев, память о которых увековечена в праздновании Илинденского восстания 2 августа 1903 г. (национальный праздник в обеих странах). Разница заключается лишь в трактовке исторического нарратива: для Северной Македонии болгарские революционеры стали «своими» – македонцами (имеется в виду территориальная идентичность), борцами за независимость (автономию) Македонии, для Софии они с этнической точки зрения являются болгарами.

Таким образом, можно сделать вывод, что постколониальная динамика в Северной Македонии формируется следующими факторами:

1. Смешением различных культур, которое формировалось как под влиянием Османской империи, так и во время нахождения в составе Югославии. Культура и идентичность страны являются гибридом османского, славянского (сербского и болгарского), античного и югославского социалистического наследия.

2. «Гибридностью» национальной идентичности, которая формировалась на основе общего славянского субстрата (языка, исторических нарративов) как отличная от болгарской и сербской. Гибридность проявляется и в её постоянном переосмыслении под внутренним (албанским) давлением и внешним влиянием (евроинтеграция). Амбивалентность национальной идентичности обусловлена наличием «трещин» в нарративе (в официальный нарратив активно включаются альтернативный – албанский), что характерно для гибридности, описываемой Х. Бхабхой.

3. Попытками Северной Македонии активно «мимикрировать» под западные политические, экономические и правовые стандарты. При этом данная

[309] Вишняков Я.В. «Политическая античность» на постъюгославском пространстве…, С. 122.

мимикрия полна искажений: европейские ценности сталкиваются с местными патриархальными, демократические процессы затруднены наличием высокого уровня коррупции и непотизма.

4. Наличие «третьего пространства», где размыты классические «бинарные оппозиции» (македонец-славянин/албанец, православный/мусульманин), так как они пересматриваются из-за необходимости межэтнического диалога. Этнические общины постоянно ведут переговорный процесс. Он осложняется активным внешним давлением, когда национальный нарратив сталкивается с нарративами внешних сил (Болгарии и Греции).

С точки зрения теории постколониализма, её можно рассматривать как пример "символического постколониализма", где главное противостояние разворачивается не вокруг природных ресурсов, а сосредоточено на нематериальном наследии: праве на государственное наименование, историю, язык и собственную культуру.

Внешнее давление усугубляет имеющиеся внутренние идентитарные противоречия. Подписанное в 2018 г. Преспанское соглашение с Грецией[310], которое должно было способствовать евроинтеграции, усилило среди населения чувство несправедливости и расколотой идентичности[311]. Брюссель обозначил урегулирование спора с Грецией как обязательное условие интеграции, что подразумевало необходимость переименования Македонии (отказа от части её идентичности, госнаименования). Это является общей тенденцией политики конструирования мультиэтничности в биэтнических обществах. «Случай Северной Македонии в данном контексте не является исключением, а лишь подтверждает закономерность (возможное вступление в ЕС может привести к дальнейшему притеснению прав большинства в угоду меньшинству)»[312]. Кроме того, стране по-прежнему не удалость преодолеть фактор религиозной

[310] Prespa Agreement. – 12.06.2018. [Electronic resource]. – URL: https://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-aggliko-keimeno.pdf (date of access: 22.06.2023).
[311] Jordanovska I. Identity Insecurity: North Macedonia’s Challenging Relationship With Itself and Others / I. Jordanovska // New Lines Institute. – 2021. – P. 24-30.
[312] Крапива М.Е. Мультиэтничность как средство достижения целей стран Запада…, С. 118.

независимости в самоидентификации населения (размежевание по линии православие - ислам).

Все эти проблемные вопросы легли в основу официального дискурса Северной Македонии. Таким образом, он строится вокруг следующей конфигурации конфликтных ситуаций: споры вокруг государственного наименования[313], конституционных изменений[314], статуса языка, исторического наследия и пределов уступок для евроинтеграции[315]. В дискурсивных фреймах прослеживаются две линии. Первая позиционирует европейскую интеграцию как безальтернативный стратегический курс. Вторая фиксирует путь в ЕС как давление на македонскую идентичность и её атрибуты[316].

Наиболее значимыми (с точки зрения дискурс-анализа) являются маркеры суверенитета и символического самоописания: официальное название государства, конституция, язык, история, флаг и характер отношений между титульной нацией и национальными меньшинствами. Дискурс внешнего вмешательства воспринимается местным населением не только как попытка институциональной перестройки, но и как покушение на атрибуты суверенитета.

При этом в дискурсе Северной Македонии прослеживается стратегия адаптационной гибкости. Несмотря на критику ЕС и внешнее давление нет отказа

---

[313] Почему президент Северной Македонии отказалась произносить название своей страны // RG.ru. – 12.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2024/05/12/pochemu-prezident-severnoj-makedonii-otkazalas-proiznosit-nazvanie-svoej-strany.html (дата обращения: 12.05.2024); Протести против промена на името // DW. – 28.02.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dw.com/mk/протести-против-промена-на-името-македонија-не-ја-продаваме/a-42765364 (дата обращения: 28.04.2023).

[314] Времето за отворање на Уставот сè уште не е дојдено! // Нова Македонија. – 26.03.2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://novamakedonija.com.mk/makedonija/politika/vremeto-za-otvoranje-na-ustavot-se-ushte-ne-e-dojdeno/ (дата обращения: 30.03.2026).

[315] Македонија го заслужува членството во ЕУ, потребна е јасна политичка одлука на земјите членки // Вечер. – 04.12.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vecer.mk/makedonija/f5f3d8a2-6087-44c6-87a0-5c5cbe8a2404-1 (дата обращения: 11.02.2026).

[316] Премьер-министр Северной Македонии Мицкоски заявил, что его страну «давят» на пути к членству в ЕС // Euronews. – 10.11.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.euronews.com/my-europe/2025/11/10/premer-ministr-severnoj-makedonii-mickoski-zayavil-chto-ego-stranu-davyat-na-puti-k-chlens (дата обращения: 11.12.2025).

от вектора на европейскую интеграцию[317]. Речь идет о попытке включить македонскую идентичность в европейскую цивилизационную рамку. В постколониальной интерпретации это соответствует логике мимикрии и конфликтной адаптации: внешняя норма не просто копируется, а принимается и перерабатывается в условиях внутренней борьбы за символические границы нации.

В публичном дискурсе македонских албанцев прослеживается отдельная дискурсивная линия, которая имеет точки соприкосновения с македонской (славянской). В качестве главного стратегического партнера и гаранта защиты от угрозы территориальной целостности выступают США[318]. В риторике лидеров албанских политических партий Северной Македонии превалирует тезис о том, что албанцы хотят видеть Северную Македонию «унитарным государством, интегрированным в НАТО и ЕС»[319]. Они выражают недовольство внешней политикой македонских правительств, которая ведет к «пробуксовке» процесса евроинтеграции. В этой связи Россия и Сербия в албанском дискурсе представлены как источник дестабилизирующего влияния. Оно рассматривается как попытка подорвать проевропейский курс в стране[320].

Ответный дискурс Северной Македонии сочетает сопротивление внешнему давлению с попытками продолжить мимикрию под европейские стандарты. Национальная идентичность в дискурсе македонских политиков формируется под влиянием внешнеполитической ориентации.

---

[317] Мицкоски: Останuваме посветени на евроинтеграциите, но граѓаните чувствуваат горчина // Република. – 16.05.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://republika.mk/vesti/makedonija/miczkoski-ostanuvame-posveteni-na-evrointegracziite-no-graganite-chuvstvuvaat-gorchina-2/ (дата обращения: 23.03.2026).

[318] Gashi in Washington quoted Kennedy and George Bush Jr. // Слободен Печат. – 02.02.2026. [Electronic resource]. – URL :https://www.slobodenpecat.mk/en/gashi-vo-vashington-gi-citirashe-kenedi-i-dzhordzh-bush-pomladiot/ (date of access: 03.03.2026).

[319] Ахмети: Македонците можат да постојат само во ЕУ и НАТО // Lider.mk. – 12.09.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lider.com.mk/makedonija/ahmeti-makedoncite-mozat-da-postojat-samo-vo-eu-i-nato/ (дата обращения: 30.03.2026).

[320] Ахмети: Кога Русија го загрозува светскиот мир со закана на употреба на нуклеарно оружје, нема како да седиме мирни ние на Западен Балкан // Civil Media. – 19.03.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://civilmedia.mk/ahmeti-koga-rusija-go-zagrozuva-svetskiot-mir-so-zakana-na-upotreba-na-nuklearno-oruzhje-nema-kako-da-sedime-mirni-nie-na-zapaden-balkan/ (дата обращения: 30.03.2026).

Основной проблемой нациестроительства в Северной Македонии является то, что для ведущих внешних акторов она видится зоной с ограниченной государственностью (субалтерном), где нет современного национального государства с завершенным процессом формирования национальной идентичности. Подход «коллективного Запада» (ЕС и США), носит интервенционистский характер. Он направлен на активную интеграцию страны в евроатлантические структуры. Северная Македония стала XXX членом НАТО несмотря на отсутствие интереса населения к членству в военном альянсе. Подтверждением данного факта стала низкая явка на референдуме по изменению госнаименования[321] с одновременным включением в повестку дня вопроса о поддержке вступления в ЕС и НАТО, а также митинги наиболее активной части гражданского населения против изменения госнаименования страны[322]). Курс на ускоренную евроинтеграцию направлен на защиту интересов меньшинства в ущерб большинству. Оперируя терминами теоретика постколониальных исследований Х. Бхабхы, данное явление можно охарактеризовать как обратный «национальный трайбализм», когда национальное меньшинство под мнимой экзистенциальной угрозой навязывает свою волю большинству (диктатура). Западные игроки при этом поддерживают исключительно албанский национализм. Иные формы групповой самоидентификации не рассматриваются. Уход от консоциации и унитарной формы территориального устройства может подорвать хрупкую государственность Северной Македонии, а вместе с ней – идею о македонской национальной идентичности.

Демократизация страны в видении ЕС подразумевает постоянные уступки не только внутреннего характера, но и на международном уровне (странам-членам ЕС). Политика обусловленности определяется степенью лояльности политических элит официальному курсу Брюсселя. Таким образом, страна-кандидат на членство

---

[321] Комментарий Департамента информации и печати МИД России по итогам референдума в Республике Македонии. – 01.10.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/maps/mk/1576368/ (дата обращения: 01.10.2024).

[322] Протести против промена на името // DW. – 28.02.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dw.com/mk/протести-против-промена-на-името-македонија-не-ја-продаваме/а-42765364 (дата обращения: 28.04.2023).

в ЕС принимает новые правила и нормы в условиях, когда её национальным интересам и предпочтениям брошен вызов. Переговорный процесс о вступлении является «неиерархическим» способом политического управления. Порядок в представлении стран Запада это «по-прежнему репрезентативная власть социальной и культурной генеалогии Запада, евроцентричных культурных и эстетический ценностей»[323]. В рамках данного порядка выстраивается и линия на взаимодействие ЕС со странами-кандидатами по линии «мы» - «чужие». Принадлежность к странам Западных Балкан является своеобразным указание на то, что её представители не относятся к «нам», не являются полноценными европейцами.

Интеграция страны в евроатлантические структуры сопряжена с проводимой в её отношении неоколониальной политикой западных стран, которые ограничивают её суверенитет, превращая в периферию зоны собственного влияния. В Северной Македонии насаждаются неолиберальные ценности, противоречащие традиционным устоям македонского общества, предпринимаются активные попытки переписать историю, вычеркнув из нее македонцев-славян (изменение госнаименования страны, давление на национальную идентичность (отказ от истории и языка) в пользу третьих стран). Македонцам запрещается использовать символы и лозунги, связанные с македонской идентичностью, если это противоречит интересам Греции. Ситуацию усугубляет амбивалентность политики ЕС. Интеграционное объединение требует мимикрии (проведения необходимых реформ), постоянно выражая сомнение, насколько страна соответствует критериям европейского государства.

Турция была одной из первых стран, признавших независимость Македонии. Она использует ресурс «мягкой силы» (распространяет культурные и образовательные программы на всех бывших территориях Османской империей, особенно в странах со значительной долей мусульманского населения). В Северной Македонии Анкара инвестирует в сферы образования, культуры и

[323] Рашковский Е.Б. Африка: постколониальный дискурс. Колл. монография. / отв. ред. Т.М. Гавристова и Н.Е. Хохолькова. – М.: ИАфр РАН, 2020. С. 58.

религии (хотя и не имеет существенного влияния на мусульманскую общину в Северной Македонии). Тем не менее, главными реципиентами турецкого содействия, как и в случае ЕС, являются македонские албанцы. Работа по оказанию влияния на сознание мусульманского населения ведется на всех образовательных уровнях (от среднего образования до высшего, а также в медиапространстве). Кроме того, у Анкары есть еще один «рычаг управления» – проживающее в странах турецкое меньшинство, которое способствует культурной экспансии. Данный проект характеризуется спорной эффективностью, поскольку страна населена преимущественно православными христианами, народом, один из основных нарративов которого направлен против насильственной исламизации (восстание болгарских революционеров), поэтому «неоосманизм» не пользуется популярностью среди немусульманского населения. Турецкая сторона пытается реконструировать свой имидж, но убедить македонский народ в универсальности своего подхода ей пока не удается.

Китай традиционно поддерживает хорошие двусторонние отношения с Северной Македонией и признавал её ранее под конституционным названием «Республика Македония». Пекин сотрудничает с Северной Македонией в рамках проекта «Один пояс, один путь», который направлен на создание современной версии шелкового пути, который, как было отмечено ранее, является и инструментом распространения идеологического влияния. В сфере образования и культуры Китай представлен Институтом Конфуция в Скопье. Китайское влияние прослеживается, но основным препятствием служит отсутствие тесных исторических и культурных связей, объединяющих два народа.

Наиболее эффективным мог оказаться российский проект по влиянию на македонскую национальную идентичность. Связано это с позитивным восприятием славянским македонским населением России (благодаря общему вероисповеданию, историческим и культурным связям народов), а также с общей политикой памяти в годы Второй мировой войны. Важным фактом в связи с этим является то, что «в Македонии не было масштабной политики декоммунизации и

осуждения югославского прошлого, как в других пост-югославских республиках (за исключением Сербии»[324].

Россия, зачастую выступая в роли защитника православных народов (если рассматривать её внешнюю политику через историческую ретроспективу), также воспринимается как некий противовес Западу с его неолиберальными ценностями. Однако на данном этапе ресурс её «мягкой силы» пока слабо задействован, несмотря на имеющийся потенциал, который не удается реализовать из-за полной лояльности западнобалканской политической элиты официальному курсу Брюсселя и настороженному отношению албанцев к российскому фактору.

В постколониальной интерпретации внешнее влияние направлено на формирование самоописания локальных сообществ. Однако в обоих кейсах локальные общества не выступают пассивным объектом внешнего нормотворчества. Они адаптируют и переосмысливают внешний дискурс.

Сравнительный анализ двух кейсов (см. Таблицу 2 и График 3) показывает, что внешнее дискурсивное влияние не порождает единого типа симметричного ответа. В Боснии и Герцеговине оно способствовало закреплению трех разных дискурсивных линий, в которых разные политические субъекты по-разному описывают государство и собственную идентичность. Ответ на внешнее вмешательство фрагментирован и обусловлен архитектурой дейтонской системы. В Северной Македонии ответный дискурс связан с защитой элементов внутренней идентичности – государственного наименования, конституции, языка и статуса македонской идентичности в условиях внешнего давления. Если боснийский кейс демонстрирует дискурсивную фрагментацию, то северомакедонский – дискурсивную адаптацию конфликтного типа.

[324] Салаватова А.В. Европейская интеграция как фактор македонской национальной…, С. 216.

Таблица 2. Сравнение Боснии и Герцеговины и Северной Македонии

Кейс	Модель идентичности	Отношение к внешнему вмешательству	Ключевые дискурсивные маркеры	Формы сопротивления / адаптации / гибридизации
Босния и Герцеговина	конкурирующие этнополитические и государственно-гражданские модели	проевропейское против внешнего вмешательства (НАТО)	Дейтонское соглашение, Высокий представитель, государствообразующие народы, Республика Сербская, территориальная целостность, НАТО, Сребреница	сопротивление через апелляцию к суверенитету, адаптация через дискурс ЕС, гибридизация через вынужденное сосуществование несовпадающих официальных нарративов
Северная Македония	македонская /государственная идентичность, албанская /этническая идентичность	амбивалентное: ЕС как ресурс и одновременно как источник давления	государственное наименование, конституция, язык, флаг, болгары, Преспанское соглашение, суверенитет, ЕС	сопротивление через протесты и символическое непринятие уступок, адаптация через сохранение курса на вступление в ЕС, гибридизация через совмещение национальной повестки и навязанных извне нарративов

Источник: составлено автором

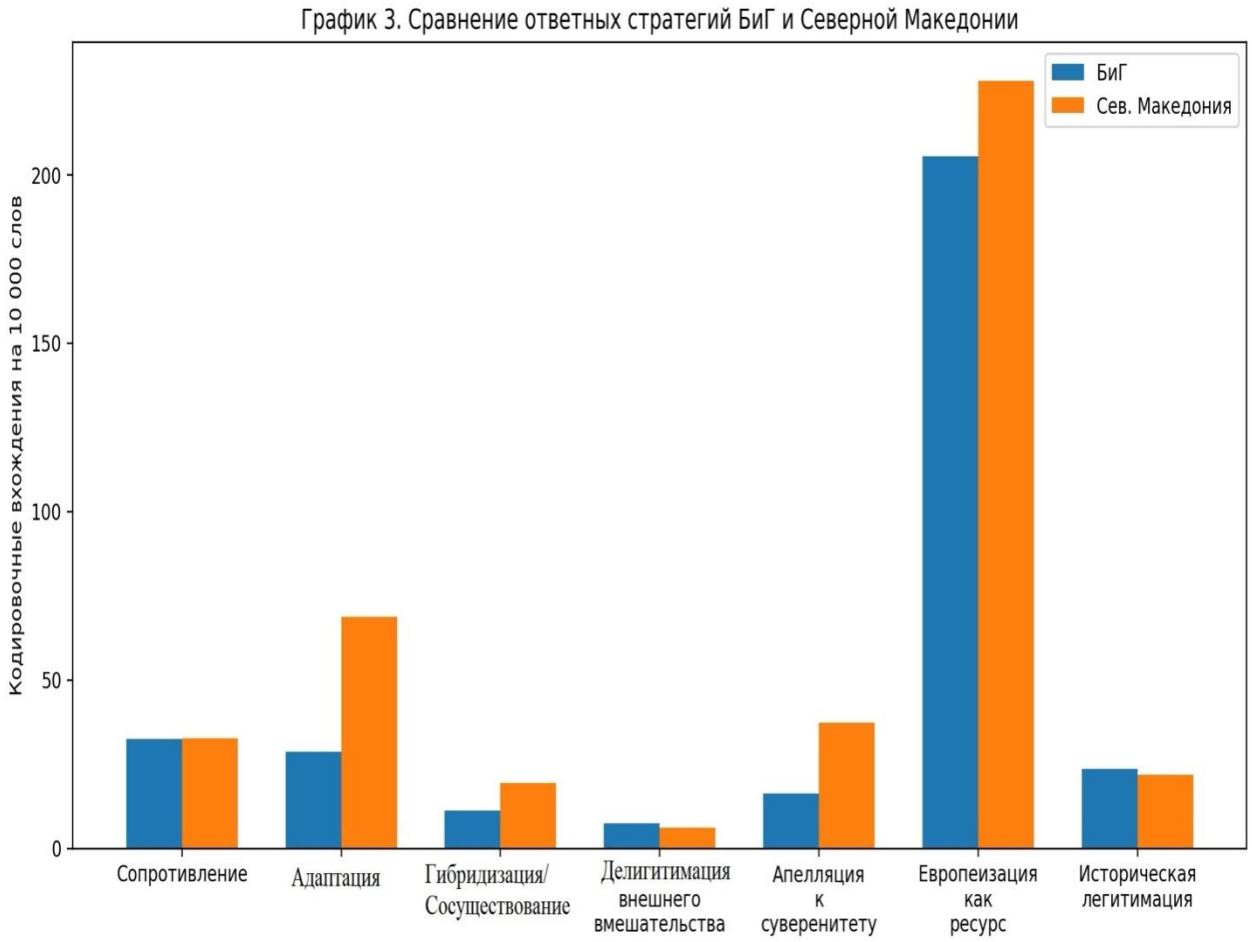

Рис. 3. Сравнение ответных стратегий БиГ и Северной Македонии
Источник: составлено автором

Главное отличие случая Северной Македонии от кейса Боснии и Герцеговины заключается в том, что в стране изначально была государствообразующая (титульная) нация, статус который в данный момент находится под угрозой. Этому активно способствовало Охридское рамочное соглашение, которое де-факто легитимизировало понятие «гражданин Македонии» без этнической привязки. Преамбула конституции 1991 г. давала следующее определение Республике Македонии: «...национальное государство македонского народа, гарантирующее полное гражданское равенство и постоянное сосуществование македонского народа с албанцами, турками, влахами, цыганами

и представителями других национальностей...»[325]. Согласно Охридскому соглашению[326], преамбула конституции была переформулирована с целью декларирования Республики Македонии в качестве гражданского государства, а не национального государства македонцев: «Граждане Республики Македония, принимая на себя ответственность за настоящее и будущее своего отечества, осознают и благодарны своим предшественникам за их самопожертвование и самоотверженность в их начинаниях и борьбе за создание независимого и суверенного государства Македония, несут ответственность за будущие поколения...»[327]. Кроме того, если Дейтонское соглашение защищает все этнические общины в политической системе Боснии и Герцеговины, наделяя их правом вето, то в ходе имплементации Охридского рамочного соглашения можно констатировать постоянные односторонние уступки македонцев-славян македонским албанцам.

Резюмируя вышесказанное, отмечаем следующую тенденцию: механизмы внешнего воздействия в Северной Македонии направлены на трансформацию идентичности в рамках целого государства. В то время как в Боснии и Герцеговине они способствуют консервации идентитарных границ, которые были заложены Дейтонским соглашением. Связано это с разным конституционным устройством государств. Сложная постдейтонская консоциативная модель с высокой территориально-политической автономией энтитетов Боснии и Герцеговины, позволяющая энтитетам иметь параллельные связи с другими государствами, создает внешним акторам готовые сферы влияния – они работают над усилением разных энтитетов. Северная Македония – унитарное государство, где существует единое поле конкуренции по

[325] Конституција на Република Македонија од 1991 // Службен весник на Република Македонија. – Скопје, 1991. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/10558 (дата обращения: 22.06.2023).

[326] Framework Agreement. Concluded at Ohrid, Macedonia. Signed at Skopje, Macedonia. – 13.08.2001. [Electronic resource]. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/2/8/100622.pdf (date of access: 22.06.2023).

[327] Annex A constitutional amendments. Framework Agreement // Organization for Security and Cooperation in Europe. – 13.08.2001. [Electronic resource]. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/2/8/100622.pdf (date of access: 22.06.2023).

формированию идентичности, определению македонцев в общегражданском измерении. В стране идет системная работа по конструированию идентитарных процессов, которая подразумевает уступки в историческом и культурном нарративах. Разное устройство определяет и другие механизмы воздействия. В БиГ оно носит характер "опеки", что препятствует формированию гражданской идентичности. В СМ задействован инструментарий условности и внешнего стимулирования, ставя идентичность в прямую зависимость от внешнего фактора. В Боснии и Герцеговине внешнее воздействие приводит к поляризации идентичности, так как воспринимается этническими общинами как поддержка их оппонентов. В Северной Македонии фактор влияния внерегиональных акторов способствует трансформации и гибридизации национальной идентичности, вызывая внутренний раскол между сторонниками и противниками подобных тенденций (прозападными силами и консервативным большинством).

Схожесть кейсов заключается в том, что на данном этапе на роль государствообразующей нации претендуют представители сразу нескольких этнических общин, которые не видят себя в рамках единой общегражданской идентичности, что является косвенным следствием политики внешних акторов в отношении этносов данных стран.

Важно отметить, что на данном этапе внешние силы также пытаются деконструировать Дейтонскую систему с целью реализации македонского сценария. Ответом на их воздействие становится локальное внутреннее сопротивление. Общая черта двух кейсов проявляется и в активном задействовании внешними акторами ресурса "мягкой силы" для оказания влияния на формирование национальных идентичностей: использование связей между религиозными общинами, образовательные программы, политика в области формирования символических нарративов и определенных трактовок исторических событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование было направлено на выявление механизмов влияния внерегиональных акторов на процессы формирования национальных идентичностей в странах Западных Балкан в пост-югославский период. Центральный исследовательский вопрос заключался в том, каким образом внешнее участие в условиях ограниченной государственности воздействует не только на институциональное устройство, но и на символические, нормативные и политические основания коллективного самоописания, а также, почему сходные по типу внешние импульсы приводят к различным результатам в конкретных национальных контекстах. Выбор Боснии и Герцеговины и Северной Македонии в качестве основных кейсов позволил рассмотреть два варианта переработки внешнего воздействия в обществах с незавершённым процессом консолидации политического сообщества, где вопросы суверенитета, идентичности и допустимых границ внешнего участия сохраняют высокую степень политической значимости.

Решение первой задачи, связанной с анализом теоретических подходов, позволило обосновать применимость постколониальной аналитической рамки[328] к исследованию Западных Балкан. В работе показано, что продуктивность данного подхода для анализа региона определяется не механическим переносом моделей классического колониализма на балканский материал, а возможностью использовать его для исследования устойчивых асимметрий власти, внешнего нормотворчества, практик символического доминирования и механизмов конструирования периферии. Именно в таком расширительном понимании постколониальная оптика позволяет рассматривать Западные Балканы как пространство, в котором внешние акторы воздействуют не только на институты, но и на суверенитет, политическую легитимность и основания коллективной

[328] Said E.W. Orientalism / E.W. Said. – N.Y.: Pantheon Books, 1978. – 368 p.; Мбембе А. О постколонии / А. Мбембе / пер. с англ. В.И. Петрова. – М.: Гилея, 2018. – 448 с.; Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Марксизм и интерпретация культуры / под ред. К. Нельсона и Л. Гроссберга; пер. с англ. Н. Г. Матвеевой. – М.: Прогресс, 2001. – С. 271–313; Мбембе А. О постколонии / пер. с англ. В.И. Петрова. – М.: Гилея, 2018. – 448 с.

идентичности. Важным итогом первой главы стало и то, что постколониальный подход в рамках данного исследования не используется изолированно. Его аналитические возможности были усилены за счёт соединения с концепцией ограниченной государственности[329], теоретическими подходами к национализму и концепцией «балканизма»[330], позволяющей конкретизировать регионально специфические формы внешнего дискурсивного конструирования.

Существенным результатом исследования стало уточнение того, что ограниченная государственность в западнобалканском контексте представляет собой не только характеристику слабости государственных институтов, но и политическое условие расширения внешнего участия в тех сферах, которые в консолидированном национальном государстве обычно относятся к компетенции внутренних институтов. После распада Югославии государства региона столкнулись с дефицитом управленческой эффективности, высоким уровнем межэтнической напряжённости, спорностью ряда конституционных решений и ограниченной способностью центра самостоятельно обеспечивать политическое согласование. Это создало условия, при которых внешние акторы получили возможность воздействовать не только на реформы, безопасность и международную ориентацию, но и на сами критерии политической легитимности, на допустимые параметры государственности и на представления о том, какая именно модель коллективной идентичности может считаться желательной, приемлемой и политически «нормальной». Тем самым влияние внешних сил затронуло не только процедурную сферу, но и более глубокий уровень политической общности.

Решение третьей и четвёртой задач позволило установить, что внерегиональные акторы по-разному участвуют в борьбе за интерпретацию Западных Балкан и за легитимное определение их политического будущего. ЕС и

---

[329] Risse T. Governance in Areas of Limited Statehood: Introduction and Overview. In Governance Without a State? Policies and Politics in Areas of Limited Statehood / T. Risse. – N.Y.: Columbia University Press, 2011. – 312 p.

[330] Todorova M. Imagining the Balkans / M. Todorova. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 209 p.

США в исследовании выступают как акторы нормативно-институционального воздействия. Их политические стратегии строятся на идее трансформации региона через реформы, условность, мониторинг, внешнее сопровождение, поддержку программ «демократизации» и встраивание западнобалканских государств в евроатлантическое пространство. Наиболее значимым политическим следствием такого подхода является стремление связать легитимность политического порядка и перспективу внешнеполитического признания с глубокой институциональной перестройкой принимающих обществ. Турция использует иной тип воздействия. Её присутствие в регионе в большей степени опирается на историко-культурную память, религиозную близость, особые связи с мусульманскими общинами, образовательные и культурные каналы влияния, а также на формирование представления о собственной особой роли в балканском пространстве. Россия и Китай, в свою очередь, ограничивают монополию западного дискурса, но делают это различными способами. Российский подход строится вокруг суверенитета, исторической общности, межцерковных и культурных связей, а также критики внешнего нормативного наставничества. Китайская стратегия носит преимущественно экономико-инфраструктурный характер и сопряжена с языком партнёрства, развития, невмешательства и взаимной выгоды. При этом установлено, что различия между внешними акторами проявляются не только в масштабах их присутствия, но и в политически значимых моделях легитимации собственного участия в регионе.

Анализ внешнего воздействия позволил показать, что оно не сводится к набору технических инструментов, направленных на достижение краткосрочных внешнеполитических целей. Внерегиональные акторы воздействуют на процессы формирования идентичности через разные каналы: институциональную перестройку, международную условность, политику памяти, образовательные и культурные проекты, религиозные связи, инфраструктурные и инвестиционные программы, а также через дискурсивное производство представлений о самом регионе, его государствах и населяющих их сообществах. В результате в исследовании удалось продемонстрировать, что борьба внешних игроков ведётся

не только за политическое влияние в узком смысле, но и за право определять легитимную модель политического сообщества на Западных Балканах, допустимые пределы суверенитета, соотношение гражданской и этнической лояльности, а также то, какие именно идентификационные рамки считаются совместимыми с желательным политическим порядком.

Общим результатом исследования стало установление того, что в анализируемых западнобалканских кейсах внешнее воздействие не приводит к формированию устойчивой общегражданской идентичности. Напротив, оно чаще способствует укреплению этнических и религиозных форм самоидентификации, поскольку встраивается в уже существующие линии размежевания и нередко усиливает их политическое значение. Это особенно важно с точки зрения политической науки, поскольку показывает: идентичность в условиях ограниченной государственности не является лишь культурным или символическим феноменом. Она выступает политико-институциональной переменной, от которой зависят представительство, легитимность, характер мобилизации, распределение полномочий и устойчивость самого государственного порядка. Исследование показало, что внешние проекты, даже когда они декларируют цели стабилизации, модернизации или интеграции, не снимают автоматически внутренних этнополитических противоречий, а нередко перераспределяют их в новых институциональных и дискурсивных формах.

Пятая задача, посвящённая Боснии и Герцеговине, позволила установить, что в данном кейсе внешнее участие преимущественно консервирует идентитарные границы, заложенные постдейтонским устройством. Сложившаяся после 1995 года политическая архитектура закрепила этническую принадлежность в качестве основного принципа политической организации, представительства и легитимации. В этих условиях внешние акторы получили возможность воздействовать на внутреннюю политическую динамику не в пустом пространстве, а в уже структурированном сегментарном порядке, где разные этнополитические сообщества по-разному воспринимают государство, суверенитет и допустимые границы внешнего вмешательства. Итогом такого

воздействия стала не интеграция политического сообщества на общегражданском уровне, а воспроизводство этнополитической сегментации политического пространства. Общегражданская идентичность в Боснии и Герцеговине остаётся слабой не только вследствие исторических причин, но и потому, что внешнее участие перерабатывается здесь на уровне отдельных этнополитических общин, а не в рамках единого общегосударственного проекта.

Анализ боснийского кейса показал и более важную в теоретическом отношении особенность: внешнее воздействие в Боснии и Герцеговине функционирует как фактор поддержания особого режима политической зависимости, при котором значительная часть ключевых вопросов внутриполитического развития продолжает восприниматься через призму международной опеки, внешнего арбитража и перераспределения полномочий между внутренними и внешними участниками. Это делает Боснию и Герцеговину наиболее наглядным примером того, как ограниченная государственность и постконфликтное устройство могут превращать внешнее участие в постоянный элемент политической системы. При этом исследование показало, что даже там, где внешние акторы формально выступают в роли гарантов мира и институциональной стабильности, их присутствие не нейтрализует этнополитические конфликты, а задаёт рамки, внутри которых эти конфликты воспроизводятся в институционализированном виде.

Важным дополнением к анализу боснийского кейса стали материалы интервью[331], позволившие сопоставить официальный и повседневный уровни самоописания. Они показали, что локальное сопротивление внешнему воздействию существует не только в дискурсе элит, партий и руководителей этнополитических общин, но и на уровне обыденного языка. Для части респондентов внешнее участие связано с представлениями о несамостоятельности государства, о его зависимом положении и о невозможности полноценного политического самоопределения. При этом в повседневном дискурсе сохраняются как гражданские, так и надэтнические формы самоописания, однако они не

[331] Энтина Е.Г. и др. 30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния?..., С. 7-33.

образуют устойчивой объединяющей рамки. Такой результат важен не только как эмпирическое наблюдение, но и как политологический вывод: даже на уровне повседневной идентичности боснийский случай демонстрирует отсутствие согласованной общегосударственной модели политической общности, а значит, ограниченность ресурсов для формирования устойчивой гражданской лояльности.

Шестая задача, связанная с Северной Македонией, позволила выявить другой тип воздействия внешнего фактора. В отличие от Боснии и Герцеговины, где внешнее участие встраивается в уже сегментированную постдейтонскую систему, в Северной Македонии внешнее давление направлено на идентичность государства в целом и затрагивает базовые символические параметры государственности: государственное наименование, конституционную формулу, языковой вопрос и исторический нарратив. Это означает, что внешний импульс воздействует не только на отдельные политические практики, но и на саму рамку, в которой государство определяет себя как политическое сообщество. Внешнее нормативно-политическое воздействие в северомакедонском случае не приводит к консервации уже сложившейся сегментации, а ведёт к трансформации и гибридизации национальной идентичности.

При этом исследование показало, что такая трансформация носит конфликтный характер. Внешние требования, связанные с евроинтеграцией, урегулированием споров о государственном наименовании, конституционных изменениях и интерпретации исторического наследия, не принимаются автоматически и не воспринимаются как политически нейтральные. Они становятся предметом внутреннего спора между различными политическими силами, между элитами и обществом, а также между различными этнополитическими сегментами страны. В результате формируется не стабильная новая идентичность, а оспариваемая и внутренне неоднородная конструкция, в которой элементы внешне навязанных норм сосуществуют с локальными формами сопротивления, селективного присвоения и политической мимикрии. Именно поэтому северомакедонский кейс показателен как пример того, что внешнее нормативное воздействие в условиях незавершённого

нациестроительства может не столько завершать процесс формирования политической общности, сколько переводить его в режим постоянного пересогласования и конфликта.

Особое место в северомакедонском кейсе занимает проблема внутреннего этнополитического раскола, связанного с соотношением македонской славянской и албанской идентичностей. Исследование показало, что внешнее участие не нейтрализует этот раскол, а взаимодействует с ним, в том числе через поддержку отдельных моделей политического включения, через влияние на конституционные нормы и через международную легитимацию тех или иных требований в сфере прав меньшинств, представительства и перераспределения полномочий. Следствием этого становится не переход к устойчивой надэтнической гражданской идентичности, а сохранение внутреннего напряжения между различными основаниями политической лояльности. Тем самым северомакедонский материал подтверждает, что внешнее участие в условиях ограниченной государственности затрагивает не только параметры внешнеполитической ориентации, но и внутренние правила политического включения, а , значит, имеет прямое отношение к предмету политической науки.

Сравнительный анализ двух кейсов позволил сделать один из ключевых выводов диссертации: политические последствия внешнего воздействия определяются не только характером самих внешних акторов, но и тем, каким образом их участие встраивается во внутреннюю политическую структуру принимающего государства. В Боснии и Герцеговине внешнее воздействие усиливает уже существующее этнополитическое размежевание, поскольку действует в условиях постдейтонской сегментарной системы, где этническая принадлежность остаётся основным принципом организации политического пространства. В Северной Македонии внешнее давление затрагивает параметры государственности в целом и потому приводит к трансформации и гибридизации национальной идентичности. Иными словами, различие между двумя кейсами связано не просто с разницей исторического опыта, а с различием

институционального устройства, через которое внешние импульсы проходят и перерабатываются.

Этот сравнительный результат имеет важное теоретическое значение. Он позволяет уточнить дискуссию о связи между ограниченной государственностью и формированием идентичности, показав, что внешнее участие не имеет единого и линейного эффекта (см. Таблицу 3). Напротив, его последствия зависят от того, действует ли оно в условиях уже институционализированного этнополитического разделения или в условиях оспариваемой, но формально единой государственности. Тем самым диссертация показывает, что внешнее влияние на идентичность должно рассматриваться не как универсальный процесс культурного или символического воздействия, а как политически структурированный феномен, зависящий от характера институтов, от конфигурации элит и от того, какие именно линии размежевания уже встроены в государственный порядок.

Важным итогом работы стало также уточнение роли дискурсивного измерения внешнего воздействия. Эмпирическим путём было показано, что внерегиональные акторы конкурируют не только в сфере геополитики, но и за право конструировать нарративы о Западных Балканах, определять допустимые модели политической идентичности и формировать границы между «нормальным» и «проблемным», между «зрелой» и «незавершённой» государственностью, между «европейским» и «периферийным»[332]. В этом смысле влияние внешних акторов выступает как форма символико-политического производства реальности. Однако исследование показало и обратную сторону этого процесса: Босния и Герцеговина и Северная Македония не выступают пассивными реципиентами внешнего давления. Локальные политические силы, этнополитические общины и более широкие общественные группы перерабатывают внешний импульс, адаптируют его к внутренним задачам, сопротивляются ему или используют его в борьбе за собственную легитимность.

[332] Калоева Е.Б. Европейская и национальная идентичность. борьба или взаимодействие (опыт Балкан)..., С. 67.

Отдельного вывода заслуживает вопрос о сравнительной эффективности внешних проектов. На материале двух рассматриваемых кейсов не выявлено внешней модели, которая бы полностью снимала внутренние этнополитические противоречия и обеспечивала устойчивый переход к общегражданской политической идентичности (см. Таблицу 3). Европейский и евроатлантический проекты располагают наиболее разработанной институциональной стратегией присутствия, однако именно они в наибольшей степени сопряжены с политикой условности, нормативного давления и вмешательства в чувствительные для местных обществ вопросы государственности, памяти и политического представительства. Турецкий проект обладает высокой эффективностью в отношении отдельных мусульманских сообществ, но не предлагает универсальной модели, приемлемой для региона в целом. Российский подход сохраняет ресурс в тех сегментах, где действуют исторические, культурные и религиозные связи, однако не оформлен в цельную альтернативную стратегию региональной трансформации. Китайское присутствие отличается сравнительно более низкой конфликтностью и прагматизмом, но его экономико-инфраструктурная модель не сопровождается интеграционным проектом, способным стать основой для надэтнической политической консолидации.

Тем самым работа позволила сделать вывод о принципиальной ограниченности любых внешних проектов, претендующих на преобразование западнобалканского пространства без учёта локальной институциональной архитектуры и внутренней логики этнополитических отношений. Внешнее участие может изменять институциональные условия, создавать новые формы зависимости, перераспределять ресурсы легитимации и влиять на символические основания политической общности, однако оно не способно заменить собой внутренний процесс согласования моделей государственности и идентичности. Именно поэтому в исследуемых кейсах внешнее воздействие чаще приводит не к снятию конфликта, а к его институциональному или дискурсивному перераспределению.

Проведённое исследование подтверждает заявленную гипотезу о том, что новые идентификационные рамки, формируемые под внешним воздействием, вступают в противоречие с локальными представлениями об идентичности и политической принадлежности. В условиях ограниченной государственности внешние акторы не только конкурируют за сферы влияния, но и участвуют в конструировании моделей лояльности, в определении допустимых форм политического самоописания и в перераспределении границ между этническим, гражданским и наднациональным измерениями идентичности. При этом локальные общества воспринимают и перерабатывают эти внешние рамки неравномерно, что ведёт либо к воспроизводству этнополитической фрагментации, либо к конфликтной трансформации идентичности.

Таким образом, основные результаты исследования сводятся к следующему. Во-первых, постколониальный подход в сочетании с концепциями ограниченной государственности и «балканизма» показал свою продуктивность для анализа внешнего воздействия на политические и символические основания государственности на Западных Балканах. Во-вторых, установлено, что внерегиональные акторы различаются не только по целям присутствия, но и по политически значимым механизмам влияния на идентификационные процессы (см. Таблицу 4). В-третьих, показано, что внешнее воздействие в исследуемых кейсах не формирует устойчивую общегражданскую идентичность, а чаще усиливает этнические и религиозные формы политической самоидентификации. В-четвёртых, боснийский материал демонстрирует преимущественно консервацию этнополитической сегментации, тогда как северомакедонский — трансформацию и гибридизацию идентичности под воздействием внешнего нормативного давления. В-пятых, сравнительный анализ подтвердил, что последствия внешнего участия зависят от того, каким образом оно встраивается во внутреннюю политическую структуру государства.

Итоговый вывод диссертации заключается в том, что на Западных Балканах внешнее воздействие выступает не внешним фоном, а самостоятельным фактором политического развития, влияющим на суверенитет, легитимность, институты и

формы коллективной идентичности. Однако характер этого влияния не является универсальным: он определяется сочетанием внешних стратегий и внутренней институциональной конфигурации принимающего общества. Именно поэтому исследование Западных Балкан показывает, что в условиях ограниченной государственности проблема национальной идентичности не может быть понята вне анализа внешнего участия, равно как и внешнее участие не может быть адекватно объяснено без учёта внутренней политической структуры, этнополитических расколов и исторически сложившихся режимов легитимации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. 12 мер КНР для поощрения дружественного сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы) / Центральное правительство КНР. – 26.04.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/ldhd/2012-04/26/content_2124352.html (дата обращения: 22.06.2023).
2. Ахмети: Кога Русија го загрозува светскиот мир со закана на употреба на нуклеарно оружје, нема како да седиме мирни ние на Западен Балкан // Civil Media. – 19.03.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://civilmedia.mk/ahmeti-koga-rusija-go-zagrozuva-svetskiot-mir-so-zakana-na-upotreba-na-nuklearno-oruzhje-nema-kako-da-sedime-mirni-nie-na-zapaden-balkan/ (дата обращения: 30.03.2026).
3. Ахмети: Македонците можат да постојат само во ЕУ и НАТО // Lider.mk. – 12.09.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lider.com.mk/makedonija/ahmeti-makedoncite-mozat-da-postojat-samo-vo-eu-i-nato/ (дата обращения: 30.03.2026).
4. «Бессмертный полк» в Македонии // МИД России. – 14.05.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezdeniyah/1571352/ (дата обращения: 12.06.2024).
5. Визит в Югославию // Президент Республики Беларусь. – 14.04.1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/events/vizit-v-yugoslaviyu (дата обращения: 18.04.2026).
6. Во Скопје денеска парада на гордоста и марш за семејството // Слободен Печат. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.slobodenpecat.mk/vo-skopje-deneska-parada-na-gordosta-i-marsh-za-semejstvoto/ (дата обращения: 02.03.2023).

7. Времето за отворање на Уставот сè уште не е дојдено! // Нова Македонија. – 26.03.2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://novamakedonija.com.mk/makedonija/politika/vremeto-za-otvoranje-na-ustavot-se-ushte-ne-e-dojdeno/ (дата обращения: 30.03.2026).
8. В Северной Македонии предупредили о «балканизации» Евросоюза // РИА Новости. – 16.02.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20250216/es-1999695292.html (дата обращения: 20.03.2025).
9. В Северной Македонии рассказали об ущербе экономике от интеграции с ЕС // Известия. – 26.08.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1942844/2025-08-26/v-severnoi-makedonii-rasskazali-ob-userbe-ekonomike-ot-integracii-s-es (дата обращения: 26.08.2025).
10. Встреча с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и Патриархом Сербским Порфирием // Президент России. [Электронный ресурс]. – 22.04.2025. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76775 (дата обращения: 22.04.2025).
11. Встреча с руководством МИД России // Президент России. – 14.06.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285 (дата обращения: 13.06.2025).
12. Встреча с Президентом Республики Сербской Милорадом Додиком // Президент России. – 25.10.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75393 (дата обращения: 25.03.2025).
13. Выступление министра иностранных дел России И.С. Иванова на VIII Всемирном Русском Народном Соборе. – 03.02.2004. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://mospat.ru/archive/2004/02/6352/ (дата обращения: 03.09.2023).
14. Договор за пријателство, добрососедство и соработка мегу Република Македонија и Република Бугарија – 01.08.2017. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа:https://vlada.mk/sites/default/files/dogovori/Dogovor_Za_Prijatelstvo_Dobrososedstvo_Sorabotka_Megju_Republika_Makedonija_I_Republika_Bugarija.pdf (дата обращения: 22.06.2023).

15. Додик: Республика Сербская находится в завершающей фазе своей политической борьбы // РИА Новости. – 10.08.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20250810/dodik-2034411250.html (дата обращения: 10.09.2025).
16. Додик: Республика Сербская не допустит вступления БиГ в НАТО // RT. – 07.07.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/world/news/1338041-nato-dodik-big (дата обращения: 12.09.2025).
17. Додик: У причу о чланству БиХ у ЕУ не треба улазити «стихијски и на вересију» // RTV.rs. – 05.10.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rtv.rs/sr_ci/region/dodik-u-pricu-o-clanstvu-bih-u-eu-ne-treba-ulaziti-stihijski-i-na-veresiju_1481509.html (дата обращения: 18.09.2024).
18. Единствена Македонија: Успешноја минавме руската обука и подготвени сме за преземање на власта // Макфакс. – 31.05.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tocka.com.mk/vesti/270601/edinstvena-makedonija-uspesno-ja-minavme-ruskata-obuka-i-podgotveni-sme-za-prezemanje-na-vlasta (дата обращения: 12.09.2024).
19. Закон за државјанството на Република Македонија // Службен весник на Република Македонија. – 1992. – Бр. 67 ; 2004. – Бр. 8 ; 2008. – Бр. 98 ; 2011. – Бр. 158 ; 2016. – Бр. 55.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.refworld.org/cgibin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=5aabca124 (дата обращения: 22.06.2023).
20. Закон за правата на заедниците кои се помалку од 20% од населението во Република Северна Македонија // Службен весник на Република Македонца. – 2020. – Бр. 18 (27.01.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dejure.mk/zakon/zakon-za-pravata-na-zaednicite-koi-se-pomalku-od-20-od-naselenieto-vo-republika-severna makedonija (дата обращения: 22.06.2023).

21. Закон за употреба на јазиците [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pravdiko.mk/wp-content/uploads/2019/01/Zakon-za-upotreba-jazitsite-14-01-2019.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
22. Захарова: Референдум в Македонии раскрыл весь цинизм западной демократии // EurAsia Daily. – 04.10.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2018/10/04/zaharova-referendum-v-makedonii-raskryl-ves-cinizm-zapadnoy-demokratii (дата обращения: 04.10.2023).
23. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова боснийско-сербской газете «Глас Српске» // МИД России. – 28.10.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4409359 (дата обращения: 28.10.2023).
24. Интервью заместителя Министра иностранных дел России А.В. Грушко албанской газете «Шекулы» // МИД России. – 13.03.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/publikatsii/1456021/ (дата обращения: 13.03.2019).
25. Интервью директора Четвертого Европейского департамента МИД России Ю.В. Пилипсона информационному агентству ТАСС // МИД России. – 17.12.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1844201/ (дата обращения: 17.11.2024).
26. Интервью директора Второго Европейского департамента МИД России Ю.В. Пилипсона информационному агентству ТАСС // МИД России. – 21.12.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2067753/ (дата обращения: 21.02.2026).
27. Интервью Посла Российской Федерации в Боснии и Герцеговине И.А. Калабухова газете «Известия» // МИД России. – 18.10.2021.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1784026 (дата обращения: 19.10.2023).

28. Интервью Посла России в Македонии С.А. Баздникина информационному агентству ТАСС // МИД России. – 09.02.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/maps/mk/1453208 (дата обращения: 21.02.2026).
29. Итоги года с Владимиром Путиным // Президент России. – 14.12.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994 (дата обращения: 14.02.2026).
30. Китай наблюдает за Балканами, когда Ван И посещает Сербию // PRC.today. – 25.01.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prc.today/kitaj-nablyudaet-za-balkanami-kogda-van-i-poseshhaet-serbiyu/ (дата обращения: 26.03.2023).
31. Китай привержен поддержанию мира и стабильности в Боснии и Герцеговине – китайский посланник // Жэньминь Жибао Онлайн. – 17.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/n3/2024/0517/c31520-20170774.html (дата обращения: 11.06.2025).
32. Комментарий Департамента информации и печати МИД России по итогам референдума в Республике Македонии. – 01.10.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/maps/mk/1576368/ (дата обращения: 01.10.2024).
33. Конституција на Република Македонија од 1991 // Службен весник на Република Македонија. – Скопје, 1991.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/10558 (дата обращения: 22.06.2023).

34. Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 22.06.2023).
35. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/ (дата обращения: 22.06.2023).
36. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 22.06.2023).
37. Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 22.06.2023).
38. Креативно пишување или креативна политика? Кинеската литература се повеке се преведува во Македонија // fakulteti.mk. 04.06.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fakulteti.mk/news/04062022/kreativno-pishuvanje-ili-kreativna-politika-kineskata-literatura-se-povekje-se-preveduva-vo-makedonija (дата обращения: 20.06.2025).
39. Ли Чжаньшу встретился с председателем Собрания Северной Македонии // ИА Синьхуа. – 17.06.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/asia/42354151-lichzhanshu-vstretilsya-s-predsedatelem-sobraniya-severnoy-makedonii/ (дата обращения: 17.06.2023).
40. Лях К.И. Культурологическая теория национализма Бенедикта Андерсона / К.И. Лях // Вестник ГУУ. – 2014. – № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskayateoriya natsionalizma-benedikta-andersona (дата обращения: 10.06.2023).
41. Македонија го заслужува членството во ЕУ, потребна е јасна политичка одлука на земјите членки // Вечер. – 04.12.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vecer.mk/makedonija/f5f3d8a2-6087-44c6-87a0-5c5cbe8a2404-1 (дата обращения: 11.02.2026).

42. МИД КНР заявил о необходимости избегать роста напряженности на Западных Балканах // ТАСС. – 31.05.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17887671 (дата обращения: 30.05.2024).
43. Онако како су забрљали, тако нек и одбрљају": Додик о спекулацији страних медија о исправљању закона о Сребреници // Новости.rs. – 22.12.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.novosti.rs/c/republika-srpska/vesti/1068771/onako-kako-zabrljali-tako-nek-odbrljaju-dodik-spekulaciji-stranih-medija-ispravljanju-zakona-srebrenici (дата обращения: 30.03.2026).
44. О развитии ситуации в Боснии и Герцеговине. Сообщение для СМИ // МИД России. – 26.02.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2000059/ (дата обращения: 03.03.2025).
45. Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ о саммите ЕС-Западные Балканы // МИД России. – 12.05.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1432674/ (дата обращения: 13.05.2024).
46. Патриарх Кирилл возглавил XIV церемонию вручения премий международного фонда единства православных народов // Православие.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravoslavie.ru/69125.html (дата обращения: 12.02.2025).
47. Пендаровски планира поинтензивни контакти со Русија // Лидер.МК. – 02.04.2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lider.com.mk/makedonija/pendarovski-planira-pointenzivni-kontakti-so-rusija/ (дата обращения: 12.04.2026).
48. Пономарева Е.Г. Милорад Додик как зеркало британской политики на Балканах / Е.Г. Пономарева // Фонд стратегической культуры. – 24.06.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://fondsk.ru/news/2024/06/24/milorad-dodik-kak-zerkalo-britanskoy-politiki-na-balkanakh.html (дата обращения: 17.07.2024).

49. Пономарева Е.Г. Сила в правде: к итогам расследования событий в Сараево и Сребренице в период боснийской войны / Е.Г. Пономарева. – 08.09.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fondsk.ru/news/2021/09/08/sila-v-pravde-k-itogam-rassledovania-sobytij-v-saraevo-i-srebrenice-v-period-bosnijskoj-vojny-54415.html (дата обращения: 16.06.2025).
50. Посјета директора Института историјских наука Рускоj Федерацији // Универзитет у Источном Сарајеву. – 31.03.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ues.rs.ba/2025/03/31/posjeta-direktora-instituta-istorijskih-nauka-ruskoj-federaciji-3/ (дата обращения: 18.04.2026).
51. Почему президент Северной Македонии отказалась произносить название своей страны // RG.ru. – 12.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2024/05/12/pochemu-prezident-severnoj-makedonii-otkazalas-proiznosit-nazvanie-svoej-strany.html (дата обращения: 12.05.2024).
52. Премьер-министр Северной Македонии Мицкоски заявил, что его страну «давят» на пути к членству в ЕС // Euronews. – 10.11.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.euronews.com/my-europe/2025/11/10/premer-ministr-severnoj-makedonii-mickoski-zayavil-chto-ego-stranu-davyat-na-puti-k-chlens (дата обращения: 11.12.2025).
53. Претседателски и парламентарни избори 2024 / Државна изборна комисија. – 08.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rezultati-prv.sec.mk/mk/parl/r (дата обращения: 21.09.2024).
54. Протести против промена на името // DW. – 28.02.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dw.com/mk/протести-против-промена-на-името-македонија-не-ја-продаваме/a-42765364 (дата обращения: 28.04.2023).
55. Резолюция ГА ООН Международный день размышления и памяти о геноциде 1995 года в Сребренице, 11 июля, принятая 20 мая 2024 г. на 78-й

сессии ГА ООН. A/78/L.67/Rev.1 // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.un.org/ru/A/78/L.67/Rev.1 (дата обращения: 19.02.2025).

56. Свечано отворен Центар за образовање на руском језику // katera.news. – 15.06.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://katera.news/svecano-otvoren-centar-za-obrazovanje-na-ruskom-jeziku (дата обращения: 18.04.2026).
57. «Сербия – это особенное место»: глава МИД Китая пообещал Белграду поддержку // Новый день. – 28.10.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://newdaynews.ru/balkans/740508.html (дата обращения: 28.02.2023).
58. Смирнов Я.Н. Между Востоком и Западом»: ключевые политические тренды на Балканах в 2021 году / Я.Н. Смирнов // Евразия.эксперт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasia.expert/klyuchevye-politicheskie-trendy-na-balkanakh-v-2021/ (дата обращения: 13.07.2022).
59. Фукуяма Ф. Национальное строительство: руководство для начинающих / Ф. Фукуяма // Россия в глобальной политике. – 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://polit.ru/article/2004/05/25/rukovod/ (дата обращения: 10.09.2022).
60. Чавушоглу: «Промена на името на Македонија, клучна за членството во НАТО и ЕУ» // Anadolu Ajansi. – 02.10.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/mk/балкан/чавушоглу-промена-на-името-на-македонија-клучна-за-членството-во-нато-и-еу-/1270908 (дата обращения: 02.03.2023).
61. Энтина Е.Г. Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России / Е.Г. Энтина, А.А. Пивоваренко // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». – 28.09.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/kuda-idut-balkany/ (дата обращения: 23.05.2023).

62. Энтина Е.Г. Босния и Герцеговина через тридцать лет после Дейтона: есть ли перспективы национального единства? / Е.Г. Энтина // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 18.06.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bosniya-i-gertsegovina/ (дата обращения: 15.03.2026).
63. Activities of the Muslim brotherhood – final report: North Macedonia, Bosnia and Herzegovina, & conclusions for the region / CEE. [Electronic resource]. – URL: https://www.globsec.org/sites/default/files/2020-12/CEE-activities-of-the MuslimBrotherhoodFinalReport1.pdf__cf_chl_tk=xoFrbcHKymca6AU7VK4P13 pGM_arb8bbJOJmkGef09U-1724264990-0.0.1.1-5332 (date of access: 10.06.2024).
64. A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans / European Commission. [Electronic resource]. – 2018. – URL: https://integrimi-ne-be.punetejashtme.gov.al/wp-content/uploads/2020/04/Communication-Credible-Enlargement-Perspective-Western-Balkans_en.pdf (date of access: 22.06.2023).
65. Ankara Summit Declaration Adopted at the Conclusion of Turkey – Bosnia Herzegovina – Serbia Trilateral Summit / Ministry of Foreign Affairs of Turkiye. – 15.05.2013. [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.tr/ankara-summit-declaration-adopted-at-the-conclusion-of-turkey-_-bosnia-herzegovina-_-serbia-trilateral-summit_-15-may-2013_-ankara.en.mfa (date of access: 22.06.2023).
66. Annex to A credible enlargement perspective for and enhanced EU enlargement with the Western Balkans / European Commission. – 2018. [Electronic resource]. – URL: https://ec.europa.eu/commisssion/sites/beta-political/files/annex-communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (date of access: 22.06.2023).
67. Atlantic Council. Balkans forward . – 07.11.2017. [Electronic resource]. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/content-series/balkans-forward-content-series/balkans-forward-2/ (date of access: 22.06.2023).

68. Becirovic: The Road to the EU is a generational Project for the State of BiH // Sarajevotimes. – 06.03.2024. [Electronic resource]. – URL: https://sarajevotimes.com/becirovic-the-road-to-the-eu-is-a-generational-project-for-the-state-of-bih/ (date of access: 19.09.2024).
69. Bosnia advocates EU enlargement at Salzburg Summit (PHOTO) // Trend.az. – 30.09.2025. [Electronic resource]. – URL: https://www.trend.az/balkans/4097362.html (date of access: 30.03.2026).
70. Bosnia and Herzegovina Analytical Report 2019 / Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. [Electronic resource] – URL: https://enlargement.ec.europa.eu/bosnia-and-herzegovina-analytical-report-2019_en (date of access: 22.06.2023).
71. Bosnia and Herzegovina: Background and U.S. Policy / Congressional research Service. – 15.04.2019. [Electronic resource]. – URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/R/PDF/R45691/R45691.2.pdf (date of access: 22.06.2023).
72. Bosnia and Herzegovina external relations briefing: Departure of Al Jazeera Balkans, the biggest Qatar investment in BiH / China-SEE Institute. – Budapest, 2025. – Vol. 7, No. 4 (BH). – 9 p.
73. Bosnia Presidency Chair Cancels Meeting with Turkish FM // Balkan Insight. – 30.01.2011. [Electronic resource]. – URL: https://balkaninsight.com/2011/01/30/bosnia-presidency-chair-cancels-meeting-with-turkish-fm/ (date of access: 30.03.2023).
74. Bosnia and Herzegovina / USAID. – 2017-2021. [Electronic resource]. – URL: https://www.usaid.gov/stabilization-and-transitions/closed-programs/bosnia-and-herzegovina (date of access: 22.06.2023).
75. Census of population, households and dwellings in Bosnia and Herzegovina, 2013: Final results / Agency for Statistics of Bosnia and Herzegovina. – July 2016. [Electronic resource]. – URL: http://www.popis2013.ba/popis2013/doc/Popis2013prvoIzdanje.pdf (date of access: 20.10.2024).

76. Constitution of BiH. – 21.11.1995. [Electronic resource]. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/9986 (date of access: 22.06.2023).
77. Davutoğlu A. Zero Problems in a New Era / A. Davutoğlu // Minister of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. – 21.03.2013. [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.tr/zero-problems-in-a-new-era.en.mfa (date of access: 22.06.2023).
78. Developments in the Western Balkans and policy responses // Joint House and Senate Hearing, 113 Congress. – 05.03.2014. [Electronic resource]. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-113jhrg92427/html/CHRG113jhrg92427.htm (date of access: 22.06.2023).
79. Enhancing the accession process – A credible EU perspective for the Western Balkans / European Commission. – 2020. [Electronic resource]. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/document/download/ef0547a9-c063-4225-b1b4-93ff9027d0c0_en?filename=enlargement-methodology_en.pdf (date of access: 22.06.2023).
80. Erdogan: West cannot bear Turkey's position in Balkans // Anadolu Agency. – 08.05.2018. [Electronic resource]. – URL: https://www.aa.com.tr/en/todays-headlines/erdogan-west-cannot-bear-turkey-s-position-in-balkans/1138055 (date of access: 08.05.2023).
81. Erdogan Hails Late Bosnian President as Muslims' Protector // Balkan Insight. – 20.10.2016. [Electronic resource]. – URL: https://balkaninsight.com/2016/10/20/erdogan-remembers-late-bosnian-president-10-20-2016/ (date of access: 20.10.2024).
82. Eurobarometer survey: Trust in the EU varies across the Western Balkans. – 2023. [Electronic resource]. – URL: https://europeanwesternbalkans.com/2023/07/11/eurobarometer-survey-trust-in-the-eu-varies-across-the-western-balkans/ (date of access: 01.09.2023).
83. Euroscepticism rises in North Macedonia amid EU membership delays // Euro News. – 25.11.2021. [Electronic resource]. – URL:

https://www.euronews.com/2021/11/25/euroscepticism-rises-in-north-macedonia-amid-eu-membership-delays (date of access: 25.01.2024).

84. EU Advocates for Stronger Western Balkans Involvement in Foreign Policy // Politicstoday.org. – 14.11.2023. [Electronic resource]. – URL: https://politicstoday.org/europe-western-balkans-foreign-policy/ (date of access: 10.05.2024).
85. EU Info Centre. «Europe day 2019 in BiH» – Sarajevo, 10.05.2019. [Electronic resource]. – URL: https://euinfo.ba/en/article/europe-day-2019-in-bih/9609 (date of access: 10.06.2023).
86. EU support for the rule of law in the Western Balkans: despite efforts, fundamental problems persist / European court of auditors. – Special report 2022. [Electronic resource]. – URL: https://op.europa.eu/webpub/eca/special-reports/eu-support-to-the-rule-of-law-in-Western-Balkans-01-2022/en/ (date of access: 22.06.2023).
87. EU-Western Balkans Summit Thessaloniki : Joint Declaration. – Thessaloniki, 23.06.2003. [Electronic resource]. – URL: https://www.greekembassy.org/Embassy/content/en/Article_office-2-folder-351-article-11755.html (date of access: 22.06.2023).
88. Executive Order on Blocking Property and Suspending Entry into the United States of Certain Persons Contributing to the Destabilizing Situation in the Western Balkans // The White House. – 08.06.2021. [Electronic resource]. – URL:https://poligrozd.org/wpcontent/uploads/2025/03/executive_order_western_balkans_2021_poligrozd.org_.pdf (date of access: 22.06.2023).
89. Final Commission Staff Working Document North Macedonia / European Commission. – Report 2022. [Electronic resource]. – URL: https://enlargement.ec.europa.eu/system/files/2022-10/North%20Macedonia%20Report%202022.pdf (date of access: 22.06.2023).
90. Framework Agreement. Concluded at Ohrid, Macedonia. Signed at Skopje, Macedonia. – 13.08.2001. [Electronic resource]. – URL:

https://www.osce.org/files/f/documents/2/8/100622.pdf (date of access: 22.06.2023).

91. Gashi in Washington quoted Kennedy and George Bush Jr. // Слободен Печат. – 02.02.2026. [Electronic resource]. – URL :https://www.slobodenpecat.mk/en/gashi-vo-vashington-gi-citirashe-kenedi-i-dzhordzh-bush-pomladiot/ (date of access: 03.03.2026).
92. Gardening S. Bosnia and Herzegovina: Background and U.S. Policy / S. Gardening // Congressional Research Service. – 15.04.2019. [Electronic resource]. – URL: https://sgp.fas.org/crs/row/R45691.pdf (date of access: 13.02.2023).
93. General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina (Dayton Agreement). – 21.11.1995. [Electronic resource]. – URL: https://www.osce.org/sites/default/files/f/documents/e/0/126173.pdf (date of access: 22.06.2023).
94. Gutič A. Kako Rusija ostvaruje kulturni uticaj u BiH: nevjeste, motoristi i prazna obečanja / A. Gutič // Zurnal. – 28.05.2020. [Electronic resource]. – URL: https://zurnal.info/clanak/nevjeste-motoristi-i-prazna-obecanja/23120 (date of access: 28.05.2023).
95. How Bosnia perceives Belt and Road Initiative / China-SEE Institute. – Budapest, 2021. – 209 p.
96. Ibanez M.F. Albanians' integration in North Macedonia remains complex 20 years after Ohrid Accords / M.F. Ibanez // Nationalia. – 04.11.2021. [Electronic resource]. – URL: https://www.nationalia.info/new/11429/albanians-integration-in-north-macedonia-remains-complex-20-years-after-ohrid-accords (date of access: 12.02.2024).
97. Image of Russia: Mighty Slavic Brother or Hungry Bear Nextdoor? // GLOBSEC – 2021. [Electronic resource]. – URL: https://www.globsec.org/sites/default/files/2021-04/Image-of-Russia-Mighty-Slavic-Brother-or-Hungry-Bear-Nextdoor-spreads.pdf (date of access: 24.04.2024).

98. IRI poll: Russian and Chinese influence in North Macedonia increased // The Geopost. – 2022. [Electronic resource]. – URL: https://thegeopost.com/en/news/iri-poll-russian-and-chinese-influence-in-north-macedonia-increased/ (date of access: 02.06.2025).
99. Joint Declaration by the President of the Republic of Serbia, Prime Minister of the Republic of Albania and the Prime Minister of the Republic North Macedonia on Implementing the EU Four Freedoms in the Western Balkans // Chamber of Commerce and Industry of Serbia. – 2019. [Electronic resource]. – URL: https://en-api.pks.rs/storage/assets/Novi_Sad_Declaration.pdf (date of access: 25.09.2023).
100. Joint Statement of the President of the Republic of Serbia and the President of the People's Republic of China // Ministry of Foreign Affairs Republic of Serbia. – 08.05.2024. [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.rs/en/press-service/statements/joint-statement-president-republic-serbia-and-president-people-s-republic-china (date of access: 22.06.2025).
101. Jovič D. Američka politika na Balkanu: motivi i interesi / D. Jovič // Pescanik. – 27.04.2010. [Electronic resource]. – URL: https://pescanik.net/americka-politika-na-balkanu-motivi-i-interesi/ (date of access: 12.09.2023).
102. Konaković pali alarm: BiH hitno treba NATO kišobran // Ljudski.ba. – 28.07.2024. [Electronic resource]. – URL: https://www.ljudski.ba/politika/konakovic-pali-alarm-bih-hitno-treba-nato-kisobran (date of access: 30.03.2026).
103. Kovacevic D. Bosnian Serb Leader Applauds Russian Church’s Consecration / D. Kovacevic // Balkan Insight. – 17.09.2018. [Electronic resource]. – URL : https://balkaninsight.com/2018/09/17/construction-of-the-russian-church-in-rs-09-17-2018/ (date of access: 20.07.2023).
104. Krstinovska A. Understanding the tools, narratives and impact of China's «soft power» in North Macedonia / A. Krstinovska // Konrad Adenauer Stiftung Skopje. – 2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.kas.de/en/web/nordmazedonien/single-title/-/content/understanding-

the-tools-narratives-and-impact-of-china-s-soft-power-in-north-macedonia-1 (date of access: 19.06.2025).

105. Lagumdžija: Bošnjaci ne smiju upasti u zamku kao Srbi, sukob sa Zapadom bi bio poguban // Novi.ba. – 20.09.2023. [Electronic resource]. – URL: https://novi.ba/clanak/413322/lagumdzija-bosnjaci-ne-smiju-upasti-u-zamku-kao-srbi-sukob-sa-zapadom-bi-bio-poguban (date of access: 20.10.2025).
106. Makocki M. Balkan Corruption: The China Connection / M. Makocki, Z. Nechev // ISS. – 2017. [Electronic resource]. – URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Alert%2022%20Balkans.pdf (date of access: 10.05.2023).
107. Meeting with Chairman of the Presidium of Bosnia and Herzegovina Nebojsa Radmanovic // President of Russia. – 24.06.2007. [Electronic resource]. – URL: http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24367 (date of access: 24.12.2023).
108. Minister of Foreign Affairs Hakan Fidan: Solving Problems in the Balkans is Possible with Peace and Dialogue // Fair Press. – 16.09.2024. [Electronic resource]. –URL: https://www.fairpress.eu/minister-of-foreign-affairs-hakan-fidan-solving-problems-in-the-balkans-is-possible-with-peace-and-dialogue/ (date of access: 16.03.2025).
109. More than 1,000 Macedonians protest country's name change // Reuters. – 24.06.2018. [Electronic resource]. – URL: https://www.reuters.com/article/us-macedonia-greece-name/more-than-1000-macedonians-protest-countrys-name-change-idUSKBN1JJ165/ (date of access: 02.08.2023).
110. National Security Strategy // The White House. – 12.10.2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (date of access: 24.12.2022).
111. North Macedonia external relations briefing: The Zelensky of the Balkans, Arbin Kurti, Incites Secessionism and Ethno-Nationalism During Unofficial Visit

to Macedonia / China-SEE Institute. – Budapest, 2023. – Vol. 65, No. 4 (MK). – 5 p.

112. North Macedonian president says ties with Turkiye will continue to strengthen // Anadolu Agency. – 21.12.2025. [Electronic resource]. – URL: https://www.aa.com.tr/en/world/north-macedonian-president-says-ties-with-turkey-will-continue-to-strengthen /3777191 (date of access: 30.02.2025).
113. Notice on the Continuation of the National Emergency with Respect to the Western Balkans // The White House. – 20.06.2025. [Electronic resource]. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202500708/html/DCPD-202500708.htm (date of access: 22.03.2026).
114. Office of the High Representative [Electronic resource]. – URL: https://www.ohr.int/en/ (date of access: 22.06.2023).
115. «One family»: EU chief seeks to reassure Balkan states amid stalled membership bid // France24. – 06.10.2021. [Electronic resource]. – URL:https://www.france24.com/en/europe/20211006-one-family-eu-chief-seeks-to-reassure-balkan-states-amid-stalled-membership-bid (date of access: 19.06.2024).
116. Piacentini A. State-sharing through power-sharing': accepting the ethnic divide. The Republic of North Macedonia 20 years after the Ohrid Framework Agreement? / A. Piacentini // 50 Shades of Federalism. – 2021. [Electronic resource]. – URL: https://50shadesoffederalism.com/case-studies/state-sharing-through-power-sharing-accepting-the-ethnic-divide-the-republic-of-north-macedonia-20-years-after-the-ohrid-framework-agreement/#more-1333 (date of access: 10.08.2022).
117. Politički stavovi građana Srbije jesen 2022 istraživanje javnog mnjenja // Crta. – Beograd, 2022. [Electronic resource]. – URL: https://crta.rs/wp-content/uploads/2022/11/Istrazivanje-javnog-mnjenja-Politicki-stavovi-gradjana-Srbije-jesen-2022-CRTA.pdf (date of access: 10.02.2024).

118. Prespa Agreement. – 12.06.2018. [Electronic resource]. – URL: https://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-aggliko-keimeno.pdf (date of access: 22.06.2023).
119. Progress and challenges in the Western Balkans // Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and emerging threats of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. – 29.04.2015. [Electronic resource]. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhrg94387/html/CHRG-114hhrg94387.htm (date of access: 22.06.2023).
120. Relations with the Balkan Region / Republic of Turkiye Ministry of foreign affairs. [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.tr/relations-with-the-balkan-region.en.mfa (date of access: 22.06.2023).
121. Serbian public opinion on China in the age of COVID-19 // Central European Institute of Asian Studies. – 2021. [Electronic resource]. – URL: https://ceias.eu/wp-content/uploads/2021/01/SRB-poll-report.pdf (date of access: 10.05.2023).
122. Skopje between NATO and Russia // Koha.mk. – 02.03.2026. [Electronic resource]. – URL: https://koha.mk/en/shkupi-mes-nato-s-dhe-rusise/ (date of access: 03.03.2026).
123. Stabilisation and Association Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and Bosnia and Herzegovina, of the other part: 16.06.2008 г. // EUR-Lex. [Electronic resource]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:22015A0630(01) (date of access: 22.06.2025).
124. Suljagic warns of coordinated anti-Bosniak campaign emerging from Western centers // N1 Sarajevo. – 05.03.2026. [Electronic resource]. – URL: https://n1info.ba/english/news/suljagic-warns-of-coordinated-anti-bosniak-campaign-emerging-from-western-centers/ (date of access: 30.03.2026).
125. The Balkans after the independence of Kosovo and on the eve of NATO enlargement: Testimony Before the House Committee on Foreign Affairs / U.S.

Department of State. – 12.03.2008. [Electronic resource]. – URL: https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/102136.htm (date of access: 22.01.2024).

126. The Balkans: threats to peace and stability // Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and emerging threats of the committee on foreign affairs House of Representatives One hundred fifteenth Congress. – 17.05.2017. [Electronic resource]. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115hhrg25456/html/CHRG-115hhrg25456.htm (date of access: 22.11.2023).
127. The Milosevic Regime Versus Serbian Democracy and Balkan Stability // Hearing Before The Commission On Security And Cooperation In Europe. One hundred fifth Congress. – 10.12.1998. [Electronic resource]. – URL: https://www.csce.gov/hearings/milosevic-regime-versus-serbian-democracy-and-balkan-stability/ (date of access: 22.06.2023).
128. The Presidency's Directorate of Communications of the Republic of Türkiye organises "Türkiye-Balkans Media Forum" (Bulgaria) // Presidency of the Republic of Turkiye. – 19.05.2025. [Electronic resource]. – URL: https://www.iletisim.gov.tr/english/dis_basinda_turkiye/detay/the-presidencys-directorate-of-communications-of-the-republic-of-turkiye-organises-turkiye-balkans-media-forum-bulgaria (date of access: 19.12.2025).
129. The Relation between China, North Macedonia and Serbia in the changing geopolitical context / China-SEE Institute. – Budapest, 2021. – 163 p.
130. Thousands of Bosnian Serbs attend rally denying genocide was committed in Srebrenica in 1995 // The Associated press. – 18.04.2024. [Electronic resource]. – URL: https://apnews.com/article/bosnia-serbs-srebrenica-genocide-denial-56d4c3b1e7dca96a5be28b66a9fcdc6a (date of access: 12.04.2024).
131. Tirana Declaration / Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. – 06.12.2022. [Electronic resource]. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/tirana-declaration-december-2022_en (date of access: 10.03.2024).
132. Trieste Western Balkans Summit Declaration by the Italian Chair // Trieste Summit. – 12.07.2017. [Electronic resource]. – URL:

https://www.governo.it/sites/governo.it/files/documenti/documenti/Notizie_allegati/balcani/Trieste_Western_Balkans_Summit_Declaration_Italian_Chair.pdf (date of access: 22.02.2022).

133. The EU and the Western Balkans: towards a common future // The Diplomatic Service of the European Union. – 16.03.2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-and-western-balkans-towards-common-future_en# (date of access: 10.05.2023).
134. Tonchev P. China's hidden influence in Southeast Europe // Friedrich-Naumann-Stiftung für die Freiheit / P. Tonchev, M. Petkova. – 2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.freiheit.org/sites/default/files/2023-01/2022-fnf-policy-paper-hidden-influence-final.pdf (date of access: 02.06.2025).
135. Turkey Completes Restoration of Ohrid’s Ali Pasha Mosque // Daily Sabah. – 26.11.2019. [Electronic resource]. – URL: https://www.dailysabah.com/history/2019/11/26/turkey-completes-restoration-of-ohrids-ali-pasha-mosque (date of access: 12.07.2023).
136. Turkish Foreign Policy in the Balkans and "Neo-Ottomanism": A Personal Account // Insight Turkey. – 2011. – Volume 13 (3). [Electronic resource]. – URL: https://www.insightturkey.com/commentaries/turkish-foreign-policy-in-the-balkans-and-neo-ottomanism-a-personal-account (date of access: 12.03.2024).
137. Türkiye supports Bosnia’s territorial integrity, Erdogan says // Türkiye Today. – 28.03.2026. [Electronic resource]. – URL: https://www.turkiyetoday.com/region/turkiye-supports-bosnias-territorial-integrity-erdogan-says-3217075 (date of access: 30.03.2026).
138. Türkiye seeks Balkan unity with strategic peace platform // Daily Sabah. – 23.01.2026. [Electronic resource]. – URL: https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkiye-seeks-balkan-unity-with-strategic-peace-platform (date of access: 23.02.2026).
139. Türkiye our 'most important' economic, trade ally: North Macedonian premier // Anadolu Agency. – 28.02.2025. [Electronic resource]. – URL:

https://www.aa.com.tr/en/turkiye/turkiye-our-most-important-economic-trade-ally-north-macedonian-premier/3496439 (date of access: 30.03.2026).

140. Türkiye working for regional peace amid rising global uncertainty, never neglects Balkans: President Erdogan // Anadolu Agency. – 12.02.2026. [Electronic resource]. – URL: https://www.aa.com.tr/en/europe/turkiye-working-for-regional-peace-amid-rising-global-uncertainty-never-neglects-balkans-president-erdogan/3828386 (date of access: 11.03.2026).
141. U.S. Commitment to the Western Balkans 2021 / U.S. Department of State. – 26.04.2021. [Electronic resource]. – URL: https://2021-2025.state.gov/u-s-commitment-to-the-western-balkans/ (date of access: 22.06.2023).
142. US joins Bosnia in show of support on eve of planned celebration by Serb nationalists // The Guardian. – 09.01.2024. [Electronic resource]. – URL: https://www.theguardian.com/world/2024/jan/09/us-joins-bosnia-in-show-of-support-on-eve-planned-celebration-by-serb-nationalists (date of access: 10.07.2025).
143. «We have addressed the preservation of stability in the Balkans during our talks with Serbia» // Presidency of the Republic of Turkiye. – 12.02.2026. [Electronic resource]. – URL: https://www.iletisim.gov.tr/english/haberler/detay/we-have-addressed-the-preservation-of-stability-in-the-balkans-during-our-talks-with-serbia (date of access: 11.03.2026).
144. Western Balkans Democracy and Prosperity Act // Congress.gov. – 09.10.2025. [Electronic resource] – URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/5274/text (date of access: 22.03.2026).
145. Western Balkans regional survey // IRI. – 2022. [Electronic resource]. – URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2022/06/balkans-22-rs-01-full-deck-1.pdf (date of access: 12.02.2025).
146. Xi says he enjoys Yugoslav films, songs when young // People's daily online. – 09.05.2024. [Electronic resource]. – URL: https://en.people.cn/n3/2024/0509/c90000-20166863.html (date of access: 10.05.2025).

Список литературы (на русском языке)

147. Аватков В.А. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. / В.А. Аватков, А.И. Сбитнева // Свободная мысль. – 2020. – № 2. – С. 115-128.
148. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
149. Арляпова Е.С. Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия – Балканы / Е.С. Арляпова, Е.Г. Пономарева, Д. Пророкович // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 208-222.
150. Астафьева Е.М. Нациестроительство в гетерогенном обществе: проблема выбора пути / Е.М. Астафьева // Известия Уральского федерального университета. – 2016. – Т. 11, № 1 (149). – С. 52-66.
151. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире / В.А. Ачкасов // Вестник СПбГУ. – 2013. – Сер. 6. Вып. 4. – С. 71-77.
152. Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн / пер. с фр. под. ред. О. Никифорова и П. Хицкого. – М.: Логос, 2004. – 288 с.
153. Баринов И.И. Траектории нациестроительства в странах Восточной Европы / И.И. Баринов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – т. 59. (12). – С. 90-98.
154. Барышная Н.А. Нациестроительство как способ формирования межэтнических отношений / Н.А. Барышная // Власть. – 2014. – № 3. – С. 43-47.
155. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр / пер. с нем. М.С. Панина. – СПб.: Серп, 1909. – 600 с.
156. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

157. Болдин В.А. Политика памяти на Балканах: Бывшие югославские республики в поисках идентичности / В.А. Болдин // Russian Studies Hu 4. – 2022. – № 2. – С. 23-36.

158. Боришполец К.П. Национализм как актуальное явление мировой политики / К.П. Боришполец // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 12. – С. 185-189.

159. Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер / пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

160. Бубликов В.В. Полиэтничность: от теоретических концепций к практике / В.В. Бубликов, Г.Г. Ермак // Вестник антропологии. – 2021. – № 3. – С. 7–16.

161. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматова. – М.: Либроком, 2013. – 344 с.

162. Вишняков Я.В. Сербия на Балканах: изобретение «порохового погреба Европы» / Я.В. Вишняков, Е.Г. Пономарева // Современная Европа. – 2018. – № 7 (86). – С. 108-121.

163. Вишняков Я.В. «Политическая античность» на постъюгославском пространстве / Я.В. Вишняков // Новая и новейшая история. – 2022. – № 4. – С. 120-134.

164. Воробьев С.В. Исторические аспекты жизнеспособности интеграционной идеологии Европейского союза: балканский трек / С.В. Воробьев, Т.А. Закаурцева // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2020. – № 4 (841). – С. 183-196.

165. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер / пер. с англ. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.

166. Григорова Д. «Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах / Д. Григорова // Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII - XXI вв.). – М: ИСл РАН, 2020 – С. 456-472.

167. Громыко Ал. А. Европейская культура – силы притяжения и отталкивания / Ал. А. Громыко // Общественные науки и современность. – 2022. – № 3. – С. 7-20.

168. Гуськова Е.Ю. Балканский опыт миротворчества в современных условиях / Е.Ю. Гуськова // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 3 (60). – С. 72-88.

169. Гуськова Е.Ю. Балканские дороги и шальное бездорожье: Взгляд русского историка / Е.Ю. Гуськова. – Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. – 612 с.

170. Калоева Е.Б. Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан (аналитический обзор) / Е.Б. Калоева // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 3.– С. 235-265.

171. Камкин А.К. Конфликт идентичностей как маркер разделенных обществ на Балканах (на примере Сербии, Черногории и территории Косово) / А.К. Камкин // Наука. Общество. Оборона. – 2023. – Т. 11. – № 1 (34). – С. 3.

172. Канарш Г.Ю. Философские теории мультикультурализма / Г.Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 33-41.

173. Кандель П.Е. Выборы в Хорватии, Северной Македонии, Болгарии и Сербии / П.Е. Кандель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2024. – № 3. – С. 55-63.

174. Кара-Мурза С.Г. Государственная политика нациестроительства в современной России / С.Г. Кара-Мурза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 62-76.

175. Князева С.Е. Проблема вступления в ЕС Балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского Союза / С.Е. Князева // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 2 (110). – С. 176-193.

176. Крапива М.Е. Мультиэтничность как средство достижения целей стран Запада в отношении западнобалканских государств. На примере Северной Македонии / М.Е. Крапива // Международная жизнь. – 2023. – № 5. – С. 110-119.

177. Крапива М.Е. Формирование боснийской нацидентичности / М.Е. Крапива // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2024. – № 4. – С. 69-81.

178. Крапива М.Е. Формирование европейской идентичности государств Западных Балкан в XXI веке / М.Е. Крапива // Современная Европа. – 2025. – № 1. – С. 185-192.

179. Лакофф Дж. Моральная политика: Как либералы и консерваторы думают / Дж. Лакофф / пер. с англ. И.Л. Вишневской. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2006. – 360 с.

180. Латкина В.А. Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях / В.А. Латкина // Международные процессы. – 2013. – № 1 (32). – С. 49-62.

181. Лейпхарт А. Демократия в составных обществах / А. Лейпхарт. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 286 с.

182. Лобанов К.Н. Западные Балканы как объект геополитического анализа современной ситуации в регионе / К.Н. Лобанов, В.В. Шахов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Том 12, № 4. – С. 56-66.

183. Лункин Р.Н. Религия и кризис европейской идентичности: политические подходы / Р.Н. Лункин // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 4. – С. 205-211.

184. Лункин Р.Н. Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность / Р.Н. Лункин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11 (4). – С. 46-64.

185. Максакова М.А. Страны Западных Балкан на пути в Европейский союз: проблемы и перспективы / М.А. Максакова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 11. – С. 42-55.

186. Малахов В.С. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность / В.С. Малахов. – М.: НЛО., 2023 – 288 с.

187. Малешевич А.В. Трансформация национальных идентичностей на постъюгославском пространстве в контексте процессов европеизации : диссертация ... кандидата политических наук : 5.5.2. / А.В. Малешевич. – М., 2023. – 228 с.
188. Малешевич А.В. Западные Балканы в дискурсе ЕС и стран региона с позиции критики балканизма / А.В. Малешевич // Дискурс-Пи. – 2022. – № 3. – С. 86–100.
189. Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного познания: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России и современном мире / под ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2005. – С. 9-20.
190. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики / О.Ю. Малинова // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2019. – № 9. – С. 285-312.
191. Мбембе А. О постколонии / А. Мбембе / пер. с англ. В.И. Петрова. – М.: Гилея, 2018. – 448 с.
192. Михайлов В.Т. Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности / В.Т. Михайлов // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2 (2). – С. 140-152.
193. Най Дж. С. Мягкая сила: Средства для успеха в мировой политике / Дж. С. Най / пер. с англ. Д.И. Смирнов. – М.: Весь Мир, 2007. – 208 с.
194. Никифоров К.В. История Балкан. На переломе эпох (1878-1914 гг.) / отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: ИСл РАН, 2017. – 503 с.
195. Павлова А.В. Эволюция консоциативной системы в Северной Македонии / А.В. Павлова // Сравнительная политика. – 2022. – № 13 (3). – С. 111-129.
196. Подшибякина Т.А. Постколониальный дискурс: теория, методология и практика применения (на примере этнополитического сепаратизма в Африке) / Т.А. Подшибякина, С. Камара // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2024. – № 3. – С. 38-49.

197. Пономарева Е.Г. «Балканский передел» как зеркало глобализации / Е.Г. Пономарева, Г.А. Рудов // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2008. – № 5(220). – С. 64-77.

198. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности / Е.Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1 (16). – С. 64-76.

199. Пономарева Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: Сценарный Подход / Е.Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – 2 (59). – С. 99-124.

200. Пономарева Е.Г. Балканское дыхание Пекина (Стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан) / Д.Д. Крыканов, Е.Г. Пономарева // Полития. – 2020. – № 1 (96). – С. 117-137.

201. Пономарева Е.Г. Македония – 2001: исторические предпосылки и политические последствия кризиса / Е.Г. Пономарева // Научно-исследовательский журнал Обозреватель - Observer. – 2022. – № 5-6. – С. 118-123.

202. Пономарева Е.Г. Западные Балканы: тренды влияния внешних интересантов / Е.Г. Пономарева, Е.С. Арляпова // Дискурс-Пи. – 2023.– Т. 20(1). – С. 86–106.

203. Пономарева Е.Г. Трещины и разломы: внешнеполитические ориентиры западнобалканских столиц в условиях украинского кризиса / Е.Г. Пономарева, Е.С. Арляпова // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – № 16 (3). – С. 153-179.

204. Пономарева Е.Г. Турецкое присутствие на Балканах: методы, точки опоры, ограничения / Е.Г. Пономарева, Е.С. Арляпова // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 18–41.

205. Пономарева Е.Г. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры / Е.Г. Пономарева, Е.С. Арляпова. – М.: Проспект, 2024. – 320 с.

206. Пономарева Е.Г. США на Балканах: эволюция присутствия / Е.Г. Пономарева // Обозреватель-Observer. – 2025 – № 6. – С. 21-37.
207. Попадьева Т.И. Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: На Примере Боснии и Герцеговины / Т.И. Попадьева // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – № 4. – С. 91-106.
208. Попадьева Т.И. Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии / Т.И. Попадьева // Обозреватель-Observer. – 2021. – № 10. – С. 54-66.
209. Попадьева Т.И. Формирование гражданской идентичности как фактор преодоления этнополитической конфликтности: на примере Боснии и Герцеговины и Северной Македонии: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. / Т.И. Попадьева. – М., 2022. – 166 с.
210. Пророкович Д. Открытые Балканы: перспективы институционализации / Д. Пророкович, Е.Г. Энтина // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18. (2). – С. 106-121.
211. Рашковский Е.Б. Африка: постколониальный дискурс. Колл. монография. / Отв. ред. Т.М. Гавристова и Н.Е. Хохолькова. – М.: ИАфр РАН, 2020. – 248 с.
212. Салаватова А.В. Европейская интеграция как фактор македонской национальной идентичности / А.В. Салаватова // Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 209-218.
213. Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки// Идентичность как предмет политического анализа / Отв. Ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8-13.
214. Семененко И.С. Реальность и миражи европейской идентичности // Внутриполитические трансформации в западных странах: реальность и перспективы / отв. ред. К.Г. Холодковский. – М.: ИМЭМО РАН, 2007. – С. 76-96.

215. Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности / И.С. Семененко // ПОЛИТЭКС. – 2011. – Том 7 (2). – С. 5-24.
216. Семененко И.С. Национальное государство и национальная идентичность: смена парадигмы / И.С. Семененко // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. – М.: Политическая энциклопедия, 2012. – С. 221-250.
217. Семененко И.С. и др. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.
218. Семененко И.С. Идентичности в изучении политики / И.С. Семененко // Современная политическая наука: методология. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 446-463.
219. Семененко И.С. и др. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН: Весь мир, 2023. – 512 с.
220. Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Марксизм и интерпретация культуры / под ред. К. Нельсона и Л. Гроссберга; пер. с англ. Н. Г. Матвеевой. – М.: Прогресс, 2001. – 148 с.
221. Тишков В.А. Российская полиэтничность в мировом контексте / В.А. Тишков // Вестник Российской нации. – 2013. – № 5 (31). – С. 12-29.
222. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – Спб.: Алетейя, 2017. – 308 с.
223. Черномырдин В.С. Вызов / В.С. Черномырдин. – М.: Московский писатель, 2003. – 616 с.
224. Щербак И.Н. Западные Балканы в стратегии Евросоюза / И.Н. Щербак // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 3. – С. 41-47.
225. Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан / Е.Г. Энтина. – М.: ИЕ РАН, 2016. – 130 с.

226. Энтина Е.Г. Незападные Балканы / Е.Г. Энтина – М.: ИЕ РАН: Галактика: Зебра Е, 2022. – 656 с.

227. Энтина Е.Г. и др. 30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния? / под ред. Е.Г. Энтиной – М.: Зебра Е, 2025. – 392 с.

Список литературы (на иностранных языках)

228. Грчић М. Проблеми културног идентитета Балкана / М. Грчић // Herald. – 2017. – С. 39-67.

229. Милошевић Б.М. Српско школство као бедем идентитетском инжињерингу Бењамина Калаја у Босни и Херцеговини / Б.М. Милошевић // Баштина – Приштина – Лепосавић, 2023. – св. 60. – С. 313-327.

230. Наградић С. Политике (не)пријатељства. Европа и Балкан. Истраживање политике идентитета ЕУ на «Западном Балкану» / С. Наградић. – Бања Лука: Балканолошки истраживачки центар, 2015. – 242 с.

231. Суботић М. Идентитет и геополитичка стварност Срба / М. Суботић – Београд: Институт за политичке студије, 2012. – 312 с.

232. Филиповић В. Српски Исток некад и данас: археологија, етнологија, историја и лингвистика. Етно-културолошкизборник. Књига XXII / В. Филиповић, И. Тодоровић. – Сврљиг: Центар за туризам, културу и спорт, 2019. – 224 с.

233. Alpidis K. Inter-ethnic conflict resolution. The case of North Macedonia: MPhil(R) thesis / K. Alpidis; University of Glasgow. – Glasgow, 2020. – 117 p.

234. Attila H.M. The History of Bosnia: From the Middle Ages to the Present Day / H.M. Attila. – London: Saqi, 2007. – 520 p.

235. Babuna A. Nationalism and the Bosnian Muslims / A. Babuna // East European Quarterly. –1999. – Vol. 33. – P. 195-218.

236. Belloni R. The European Union Blowback? Euroscepticism and its Consequences in the Western Balkans / R. Belloni // Journal of Intervention and Statebuilding – 2016. – № 10(4). – P. 530-547.

237. Bendix R. Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order / R. Bendix. – N.Y.: John Wiley & Sons, 1964. – 314 p.

238. Bhabha Homi K. The Location of Culture / Homi K. Bhabha. – London: Routledge classics, 2004. – 408 p.

239. Bieber F. Power Sharing as Ethnic Representation in Postconflict Societies: The Cases of Bosnia, Macedonia, and Kosovo / A. M. Pippidi and I. Krastev, eds. Nationalism after Communism: Lessons Learned. – Budapest/New York: Central European University Press, 2004. – P. 231-249.

240. Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison / P. Brass. – New Delhi: Sage, 1991. – 358 p.

241. Brubaker R. Religion and Nationalism: Four Approaches / R. Brubaker // Nations and Nationalism. – 2012. – P. 2-20.

242. Börzel T.A. When Europeanization Hits Limited Statehood: The Western Balkans as a Test Case for the Tranformative Power of Europe / T.A. Börzel // Cover: Working Paper KFG. The Transformative Power of Europe. – 2011. – 18 p.

243. Börzel T.A. Building Good (Enough) Governance in Postconflict Societies & Areas of Limited Statehood: The European Union & the Western Balkans / T.A. Börzel, S. Grimmdoi // Dædalus. – 2018. – P. 116-127.

244. Cerutti F. Towards the political identity of the Europeans: An introduction // A soul for Europe. On the political and cultural identity of the Europeans / Ed. by F. Cerutti, E. Rudolph. – Leuven, 2001. – Vol. 1. – P. 1-31.

245.Calhoun C. Nationalism and ethnicity / C. Calhoun // Annual Review of Law and Social Science. – 1993. – Vol. 19. – P. 211-239.

246. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu / A. Davutoğlu. – İstanbul, Küre Yayınları, 2001. – 584 p.

247. Deutsch K. Nation-building / K. Deutsch, W.J. Foltz. – Chicago: Adeline-Atherton, 1966. – 171 p.

248. Dobbins J. Europe's role in Nation-Building: From the Balkans to the Congo / J. Dobbins, S.G. Jones, K. Crane. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. – 298 p.

249. Džafić A. Bosanski identitet – razaranje paradigme multilateralnosti? / A. Džafić, N. Krčalo // Filozofski fakultet Univerziteta u Tuzli. – 2019. – № 8. – S. 169-184.

250. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language / N. Fairclough. – Harlow: Longman, 1995. – 265 p.

251. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. – 2nd ed. – London: Routledge, 2013. – 591 p.

252. Finnemore M. Norms, Culture, and World Politics: Insights from sociology's institutionalism / M. Finnemore // International Organization. – 1996. – Vol. 50 (2). – P. 325-347.

253. Gellner E. Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals / E. Gellner. – N.Y.: Allen Lane/Penguin Press, 1994. – 225 p.

254. Gordy E. Dayton's Annex 4 Constitution at 20: political stalemate, public dissatisfaction and the rebirth of self-organisation / E. Gordy // Southeast European and Black Sea Studies. – 2015. – № 4. – P. 611-622.

255.Heikkinen J.K. Fifty Shades of Postcolonialism: Exploring the Normative Background of the EU's Enlargement Policy Towards the Western Balkans : master's thesis / J.K. Heikkinen; University of Helsinki. – Helsinki, 2021. – 101 p.

256. Jordanovska I. Identity Insecurity: North Macedonia's Challenging Relationship With Itself and Others / I. Jordanovska // New Lines Institute. – 2021. – P. 24-30.

257. Keil S. Multinational Federalism in Bosnia and Herzegovina: PhD thesis / S. Keil. – Canterbury: University of Kent, 2010. – 250 p.

258.Kohn H. The idea of Nationalism: A study in its origins and background. 2. print. / H. Kohn. – Toronto (Ontario): Collier books, 1969. - XIII – 35 p.

259. Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / R. Koselleck. – N.Y.: Columbia University Press, 2004. – 300 p.

260. Latal S. Bosnia and Herzegovina: Geopolitical Strife Fuels local, regional Crises / S. Latal. – Prague: The Prague Security Studies Institute, 2023. – 17 p.

261. Miltojević V. Euro-optimism or euroscepticism: Opinions of students from Serbia, Macedonia and Bulgaria / V. Miltojević // RUDN Journal of Sociology. – 2019. – Vol. 19 (2). – P. 231.
262. Minić J. Budućnost EU i Zapadni Balkan – pogled iz Srbije / J. Minić. – Beograd: Grafolik, 2016. – 24 s.
263. Muhasijović J. Turkey's faith-based diplomacy in the Balkans / J. Muhasijović // Rising Powers Quarterly. – 2018. – Vol. 3 (3). – P. 63–85.
264. Musliu V. Europeanization and statebuilding as everyday practices. Performing Europe in the Western Balkans / V. Musliu. – N.Y.: Routledge, 2021. – 172 p.
265. Neshković R. Nedovrshena drzava. Politicians of the Bosnia and Herzegovina systems / R. Neshković. – Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung, 2013. – 429 p.
266. Nye J.S., Jr. Soft power / J.S. Nye., Jr. // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153-171.
267. Öktem K. Turkey’s Moment in the World: Davutoğlu and Neo-Ottomanism in Turkey’s Foreign Policy / K. Öktem // Modern Turkey and the Middle East / ed. by K. Öktem, N.K. Öktem, M.A. Reynolds. – Leiden: Leiden University Press, 2019. – P. 473–474.
268. Paquin J. Managing Controversy: U.S. Stability Seeking and the Birth of the Macedonian State / J. Paquin // Foreign Policy Analysis – 2008. – № 4. – P. 437–458.
269. Parekh B. A New Politics of Identity: Political Principles for an Interdependent World / B. Parekh. – London: Palgrave Macmillan, 2008. – 320 p.
270. Pavlović S. Građevina nedovršenog: problem identiteta Zapadnog Balkana. – Institut za međunarodnu politiku i privredu / S. Pavlović // Međunarodna politika. – maj-april 2010. – br. 1138. – S. 91-100.
271. Petrović D. Anatomija identiteta: teorijsko problematiziranje identiteta, Anatomy of identity: theoretical approach to identity / D. Petrović // Etnološka istraživanja. – 2006. – № 11. – S. 209-233.

272. Powell W. The New Institutionalism in Organizational Analysis /ed. by Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 486 p.
273. Radaelli C. The Politics of Europeanization / K. Featherstone, C. Radaelli. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 368 p.
274. Radaković M. Međusobna determinisanost evropskog i nacionalnog identiteta / M. Radaković // Međunarodna Politika. – april–jun 2010. – br. 1138. – S. 45.
275. Risse T. Governance in Areas of Limited Statehood: Introduction and Overview. In Governance Without a State? Policies and Politics in Areas of Limited Statehood / T. Risse. – N.Y.: Columbia University Press, 2011. – 312 p.
276. Risse T. Governance Under Limited Sovereignty / T. Risse. – SSRN, 2010. – 30 p. (APSA 2010 Annual Meeting Paper).
277. Rrustemi A. Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans / A. Rrustemi, R.de Wijk. – The Hague: Hague Centre for Strategic Studies, 2019. – 195 p.
278. Said E.W. Orientalism / E.W. Said. – N.Y.: Pantheon Books, 1978. – 368 p.
279. Shulman S. Challenging the Civic/Ethnic and West/East Dichotomies in the Study of Nationalism / S. Shulman // Comparative Political Studies. – 2002. – Vol. 35 (2). – P. 554-585.
280. Smith A. National Identity / A. Smith. – London: Penguin, 1991. – 227 p.
281. Smith A. The Ethnic Origins of Nations / A. Smith. – Oxford: Blackwell, 1986. – P. 183–190.
282. Smith A. Myths and Memories of the Nation / A. Smith – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 149–159.
283. Sören K. Das Crux mit der Intervention in: Forschungsstelle Osteuropa Bremen (Ed.): Das Ende des postsozialistischen Raums? (Ent-)Regionalisierung in Osteuropa / K. Sören // Beiträge für die 17. Tagung junger Osteuropa-Experten. – Bremen. – 2009. – S. 132-135.

284. Tanasković D. Neoosmanizam: Povratak Turske na Balkan [Neo-Ottomanism. Turkey's Return to the Balkans] / D. Tanasković. – Belgrade: JP Službeni glasnik, 2010. – 109 s.

285. Todorova M. Balkan Identities: Nation and Memory / M. Todorova. – London: Hurst & Company, 2004. – 352 p.

286. Todorova M. Imagining the Balkans / M. Todorova. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 209 p.

287. Van Dijk T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. – London: Sage Publications, 1998. – 384 p.

288. Warner F. U.S. and European Countries: Overview, Policy and Implications / F. Warner. – New York: Nova Science Publishers, 2021. – 315 p.

289. Wodak R. Methods of Critical Discourse Analysis / edited by R. Wodak, M. Meyer. – 2nd ed. – London: SAGE, 2009. – 204 p.

290. Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as usual / R. Wodak. – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011. – 252 p.

291. Woodward S.L. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War / S.L. Woodward. – Washington: Brooking Institutions Press, 1995. – 556 p.

292. Zorić B. Turkish Foreign Policy in the Western Balkans: Cultural and Economic Integration / B. Zorić // Journal of Balkan Studies. – 2019. – Vol. 15 (4). – P. 67–84.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 3. Собирательный образ внешних акторов у балканских народов (на примере Боснии и Герцеговины и Северной Македонии) с оценкой этносов, населяющих регион

	ЕС	США	Россия	Турция	Китай
	Неоправданные ожидания	*Военный интервенционист*	*Оплот православного мира*	*Защитник мусульман на Балканах*	*Долговой кредитор*
Босния и Герцеговина	-	+/-	+/-	+/-	+
Северная Македония	-	+/-	+/-	+/-	+

Источник: составлено автором

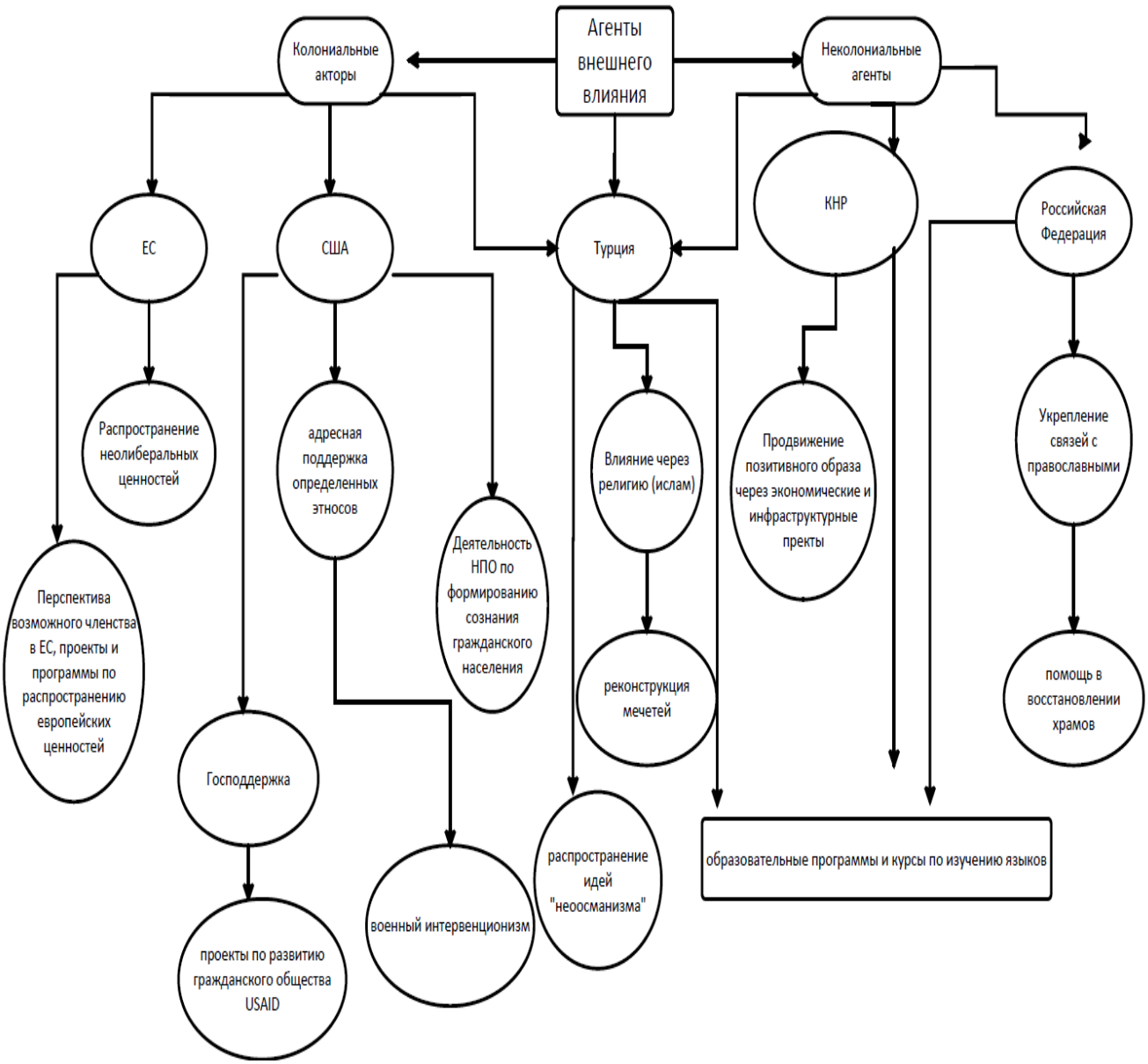
Таблица 4. Механизмы влияния внешних акторов на идентификационные процессы (на примере Боснии и Герцеговины и Северной Македонии)

Внешние акторы	Босния и Герцеговина	Северная Македония
ЕС	Переговорный процесс, Распространение системы неолиберальных ценностей, Продвижение нарративов через международные площадки, Формирование политики памяти о войне 1992-1995 гг.	Переговорный процесс, Распространение системы неолиберальных ценностей, Требования уступок в вопросе национальной идентичности
США	Интервенция сил НАТО для подписания мирного договора, Проекты по гражданскому обществу Агентства по международному развитию, Формирование политики памяти о войне 1992-1995 гг. Поддержка ФБиГ	Посредничество НАТО при заключении перемирия, Проекты по гражданскому обществу Агентства по международному развитию, Поддержка македонских албанцев
Россия	Русские центры (курсы русского языка), продвижение русской культуры, Межцерковные связи РПЦ и СПЦ, Сотрудничество с Республикой Сербской по широкому спектру вопросов (в т.ч. в сфере политики памяти)	Русские центры (курсы русского языка), продвижение русской культуры, межцерковный диалог РПЦ и МПЦ, продвижение нарративов об общей политике памяти о Второй мировой войне

Турция	Реконструкция мечетей (поддержка исламских общин), Открытие турецких школ и университетов	Поддержка политический партий, Открытие турецких школ и университетов, Реконструкция мечетей
Китай	Институт Конфуция (продвижение китайской культуры), Инвестиционные проекты и кредиты	Институт Конфуция (продвижение китайской культуры), Инвестиционные проекты и кредиты

Источник: составлено автором

Блок-схема 1.Типологизация внешних акторов по вектору влияния

Источник: составлено автором

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП – Аппарат Высокого представителя в Боснии и Герцеговине
БиГ – Босния и Герцеговина
ВМРО-ДПМНЕ – Внутренняя македонская революционная организация - Демократическая партия за македонское национальное единство (политическая партия, Северная Македония)
ДСИ – Демократический союз за интеграцию (политическая партия, Северная Македония)
ЕК – Европейская комиссия
ЕС – Европейский союз
ЗБ – Западные Балканы/западнобалканский
КНР – Китайская Народная Республика
МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации
МПЦ – Македонская православная церковь
МТБЮ – Международный трибунал по бывшей Югославии
НАТО – Организация Североатлантического договора
НОА – Национальная освободительная армия
ПДП – Партия демократического прогресса (политическая партия, Босния и Герцеговина)
РПЦ – Русская православная церковь
РС – Республика Сербская **(**энтитет в составе Боснии и Герцеговины)
СБ ООН – Совет безопасности Организации Объединенных Наций
СДС – Сербская демократическая партия (политическая партия, Босния и Герцеговина)
СДСМ – Социал-демократический союз Македонии (политическая партия, Северная Македония)
СМИ – средства массовой информации
СНСД – Союз независимых социал-демократов (политическая партия, Босния и Герцеговина)
СПЦ – Сербская православная церковь
СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия
США – Соединенные Штаты Америки
ФБиГ – Федерация Боснии и Герцеговины (энтитет, Босния и Герцеговина)
ХДЗ – Хорватское демократическое содружество Боснии и Герцеговины (политическая партия, Босния и Герцеговина)
USAID – Агентство США по международному развитию